
С.П.Алексеев
КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ НАШЕЙ РОДИНЫ

1667—1671
1703
1790

1812
1825
1900

С.П.Алексеев

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ НАШЕЙ РОДИНЫ

(с 1670 по 1945 год)

Пособие для учащихся 5 класса

2-е издание, доработанное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1991

ББК 63.3(2)я72
А47

Рецензенты:
Т. С. Голубева, кандидат педагогических наук;
Н. И. Ворожейкина, кандидат педагогических наук;
Н. Ю. Червен-Водали, учитель истории

Алексеев С. П.
А47 Книга для чтения по истории нашей Родины (с 1670 по 1945 год): Пособие для учащихся 5 кл.—2-е изд., дораб.— М.: Просвещение, 1991.—206 с.: ил.— ISBN 5-09-001895-2.

В книгу лауреата Государственной премии СССР писателя С. П. Алексеева включены рассказы, посвященные наиболее ярким и значимым событиям отечественной истории. Учащиеся узнают из них о выдающихся государственных деятелях, героях, полководцах, людях труда.
Книга будет содействовать развитию интереса школьников к истории Родины.

А $\frac{4306020500-508}{103(03)-91}$ **инф. письмо —90, № 59**

ББК 63.3(2)я72

ISBN 5-09-001895-2

Дорогие ребята!

Перед вами книга рассказов из отечественной истории. Начинается она с рассказов о восстании крестьян под руководством Степана Разина и завершается рассказами из истории Великой Отечественной войны советского народа с немецкими фашистами.

Многие важные исторические события пройдут перед вами. Вы познакомитесь с деятельностью русского царя Петра Первого и узнаете о его времени. Встретитесь с великим русским полководцем Александром Суворовым и с его непобедимыми солдатами. Вместе с фельдмаршалом Михаилом Кутузовым, русской армией и партизанами пройдете по дорогам войны 1812 года. Прочтете о подвиге декабристов.

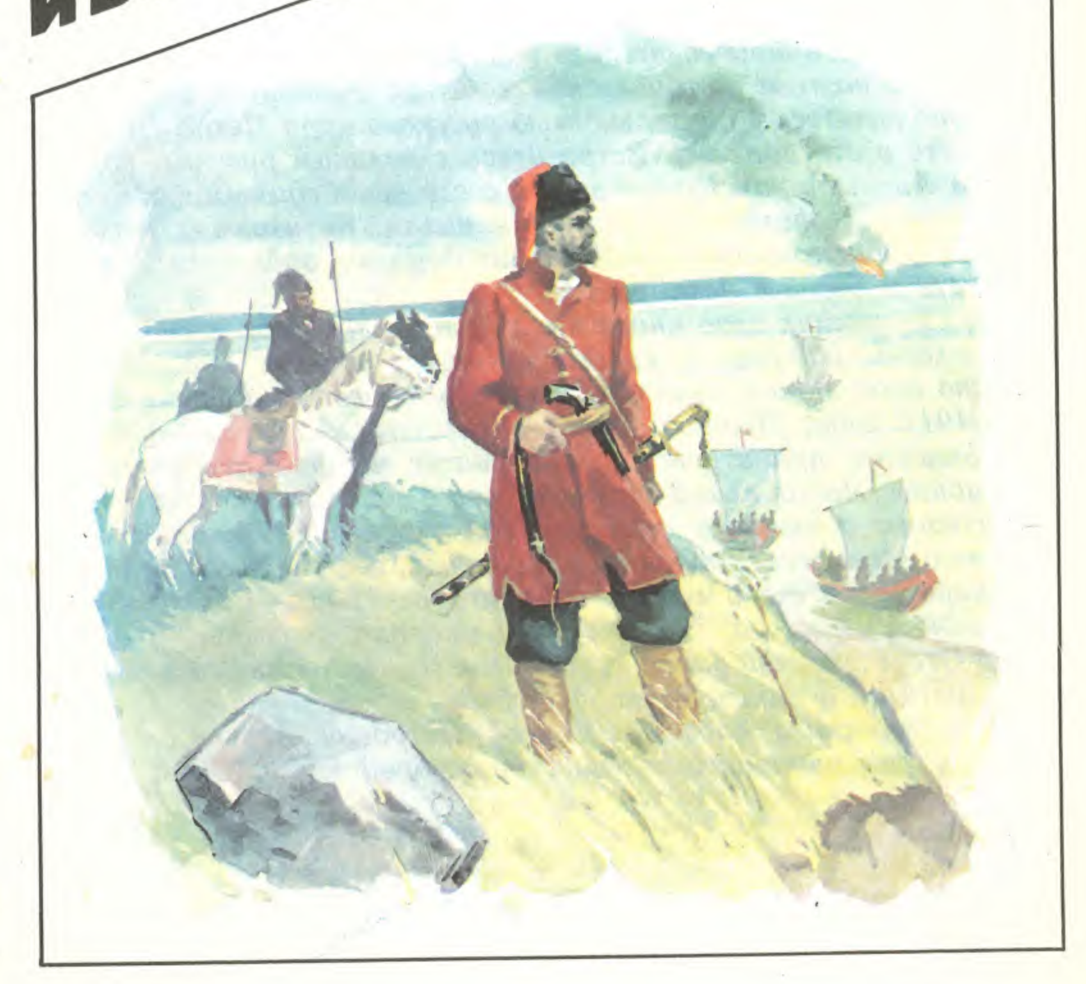
Из следующих глав книги вы узнаете о том, как в годы царской власти рабочие и крестьяне нашей страны боролись за лучшую свою долю. Прочтете рассказы о революционных событиях 1917 года. Познакомитесь с первыми декретами рабоче-крестьянского правительства. Побываете на фронтах гражданской войны. Новая глава перенесет вас в годы первых пятилеток. Вы узнаете о великих стройках той тяжелой и удивительной поры — о Магнитке, Днепрогэсе, Турксибе, городе Комсомольске-на-Амуре, прочтете о героях и новаторах труда — стахановцах.

Закончится книга, как мы уже говорили, рассказами о Великой Отечественной войне, о подвигах советских людей в борьбе с фашистами, о нашей великой Победе.

Написал книгу писатель Сергей Петрович Алексеев.

Итак, вы начинаете путешествие в родную историю.

РАССКАЗЫ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ, КАЗАКАХ И ВОССТАВШЕМ НАРОДЕ

— Разин, Разин идет!

— Степан Тимофеевич!

1670 год. Неспокойно в государстве Российском. В огромной тревоге бояре и царские слуги. Восстал, встрепенулся подневольный, угнетаемый люд. Крестьяне, казаки, башкиры, татары, мордва. Сотни их, великие тысячи.

Ведет крестьянское войско лихой атаман, донской казак Степан Тимофеевич Разин.

— Слава Разину, слава!

О великом народном походе, о тех изменениях, которые проводили разинцы в освобожденных городах и селениях, о народном полководце и вожде — Степане Тимофеевиче Разине и написаны эти рассказы.

КНЯЖЕСКИЙ КОНЬ

Отряд верховых ехал крестьянским полем. Поднялись они на пригорок. Смотрят всадники — что за диво! Мужик пашет землю. Только не конь у него в сохе. Впряглись вместо лошади трое: крестьянская жена, мать-старуха да сын-малолеток.

Потянут люди соху, потянут, остановятся и снова за труд.

Подъехали конные к пахарю. Главный из них глянул суровым взглядом:

— Ты что же, твоя душа, людишек заместо скотины!

Смотрит крестьянин — перед ним человек огромного роста. Шапка с красным верхом на голове. Зеленые сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Нагайка[1] в руках крученая.

«Видать, боярин, а может, и сам воевода»,— соображает мужик. Повалился он знатному барину в ноги, растянулся на борозде.

— Сироты, сироты мы. Нету коня. Увели за долги кормильца.

Лицо всадника перекосилось. Слез он на землю. Повернулся к крестьянину. Мужик попятился, вскочил — и бежать с испуга.

— Да стой ты, леший, стой же! Куда?! — раздался насмешливый голос.

Мужик несмело вернулся назад.

— На, забирай коня,— протянул человек мужику поводья.

Опешил крестьянин. Застыли жена и старуха-мать. Раскрылся рот у малого сына. Смотрят. Не верят такому чуду.

Конь статный, высокий. Масти сизой, весь в яблоках. Княжеский конь.

«Шутит барин»,— решает мужик. Стоит. Не шелохнется.

— Бери же. Смотри, передумаю! — пригрозил человек. И пошел себе полем.

Верховые ринулись вслед. Лишь один молодой на минуту замешкался: обронил он случайно кисет с табаком.

[1] *Нагайка* — короткая ременная плеть.

Впряглись вместо лошади трое: крестьянская жена, мать-старуха и сын-малолеток.

— Всевышний, всевышний послал! — зашептал обалдело крестьянин.

Повернулся мужик к коню. И вдруг испугался: да не колдовство ли все это? Потянулся он к лошади. Конь и дернул его копытом.

Схватился мужик за побитое место.

— Настоящий! — взвыл от великого счастья.— Кто вы, откуда? — бросился мужик к молодому парню.

— Люди залетные. Соколы вольные. Ветры весенние,— загадочно подмигнул молодец.

— Да за кого мне молиться? Кто же такой тот, в шапке?!

— Разин. Степан Тимофеевич Разин! — уже с ходу прокричал верховой.

ДВЕ РУКИ

Группа беглых крестьян пробиралась на Волгу к Разину. Шли ночами. Днями отсыпались в лесах и чащобах. Держались подальше от проезжих дорог. Стороной обходили селенья. Шли целый месяц.

Старший среди мужиков, рябоватый дядя Митяй, поучал:

— Принимай, отец атаман, в войско свое казацкое.

— Он, атаман Степан Тимофеевич,— грозный. Он нератных людей не любит. Спросит: «Владеете саблей?» — говорите: «Владеем».— «Колете пикой?» — «Колем».

Явились крестьяне к Разину:

— Принимай, отец атаман, в войско свое казацкое.

— Саблей владеете?

— Владеем.

— Пикой колете?

— Колем.

— Да ну? — подивился Разин. Приказал привести коня.— Залезай, борода,— показал на дядю Митяя.— Держи саблю.

Не ожидал дядя Митяй проверки. «Пропал, пропал! Казнит за вранье атаман». Стал он выкручиваться:

— Да мы больше пеше.

— В казаках да и пеше?! А ну-ка залазь!

— Да я с дороги, отец, устал.

— Не бывает усталости ратному человеку.

Смирился дядя Митяй. Подхватили его казаки под руки, кинули верхом на коня. Взялся мужик за саблю.

Гикнули казаки. Помчался по полю конь. Непривычно дяде Митяю в седле. Саблю впервые держит. Взмахнул он саблей, да тут же и выронил.

— Сабля с норовом, с норовом. Не дается,— гогочут вокруг казаки.

— Зачем ему сабля? Он лаптем по ворогу! — пуще всех хохочет Степан Тимофеевич.

Обидно стало крестьянину. Набрался он храбрости. Подъехал к Разину и говорит:

— Зря, атаман, смеешься. Стань за соху — может, мы тоже потешимся.

Разгорячился от смеха Разин:

— Возьму да и стану!

Притащили ему соху. Запрягли кобылицу. А Разин, как и все казаки, отроду не пахивал поле. Думал — дело простое. Начал — не ладится.

— Куда, куда скривил борозду! — покрикивает дядя Митяй.

— Мелко, мелко пласт забираешь. Ты глубже, глубже давай землицу,— подсказывают мужики.

Нажал атаман посильнее — лопнул сошник.

— Соха с норовом, с норовом. Не дается, упрямая! — засмеялись крестьяне.

— Да зачем казаку соха? Он саблей землицу вспашет! — похихикивает дядя Митяй.

Посмотрел Разин на мужиков. Насупился.

— Зря, атаман, смеешься. Стань за соху — может, мы тоже потешимся.

Крестьяне в момент притихли. Дядя Митяй ухватился за бороду: «Эх, осерчает сейчас атаман!»

Однако Степан Тимофеевич вдруг рассмеялся.

— Молодец, борода! — похлопал по плечу дядю Митяя.— Благодарю за науку. Эй! — закричал казакам.— Не забижать хлебопашный народ. Выдать коней, приклад. Равнять с казаками. Потом подумал и добавил: — И пахарь и воин что две руки при одном человеке.

РАЙСКАЯ ЯГОДА

Взял Разин волжские города: Астрахань, Царицын, Саратов, Самару. Дальше — на север, к Симбирску пошел походом.

Идет вверх по Волге Разин. А в это время следом за ним поднимается струг с виноградом. Это астраханцы решили послать атаману подарок.

— Пусть отведает отец атаман. Пусть и казаки ягодой этой побалуются.

Виноград отборный — райская ягода. Грозди одна к одной.

Добрался струг до Царицына. В Царицыне Разина нет. Ушли отряды уже к Саратову.

Филат Василёнок — старший на струге — подал команду трогаться дальше в путь.

Добрался струг до Саратова. В Саратове Разина нет. Ушли отряды уже к Самаре.

Призадумался Филат Василёнок. Лето жаркое. Дорога дальняя. Портиться стал виноград. Половина всего осталась.

— Ну и прытко идет атаман!

Подумал Филат и все же решил догнать Разина.

— Налегай, налегай! — покрикивает на гребцов.

Прибыли астраханцы в Самару. В Самаре Разина нет.

— О господи! — взмолился Филат Василёнок.— За какие такие грехи наказал ты меня, несчастного?

От винограда и десятой доли теперь не осталось. Гребцы за дорогу к тому же устали. В струге возникла течь.

Думал, думал Филат Василёнок, крутил свою бороду. Прикидывал так и этак. Ясно Филату, не довезет он Разину гостинец в сохранности.

Решил Василёнок дальше не плыть. «Эх, была не была — раздам виноград я самарцам! Детям,— подумал Филат.— Вот кому будет радость!»

Так и поступил.

Для самарцев виноград — ягода невиданная. Собрались к берегу Волги и мал и стар.

Раздавал Василёнок виноград ребятишкам, приговаривал:

— Отец атаман Разин Степан Тимофеевич жалует.

То-то был праздник в тот день в Самаре! Виноград сочный, вкусный. Каждая ягода величиною с грецкий орех. Набивают ребята рты. Сок по губам, по щекам течет. Даже уши в соку виноградном.

Вернулся Василёнок в Астрахань. Рассказал все, как было. Не довез, мол, виноград Разину. Раздал его в Самаре ребятам.

— Как! Почему! — возмутились астраханцы.

Обидно им, что их гостинец не попал к Степану Тимофеевичу. Наказали они Филата. А к Разину послали гонца с письмом.

Написали астраханцы про струг с виноградом, про Филата, про самарских ребят. В конце же письма сообщили: «Бит Филат Василёнок нещадно кнутами. А будет воля твоя, отец атаман, так мы посадим его и в воду [1]. Отпиши».

Прибыл ответ от Разина.

Благодарил Степан Тимофеевич астраханцев за память, за струг. Написал и о Филате Василёнке. Это место астраханцы читали раз десять. Вот что писал Разин:

«А Филатке Василёнку моя атаманская милость». Далее шло о том, что жалует Разин Филата пятью соболями, то есть пятью соболиными шкурками, казацкой саблей и шапкой с малиновым верхом. «Дети,— значилось в разинском письме,— мне паче себя дороже. Ради оных и бьемся мы с барами. Ради оных мне жизни своей не жалко».

КАЧЕЛИ

Быстро шел вверх по Волге Разин. Истомились войска в походе. И вот в каком-то приволжском большом селе стали они на отдых.

В первый же день казаки соорудили качели. Врыли в землю столбы — в каждом по пять саженей [2]. Выше деревьев взлетали качели.

Сбежались к берегу Волги и парни, и девки, и все село. Визга здесь было столько, смеха здесь было столько, что даже Волга сама дивилась, привставала волной на цыпочки, смотрела на шумный берег.

В полном разгаре отдых. Три дня кругом веселье.

— Эх, простоять бы нам тут неделю! — поговаривают казаки.

К Волге, к качелям, вышел и Разин.

— А ну-ка, батька!

— Степан Тимофеевич!

— Место давай атаману! Место! — кричат казаки.

Потащили его к качелям.

— Прелесть кругом увидишь!

Усмехнулся Степан Тимофеевич:

— А вдруг как не то с высоты увижу?

— То самое, то,— не унимаются разинцы.— И Волгу, и плес, и приволжские кручи. Над лесом взлетишь, атаман. Как сокол, расправишь крылья.

Залез на качели Разин. Вместе с девушкой местной — Дуняшей. Замерло сердце у юной Дуняши. Вцепилась она в веревки.

Набрали качели силу: то вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Разгорячился Степан Тимофеевич. Разметались под ветром кудри. Полы кафтана, как крылья, дыбятся. Глаза черным огнем горят. Все выше и выше взлетают качели. Режут небесную синь.

— Вот это да! По-атамански, по-атамански! — кричат казаки.

Побелела совсем Дуняша.

— Ух, боязно! Ух, боязно!

— Девка, держись за небо! — какой-то остряк смеется.

Состязаются весельчаки:

— Отец атаман, бабку мою не видишь?

— Может, ангелов в небе видишь?

— Как там Илья-пророк?

---

[1] *Посадить в воду* — вид казни: человека сажали в мешок и бросали в реку.

[2] *Сажень* — русская мера длины, равная 2,134 метра.

— И ангелов вижу, и бабку вижу. А вона едет в карете Илья-пророк,— отвечает на шутки Разин. А сам все время на север смотрит — туда, куда дальше идти походом.

Заприметили это разинцы.

— Что там, отец атаман?

Молчит Степан Тимофеевич.

— Что видишь, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

Недоумевают внизу казаки. Может, пожар атаман увидел? Может, боярские струги идут по Волге? Или вовсе какая невидаль? Прекратилось вокруг веселье. Обступили качели разинцы.

— Что видишь, отец атаман?

Выждал Разин, когда все утихло:

— Горе людское вижу. Слезы сиротские вижу. Стоны народные слышу. Ждут нас людишки. На нас надеются.

Кольнули слова атамана казацкие души.

Замедлили мах качели. Спрыгнул на землю Разин. Подошел к нему сотник Веригин:

— Правда твоя, атаман. Не ко времени отдых выбран.

— Верно, верно,— загудели кругом казаки.— Дальше пошли походом.

Поднялось крестьянское войско. Сотня за сотней. Отряд за отрядом. Вздымалась дорожная пыль.

Остались в селе качели. Долго еще на них мальчишки взлетали в небо. И, замирая на высоте, вслед ушедшим войскам смотрели.

СНЯТСЯ БОЯРАМ СТРАШНЫЕ СНЫ

Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник — Разин верхом на коне.

В тревоге живут бояре. И в Твери, и в Рязани, и в Орле, и в Москве, и в других городах и селах.

Послышится цокот копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги. Вечер ударит в окна — боярское сердце замрет и екнет.

Боярин Епифан Кузьма-Желудóк боялся Разина не меньше других. А тут еще боярский холоп Дунайка рассказывал ему что ни день, то все новые и новые страсти. И, как назло, всегда к ночи.

Много про Разина разных слухов тогда ходило. И с боярами лют, и с царскими слугами крут. И даже попов не жалеет. А сам он рожден сатаной и какой-то морской царицей. В общем, нечистое это дело.

— Пули его не берут,— говорил Дунайка.

— Пушки, завидя его, умолкают.

— Перед ним городские ворота сами с петель слетают.

— Ох-ох, пронеси господи! — крестился боярин Кузьма-Желудóк.

— А еще он летает птицей, ныряет рыбой,— шепчет Дунайка.— Конь у него заколдованный — через реки и горы носит. Саблю имеет волшебную. Махом одним сто голов сбивает.

— Ох, ох, сохрани господи!

— А еще,— не умолкает Дунайка,— свистом своим, мой боярин, он на Волге суда привораживает. Свистнет, и станут на месте струги. Люди от погляда его каменеют.

— Ох, ох, не доведи свидеться!

Живет боярин, как заяц, в страхе. Потерял за месяц в весе два пуда [1].

---

[1] *Пуд* равен 16 килограммам.

Постарел сразу на десять лет. На голове последних волос лишился.

Молился боярин Кузьма-Желудóк, чтобы беда прошла стороной. Не услышал господь молитвы.

И вот однажды случилось страшное. Открыл бедняга глаза — Разин стоит у постели.

Хотел закричать боярин, но не смог. И Разин молчит, лишь взглядом суровым смотрит. Глаза черным огнем горят.

Чувствует боярин, что под этим взглядом он каменеет. Вспомнил слова Дунайки. Двинул рукой — не движется. Двинул ногой — не движется.

— О-о!..— простонал несчастный. Но крик из души не вышел.

Утром слуги нашли хозяина мертвым.

— С чего бы?

— Да как-то случилось!

Не понимают в боярском доме, что с барином их стряслось.

— Что-то рано господь прибрал.

— Жить бы ему и жить.

— Может, что-то дурное съел?

— Сон ему, может, недобрый привиделся? Уж больно всю ночь стонал.

...Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник.

РАЗИНКА

Осенью 1670 года под городом Симбирском произошла битва разинцев с боярским войском. Плохо вооруженные, слабо обученные крестьянские отряды потерпели поражение. Разин в бою был тяжело ранен.

Верные казаки везли Разина домой, на родную донскую землю. Между Волгой и Доном заночевали они на маленьком хуторе. Бережно перенесли раненого атамана в избу.

Лежит на сдвинутых лавках Разин. Смотрит на стены, на потолок. Напряженно о чем-то думает. Прикроет глаза, откроет. Глянет куда-то сквозь стены вдаль. Снова закроет веки.

Вскоре к Разину подошел мальчик, подросток, постоял около Разина, не зная, как поступить, наконец протянул яблоко.

— Откушай, Степан Тимофеевич... Разинка.

— Что?!

— Разинкой называется,— объяснил мальчик.

Брови атамана от удивления поднялись. Он глянул по сторонам и припомнил.

Было это в 1667 году, при первом походе Разина с казаками на Волгу. И тогда он ночевал на этом же самом хуторе. Старик хозяин поутру возле дома высаживал яблоньки. Засмотрелся Степан Тимофеевич:

— Давай помогу.

— Доброе дело,— ответил старик.

Выкопал Разин ямку. Посадил яблоньку. Маленькую, маленькую, без листочков. Хиленький, тоненький стебелек.

— Приезжай, Степушка, через три года. Отведать разинку,— приглашал атамана старик.

Усмехнулся Разин:

— Ну что же — приеду.

И вот прошло не три, почти целых четыре года. «Привела все же судьба»,— подумал Разин.

— А где же дедусь? — спросил он у мальчика.

— Помер. Еще по весне. В самый садовый цвет. А как помирал, все

— Откушай, Степан Тимофеевич... Разинка.

кликал тебя, Степан Тимофеевич. Все про яблоньку говорил. Беречь ее и нам, и тем, что после родятся, наказывал.

Утром Разин глянул на дерево. Стояло оно молодое, пышное, сильное. Пустило крепкие ветви в стороны. И висели на нем яркие, крупные, в два казацких кулака, душистые яблоки.

«Разинка!» — произнес про себя Степан Тимофеевич. Приказал он отнести себя на могилу дедову, поклонился и тронулся дальше в путь.

Всю дорогу Разин говорил о садах:

— Красота-то какая! По всему Дону, по всей Волге, по свету всему посадим такую прелесть. Скинем бояр — за сады возьмемся. Чтобы полыхало по весне белым огнем вокруг. Чтобы к осени ветки до корня гнулись. Да что сады — жизнь перестроим. Перепашем, перевернем сошником. Травы дурные — вон. Колос — наружу. Чтобы в радость великую людям. Чтобы счастье всему народу.

ГРОЗНЫЙ ВСАДНИК

Не дожил Степан Тимофеевич до счастливого времени. Вскоре после возвращения на Дон Разин был схвачен богатыми казаками.

Скрутили цепями Разина, повезли на расправу в Москву. Везли осторожно, под сильной стрелецкой охраной. Впереди выезжали дозорные. Смотрели, чиста ли дорога. Нет ли в пути засад.

Неспокойно было еще кругом. Еще бурлило море войны народной. Било гневом в боярский берег. На Каме, Ветлуге, Оке и Хопре еще бродили отряды восставших. По Волге гулял атаман Шелудяк, ближайший сподвижник Разина.

Сидел в телеге, не двигаясь, Разин. Идет дорога то вниз, то вверх, то тонет в глуши низинной, то тянется к самому небу.

Смотрит на небо Степан Тимофеевич. Бескрайним простором оно зовет. Волей, свободой дышит.

«Нет, не будет великому делу конца,— сам с собой рассуждает Разин.— Не стерпят боярских колодок люди. Может, и рано взлетел орел. Крылом неокрепшим взмахнул до срока. Поспешили людишки к высям.

Сидел в телеге, не двигаясь, Разин.

Нет, не рано! — Разин тряхнул головой. Блеском глаза наполнились.— Пусть не закончили мы поход. Закончат его другие».

— Братцы, Стенька, гляди, задвигался,— прошел шепот среди стрельцов.

— Глаза-то, глаза — черным огнем горят. К добру ли сия примета?

«Боятся! — злорадно подумал Степан Тимофеевич.— И стреноженный, значит, конь не лишился еще копыта».

В Москве Разина долго допрашивали и пытали на дыбе [1].

Презрительной усмешкой отвечал Разин своим мучителям.

Казнили Разина в центре Москвы, на лобном месте, на Красной площади.

Степан Тимофеевич стоял на плахе [2]. Дьяк монотонно читал приговор. Но не следил за словами Разин. Смотрел он на площадь. Не туда, где толпились в первых рядах бояре. А дальше, за них, за боярские шапки, туда, где жался простой народ.

Смотрел на людей атаман. И вдруг он ясно себя увидел не здесь, не на плахе,— верхом на коне, на волжской высокой круче. Даль перед ним и простор.

«На штурм! На слом!» — зазвучало в ушах у Разина.

И сразу поднялись ряды казаков. Словно волны, шли люди на приступ. Как только кончался ряд, за ним надвигался новый. Третий, четвертый, пятый... Гудела кругом земля. Ветер стучался в лица.

«На штурм! На слом!» — неслись голоса.

Разин приоткрыл глаза. Но не уходило, стояло, как явь, видение. Степан Тимофеевич сжал кулаки:

— Нет, не будет великому делу конца. Не жить на Руси боярству!

Через минуту свершилась казнь.

Не стало Степана Разина. Кончил свой век атаман. Но еще долго в страхе жило боярство.

Послышится стук копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги. Ветер ударит в окна — сердце замрет и екнет. Половицами в доме скрипнет — боярин проснется и дико вскрикнет.

Долго еще на Руси снились боярам страшные сны.

---

[1] *Дыба* — устройство для пыток.

[2] *Плаха* — здесь: помост, на котором совершалась казнь.

РАССКАЗЫ О ЦАРЕ ПЕТРЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

Издавна русские считались хорошими мореходами. Они совершали далекие плавания и торговали с другими народами.

Но враги стремились отнять у России выходы к морю. Северными берегами Черного моря завладели турецкие войска. Берега Балтийского моря и прилегающие к ним земли латышей и эстонцев захватили шведы.

В то время Швеция была очень сильным государством. Ее армия считалась одной из лучших в мире. Швеция имела большой, хорошо вооруженный флот.

В 1700 году умный и деятельный русский царь Петр I начал борьбу России за выходы к берегам Балтийского моря. Русские войска двинулись к шведской крепости Нарва.

Непростой оказалась эта борьба. Многое тогда пришлось изменить в жизни Русского государства.

КАПИТАН БОМБАРДИРСКОЙ РОТЫ

Русская армия шла к Нарве.

— Тра-та-та, тра-та-та! — выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода. Идут солдаты по размытым дождем дорогам, тонут по колени солдатские ноги в грязи.

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колес гнилое бревно, провалилось по самую ступицу.

Кричат солдаты на лошадей, бьют сыромятными кнутами. Кони за долгую дорогу отощали — кожа да кости.

Напрягаются лошаденки изо всех сил, а пользы никакой — пушка ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

— Вперед! — кричит один.

— Назад! — команду подает другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперед не движется. Бегает вокруг пушки сержант. Что бы придумать, не знает.

Вдруг смотрят солдаты — несется по дороге резной возок.

Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из возка офицер. Взглянули солдаты — капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, метра два, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные как смоль усы.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

— Плохи дела, братцы,— произнес капитан.

— Так точно, бомбардир-капитан! — гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнет.

Так и есть. Подошел капитан к пушке, осмотрел мост.

— Кто старший? — спросил.

— Я, господин бомбардир-капитан,— проговорил сержант.

— Так-то воинское добро бере-

— Так-то воинское добро бережешь! — набросился капитан на сержанта.

жешь! — набросился капитан на сержанта.— Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

— Да я... да мы...— заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся — и хлоп сержанта по шее! Потом подошел опять к пушке, снял нарядный с красными отворотами кафтан и полез под колеса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку. Солдаты аж крякнули от удивления. Подбежали, поднавалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам: «Благодарствую, братцы!» — похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакал дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

— Ну и дела! — произнес сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

— Эй, служивые,— закричал генерал,— тут государев возок не проезжал?

— Нет,— ответили солдаты,— тут только и проезжал бомбардирский капитан.

— Бомбардирский капитан? — переспросил генерал.

— Так точно! — отвечали солдаты.

— Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Петр Алексеевич!

«ГОСУДАРЬ, ДОЗВОЛЬ МОЛВИТЬ»

Под Нарвой шведы оказались сильнее. Русские войска потерпели поражение.

Зима. Мороз. Ветер. По завьюженной дороге несется резной возок. Подбрасывает седока на ухабах. Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепешками снег, Петр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Петр знал давно, еще с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдет он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскаленного железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернется Петр, по указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

— Так его, так! — приговаривает Демидов.

А чуть царь оплошает, закричит Никита:

— У, косорукий!

Потом уже скажет:

— Ты, государь, не гневайся. Ремесло — оно крик любит. Тут без крику — что без рук.

— Ладно уж,— ответит Петр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста,— думает Демидов.— Ой, неспроста царь пожаловал».

Так и есть.

— Никита Демидович,— говорит Петр,— про Нарву слыхал?

Не знает, что и сказать Демидов. Скажешь еще не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слыхать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашим шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

— Да ты не хитри, не хитри,— говорит Петр.

— Слыхал,— произносит Демидов.

— Вот так-то,— отвечает Петр.— Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

— Как же не понять, государь.

— Да ведь много пушек надобно,— говорит Петр.

— Понятно, Петр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, хилы. Железа нет. Леса нет. Слезы, а не заводы.

Петр и Демидов молчат. Петр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там в рваных армяках [1] и стоптанных лаптях двое мужиков тащат осиновое бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье,— говорит Демидов.— По бревнышку, по бревнышку, как нищие побираемся.— А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: — Государь, дозволь молвить.

[1] *Армяк* — старинная крестьянская верхняя одежда из толстого сукна в виде кафтана.

Петр встрепенулся, посмотрел на Демидова, произнес:

— Сказывай.

— Тут ездили мои людишки,— проговорил Демидов,— на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то — что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

— Урал, говоришь? — переспросил Петр.

— Он самый,— ответил Демидов.

— Слыхал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдет!

— Ничего, государь, ничего,— убежденно заговорил Демидов.— Дороги проложим, реки есть. Что там даль — желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живем. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки — все будет.

Смотрит Петр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра: ждет царского слова.

— Ладно, Никита Демидович,— наконец произносит Петр,— быть по-твоему, отпишу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с богом. Да смотри у меня. Знай, нет сейчас в государстве иных дел, чтоб важнее горнорудных были. Памятуй. Подведешь — не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Петр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Петр наказал добывать железо и строить заводы.

КОЛОКОЛА

— Данилыч,— вскоре после Нарвы сказал Петр Меншикову,— с церквей колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

— Что уставился? — крикнул на него Петр.— Медь нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

— Правильно, государь, правильно,— стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Петр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Въезжали в село к темноте, под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливаясь разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант — восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошел в дом к настоятелю[1]. Узнав, в чем дело, настоятель насупился, сморщил лоб. Однако встретил солдат приветливо, заговорил:

— Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатушек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил.

— Пейте, служивые, ешьте,— приговаривает.

Наелись солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел

[1] *Настоятель* — старший священник собора.

на звонницу, а там всего один колокол и болтается.

Кинулся сержант к настоятелю.

— Где колокола? — закричал.— Куда колокола девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

— Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

— Как — один? — возмутился сержант.— Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

— Что ты, служивый, что ты! — Настоятель замахал руками.— Что ты выдумал! Это тебе померещилось.

Понял сержант, что неспроста их так принимали. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

— Доноси,— ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе. Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были,— говорят,— а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик — Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею [1] рассматривает, про войну расспрашивает. Шустрый такой — все норовит у сержанта патрон стащить.

— Не балуй! — говорит сержант.— Найди, где попы колокола спрятали,— патрон твой.

— А дашь?

— Дам.

Два дня Федьки не было видно. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

— Нашел.

— Да ну?! — не поверил сержант.

— Ей-богу, нашел! Давай патрон.

— Нет,— говорит сержант,— это мы еще посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспевает. Крутит поземка, перекатывается по насту [2] снег. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

— Давай, дяденька, давай,— подбадривает Федька,— уже скоро!

Отбежали от села версты три. За береговой кручей спустились на лед.

— Вот тут,— говорит Федька.

Посмотрел сержант — прорубь. А рядом еще одна, а чуть дальше — еще и еще. Сосчитал — семь. От каждой проруби тянутся примерзшие ко льду канаты. Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лед, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашел к настоятелю, говорит:

— Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал. Покидаем мы ноне Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас богу.

— В добрый путь! — заулыбался настоятель.— В добрый путь, служивый. Уж помолюсь, обязательно помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

— Ну, миновало,— сказал он,— пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в проруби, а там пусто.

---

[1] *Фузея* — старинное ружье.

[2] *Наст* — оледенелая корка на поверхности снега.

— Вот тут,— говорит Федька. Посмотрел сержант — прорубь.

— Ироды, богохульники! — закричал настоятель.— Уехали, увезли. Пропали колокола.

А над рекой гулял ветер, залезал под поповские рясы, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по косогору.

«СЕНО, СОЛОМА!»

Поняли русские после Нарвы, что со слабо подготовленным, с плохо обученным войском против шведа не повоюешь. Решил Петр завести регулярную, постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты занимаются ружейными приемами, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Петр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит — солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идет молодой поручик, подает команды. Петр прислушался: команды какие-то необычные.

— Сено, солома! — кричит поручик.— Сено, солома!

«Что такое?» — подумал Петр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой — солома.

Офицер увидел Петра, закричал:

— Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю, отдал рапорт:

— Господин бомбардир-капитан, рота поручика Вяземского хождению обучается!

— Вольно! — подал команду Петр.

Поручик царю понравился. Хотел Петр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает поручика Вяземского:

— Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

— Никак не дрянь, бомбардир-капитан,— отвечает поручик.

— Как так — не дрянь! — возражает Петр.— Солдат позоришь. Устав не знаешь.

А поручик все свое.

— Никак нет,— говорит.— Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир-капитан, никак не могут различить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Петр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

— Кто командир? — спросил Петр у генерала.

— Поручик Вяземский,— ответил генерал.

ПРО БОЯРСКИЕ БОРОДЫ

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А бороды у них были большие, пушистые. У Буйносова — широкая, словно лопата, у Курносова — длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить бороды. При Петре заводили на Руси новые порядки: и бороды брить приказывали, и платье иноземного образца заводить, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов вздыхали, охали. Бороды договорились не стричь, а чтобы царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными. Однако вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первым.

— Тебе идти,— говорит Буйносов.

— Нет, тебе,— отвечает Курносов.

Кинули жребий, досталось Буйносову.

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

— Не губи, государь,— просит,— не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватает царскую руку, пытается поцеловать.

— Встань! — крикнул Петр.— Не в бороде, боярин, ум — в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и все свое твердит:

— Не срами, государь.

Разозлился тогда Петр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помощи.

— Помоги, Александр Данилыч, поговори с царем,— просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришел, говорит:

— Государь, а что если с бояр за бороды брать выкуп? Хоть казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Петр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал, уплатил деньги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не остриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Еще больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошел год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

— Как так? — возмутился Курносов.— Деньги мной уже плачены!— и показывает медную бляху.

— Э, да этой бляхе,— говорят сборщики,— срок кончился. Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год и еще раз. Призадумался тогда Курносов, прикинул

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в третий раз, смотрят — сидит Курносов свежевыбрит, злыми глазами на сборщиков смотрит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Петр рассмеялся.

— Так им, дуракам, и нужно,— сказал,— пусть к новым порядкам привыкают. А насчет денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

ЧЕМУ МОЛОДЫЕ БОЯРЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ УЧИЛИСЬ

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Петр собрать пятьдесят самых знатных боярских сынков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отправлять и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамки, суетится дворня. словно и не проводы, а драма какая.

Расходилась буйносовская жена.

— Единого сына — и бог знает куда, в иноземщину! Не пущу!— кричит.— Не отдам!

— Цыц! — закричал Буйносов на жену.— Государев приказ! В Сибирь захотела, на дыбу?

И в доме Курносова крику не меньше. И Курносову пришлось закричать на жену:

— Плетью обуха не перешибешь, от царя-супостата не уйдешь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государеву службу.

— Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский,— потребовал Петр,— как тебе жилось за границей.

— Хорошо, государь, жилось,— отвечает Буйносов.— Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики — рады друг другу в бороды вцепиться.

— Ну, а чему научился?

— Многому, государь. Вместо «батюшка» — «фатер» говорить научился, вместо «матушка» — «муттер».

— Ну, а еще чему? — допытывался Петр.

— Кланяться, еще, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

— Да,— сказал Петр,— многому тебя научили. Ну, а как тебе за границей понравилось?

— Ух, как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ: уж больно мне любо за границей жить.

— Ну, а ты что скажешь?— спросил Петр молодого Курносова.

— Да что сказать, государь... Спрашивай.

— Ладно,— говорит Петр.— А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

— Фортификация, государь,— отвечает Курносов,— есть военная наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно знать каждому военному начальнику, аки свои пять пальцев.

— Дельно,— говорит Петр.— Дельно. А что такое есть лоция?

— Лоция, государь,— отвечает Курносов,— есть описание моря или реки, с указанием на оном отмелей и глубин, ветров и течений, всего того, что помехой на пути корабля может стать. Лоция, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

— Дельно, дельно,— говорит Петр.— А еще чему научился?

— Да ко всему делу, государь, присматривался,— отвечает Курносов,— и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам свое, российское, хаять. Не хуже у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

— Молодец! — сказал Петр.— Оправдал, утешил.— И Петр поцеловал молодого Курносова.— А ты,— сказал Петр, обращаясь к Буйносову,— видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошел прочь!

Так и остался молодой Буйносов в безвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквах, да иногда в богатых домах имели приглашенных учителей.

При Петре в городах и посадах стали открываться школы.

Назывались школы цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию. Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждет учеников. Ждет день, второй, третий — никто не идет. Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чем дело. Зашел в один дом, вызвал хозяина, местного купца.

— Почему,— спрашивает,— сын в школу не ходит?

— Нечего ему там делать! — отвечает купец.— Мы без грамоты жили, и он проживет. Бесовское это занятие — школа.

Зашел учитель в дом к сапожных дел мастеру.

— Да разве это нашего ума дело— школа!— отвечает мастер.— Наше дело — сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошел тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чем дело. А воевода только руками разводит.

— А что я могу поделать? — говорит.— Дело оно отцовское. Тут кому что: одному — грамота, а другому грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что проку от него не будет, обозлился, говорит:

— Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу учитель.

— Ладно, не торопись,— говорит,— ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел, видит — идут солдаты, под ружьем ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

— Аз,— говорит учитель. (Это означает буква «а».)

— Аз,— хором повторяют ученики.

— Буки,— говорит учитель. (Это значит буква «б».)

— Буки,— повторяют в классе.

— Вéди...

Потом пошла арифметика.

— Един и един,— говорит учитель,— будет два.

— Един и един — два,— повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать. Узнали, где есть Каспийское, где Черное и где Балтийское море. Много чему научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Петр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Петр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить. Входит Петр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Петр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал все, как было.

— Вот здорово! — засмеялся Петр.— Молодец воевода. Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школу ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

— Пора бы нам и свою газету иметь,— не раз говорил Петр своим приближенным.— От газеты и купцу, и боярину, и горожанину — всем польза.

И вот Петр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царем чего дурного.

А Петр был на Печатном дворе, вместе с печатным мастером Федором Поликарповым отбирал материалы к первому номеру русской газеты. Поликарпов, высокий, худой, как жердь, с очками на самом конце носа, стоит перед царем навытяжку, словно солдат, читает:

— Государь, с Урала, из Верхотурска, сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

— Пиши,— говорит Петр,— пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаючи можно сделать.

— А еще, государь, сообщают,— продолжал Поликарпов,— что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

— И это пиши,— говорит Петр,— пусть знают, что Петр снимал колокола не зря.

— А с Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут,— сообщает Поликарпов,— что заводские мужики бунт учинили, убежали в леса, и теперь боярам и купцам от них житья нет.

— А сие не пиши,— говорит Петр.— Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам всыпать.

— А из Казани, государь, пишут,— продолжает Поликарпов,— что нашли там немало нефти и медной руды.

— А сие пиши,— говорит Петр,— пусть знают, что на Руси богатств край непочатый, не считаны те богатства, не меряны.

Сидит Петр, слушает. Потом берет бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

А Поликарпов докладывает все новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона, и что в Москве за месяц родилось триста восемьдесят шесть человек мужского и женского полу, и многое другое.

— А еще,— говорит Петр,— напиши, Федор, про школы, да здорово,— так, чтобы все прок от этого дела видели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали ее «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий, читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета так себе. Но Петр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

— Смотри,— говорит,— газета, своя, российская, первая!

Встретил Петр и графа Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

— Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, насупился:

— Эх, ты! — проговорил.—Не тем местом, граф, мыслишь. А еще Головин! А еще граф! Нашел чем удивить — в немецком городе Гамбурге. Сам знаю: лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу все хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придет.

ПРО ДАНИЛУ

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел свое понятие.

После Нарвы на селе только и разговоров было, что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

— Силен швед, силен,— говорили мужики,— не нам чета. И на кой ляд нам море нужно! Жили и проживем без моря!

— Вот и неправда,— говорил Данила.— Не швед силен, а мы слабы. И про море неверно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

— Конец света приходит! — кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые. Все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять по-своему.

— Так и надо,— говорил.— Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь бог за такие дела не осудит.

— Богоотступник! Богохульник!— назвал тогда Данилу батюшка и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Петр ввел новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи, затянули еще туже ремни на штанах.

— Ну, как тебе,— спрашивали они Данилу,—новые царёвы порядки? Опять верно? Снова по-твоему?

— Нет,— отвечал Данила,— у меня с царем не во всем согласие общее.

— Ишь ты! — огрызнулись мужики.— У него с царем! Нашел дружка-приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

— Мало что не станет, а думать по-своему не запретит,— отвечал Данила.— Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерет — придет время, быть ему в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают головами. А один возьми и выкрикни:

— А ты самому царю про то скажи!

— И скажу,— ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донес,— может, поп, а может, и кто другой,— про Даниловы речи властям. Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику Тайного приказа, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздернули на дыбу, стали пытать.

— Что про государя говорил, кто надоумил? — спрашивает князь Ромодановский.

— А что говорил, то ветер унес,— отвечает Данила.

— Что? — закричал Ромодановский.— Да за такие речи на кол тебя, смутьяна поганого!

— Сажай,— отвечает Данила.— Мужику все едино, где быть. Может, на колу еще лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный, раскаленный в огне прут и давай к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошел Петр.

— За что человек на дыбе?— спросил царь у Ромодановского.

— Смутьян,— говорит князь.— Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошел Петр к Даниле. При-

открыл тот глаза, смотрит — перед ним царь. Набрался тогда Данила силы и произнес:

— Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили все из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно что изнутри обожгло. Дернул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу.

— Вешай! — закричал, словно ужаленный, и пошел из избы прочь.

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Прошло два года после битвы под Нарвой. Русские начали одерживать свои первые победы над шведами. Они завладели крепостями Нотебург и Ниеншанц, освободили древние русские земли, примыкавшие к реке Неве и Финскому заливу.

В 1703 году на берегах реки Невы при ее впадении в Финский залив Петр приказал заложить новый город. Для строительства города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никитка. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом, на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встает и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи и болоте. Роют канавы, валят лес, таскают тяжелые бревна. Возвращаются домой затемно. Придут усталые, развесят около печки вонючие портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, похлебают пустых щей и валятся на нары. Спят до утра словно убитые.

А чуть свет опять гремит пушка. Все интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма-тьмущая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на корабли дивился. Ходил по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него — дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды»,— попросят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке один. В землянке вода по колени. Скучно Никитке. Вырубил тогда Силантий из бревна сыну игрушку — солдата с ружьем.

Повеселел Никитка.

— Встать! — подает команду.

Солдат стоит, глазом не моргнет.

— Ложись! — кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнет воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнет — а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали помирать люди, словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит.

Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошел на работу. А днем нагрянул в землянку офицер с солдатами.

— Порядку не знаешь?! — закричал офицер.

— Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка,— стал оправдываться Силантий.

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся, Никитка уже похолодел.

— Никитка, Никитка! — тормошит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнется. Валяется рядом Никиткина игрушка — солдат с ружьем. Мертв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и Силантия свезли на кладбище. Много тогда людей погибло. Много мужицких костей полегло в болотах и топях.

Город, который строил Никиткин отец, был Петербург. Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

ВЗЯТИЕ НАРВЫ

В 1704 году русские вновь подошли к Нарве.

Бабат Барабыка был барабанщиком в бомбардирской роте. На всю армию не было второго такого умелого барабанщика. Выбивал Барабыка и маршевую дробь и все сигналы воинские знал исправно.

А еще Барабыка был известен тем, что разговаривал с самим генералом Горном. Горн — комендант Нарвы.

Было это так.

30 июля, в воскресенье, русские начали обстрел крепости. Стреляли по бастионам Виктория и Гонор. Отсюда, пробив в стене брешь, хотели штурмовать Нарву. Семь дней не отходили от пушек бомбардиры. Не отходил и Барабыка. Отложив в сторону барабан, подтаскивал ядра, засыпал в пушки порох. На восьмой день бастион Гонор осел. Земляная насыпь обвалилась в ров.

— Ну,— заговорили солдаты,— теперь готовься к штурму.

В это самое время Барабыку вызвали к царю. Посмотрел Петр на раскосые глаза Бабата.

— Татарин? — спросил.

— Калмык,— ответил Барабыка.

— Ишь ты! — усмехнулся Петр.— А тоже солдат.

— Барабанщик я,— ответил Барабыка.

— Вот ты мне и надобен,— сказал Петр.— Пойдешь к крепости, передашь письмо нарвскому коменданту. Да смотри иди осторожно,— напутствовал Петр.— Бей в барабан шибче, говори, что ты есть российский парламентер[1].

Пошел Барабыка, бьет в барабан что есть силы. Заметили шведы солдата, перестали стрелять.

— Кто такой? — закричали, когда Барабыка подошел к крепости.

— Я есть парламентер российской армии,— отвечает Барабыка.

Скрипнули железные засовы тяжелых крепостных ворот. Одна из створок их медленно приоткрылась. Барабыка вошел в крепость.

Повели Барабыку кривыми ма-

[1] *Парламентер* — человек, направленный одной из воюющих сторон вступить в переговоры с неприятелем.

— Вот ты мне и надобен.— Пойдешь к крепости, передашь письмо нарвскому коменданту.

ленькими улочками города мимо разбитых и горящих домов к нарвскому замку. Перед замком — глубокий ров. Через ров — мост. Мост поднят.

— Кто такой?— закричали с той стороны часовые.

— Я есть парламентер российской армии,— вновь повторил Барабыка.

Громыхнули тяжелые цепи, мост опустился. Барабыка вошел в замок. Повели Барабыку по узким коридорам и крутым лестницам. Наконец вошли в большой зал. В глубине увидел Барабыка высокого, худого старика. «Генерал Горн»,— догадался Барабыка.

Взял Горн письмо, стал читать. «Сам господь бог разрушил Гонор,— писал Петр,— путь к приступу открыт...» Петр предлагал Горну сдать крепость и кончить кровопролитие.

Прочел Горн письмо, уставился на Бабата.

— Иди к царю Петру,— сказал,— передай: шведы не сдаются. Понял?

— Никак нет,— отвечает Барабыка.

— Иди к царю Петру,— повторил Горн,— скажи: нет такого правила, чтобы шведы сдавались.

— Как так — нет? — возражает Барабыка.— Есть. И при Нотебурге

сдавались, и при Ниеншанце сдавались. Выходит, есть такое правило. А Нарва чем лучше? И при Нарве сдадутся.

— Что? — закричал Горн.

Налились кровью генеральские глаза. Схватил Горн шпагу, бросился к русскому солдату:

— Вон! — закричал.— Вон!..

Так и ушел Барабыка ни с чем.

Доложил Барабыка царю все, как было.

— Ишь ты! — сказал Петр.— Так и сказал Горн: «Шведы не сдаются?»

— Так точно, бомбардир-капитан!

— А может, и прав генерал Горн?— спрашивает Петр.

— Как так — прав?— возражает Барабыка.— Я же ему говорю: «При Нотебурге сдались — раз, при Ниеншанце сдались — два и при Нарве, выходит, должны сдаться».

— Молодец!— говорит Петр.— Мыслишь, как и пристало российскому солдату.

— Никак нет, государь,— говорит Барабыка.

— Что — никак нет? — не понимает Петр.

— Какой же я солдат? Барабанщик я.

— Ну и что, барабанщик — не солдат, что ли?— удивился Петр.

— Нет, бомбардир-капитан,— отвечает Бабат,— какой же он солдат, раз ружья не имеет.

— Ишь ты! — вновь усмехнулся Петр.— Ружья, говоришь, не имеешь? Ладно, иди к ротному командиру, скажи: государь приказал ружье выдать. А про шведов это ты правду сказал: и при Нарве сдадутся.

И верно — сдались. Пошли русские на решительный штурм. Не удержалась Нарва. Пришлось генералу Горну сдаваться в плен.

Взятием Нарвы не закончилась война России со Швецией. Она продолжалась еще много лет.

Была знаменитая Полтавская баталия. Была победа молодого русского флота в морском Гангутском сражении. Были другие битвы.

В 1721 году Северная война — борьба России за возвращение древних русских земель у берегов Балтийского моря — закончилась полной победой Российского государства.

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным!— смеялся над ним отец.— Ты и ружья не подымешь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в теплые шубы, а маленький Суворов накинет легкую куртку и целый день проводит на улице. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов добился своего. Он окреп и вскоре поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Более пятидесяти из них он провел в армии. Начал службу простым солдатом. Кончил ее фельдмаршалом и генералиссимусом.

Суворов очень ценил русских солдат. Это они — прославленные русские солдаты — были истинными творцами великих побед Суворова.

ПАКЕТ

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии.

Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе[1].

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора, Павла Первого.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне,— говорит.— Не мне.

— Как — не вам? — поразился посыльный.— Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне,— повторил Суворов.— Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал.— Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне,— произнес Суворов.— Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне,— произнес Суворов и распечатал пакет.

[1] *Клирос* — место для певчих в церкви.

«БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ»

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг.

Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед!— кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов вокруг — моста нет.

Сожгли пруссаки для безопасности мост.

Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед!— закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары,— попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо!— ответил Суворов.— Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич,— говорит,— прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов.— Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал.

И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно,— заговорили генералы.— Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры!» — передразнил Суворов.— «Домой!» Нет,— сказал.— Русскому солдату дорога домой через Измаил идет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут,— говорит,— лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу посла — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены. Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о подвиге русских солдат и победе генерала Суворова.

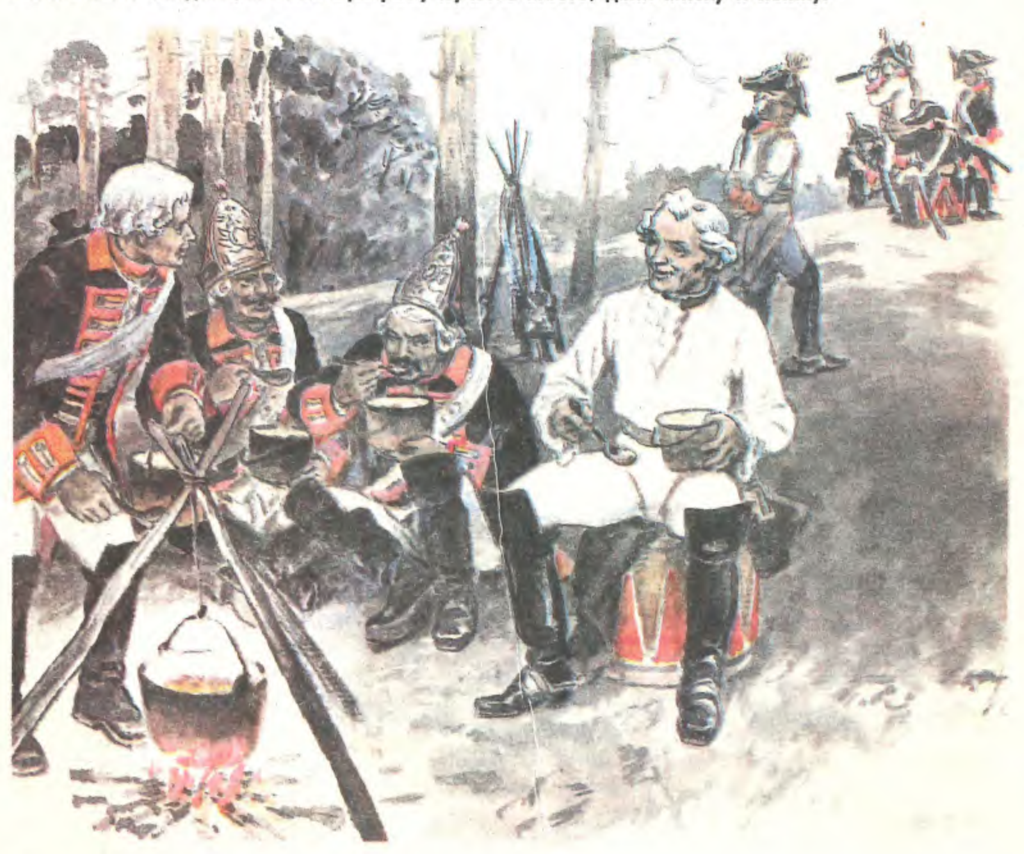
СУП И КАША

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка — генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути;

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

— Что же делать? — говорит Суворов.— Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

— Да нет уж,— отвечают генералы,— мы подождем. Вот-вот Лушка приедет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

— Ну как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку. Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует.

— Ай да суп, славный суп!— нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия снова в поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит — есть хочется. Промучились бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирать же от голода.

Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

— Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Солдат — человек. Солдат мне себя дороже.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ

В наследство от отца Суворову досталась шинель. Была она старая, потертая, местами латаная. Но Суворов гордился родительской шинелью. Брал ее с собою во все походы и, как наступали холода, никакой другой одежды не признавал.

И вот суворовская шинель попала в руки противника. Дело было летом. Хранилась шинель в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увез ее вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

— Да мы вам, ваше сиятельство,— успокаивали его армейские интенданты[1] — новую шинель сошьем. Лучшую.

— Нет, нет,— отвечал Суворов.— Не видать мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капралом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен

[1] *Интендант* — военнослужащий, осуществляющий снабжение армии всеми видами довольствия.

турка. Стали допытывать, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку, снова взяли турка, но и этот турок нового ничего не сказал.

Две недели солдаты упорно ходили в разведку. Изловили за это время шесть турецких солдат, и лишь седьмой оказался из тех, что принимали участие в нападении на русский обоз.

Пленник долго не мог вспомнить, была ли шинель и что с ней стало. Наконец вспомнил, что досталась она при дележе захваченного имущества старому турку по имени Осман.

— А где он? Жив тот Осман?— заволновались солдаты.

Осман оказался жив. Только вот задача — пойди излови Османа.

Тогда поручик Троицкий решил отпустить пленного турка и наказал: если тот принесет в русский лагерь суворовскую шинель, то и остальные шесть пленных турецких солдат будут отпущены.

На следующий день турок вернулся, принес шинель.

Узнал Суворов, как попала к русским шинель, страшно разгневался.

— Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули!— кричал он на поручика Троицкого.

Смутился поручик.

— Так они, ваше сиятельство, сами.

— Сами,— пробурчал Суворов, однако уже не так строго.

Потом взял шинель в руки, глянул на потертые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал.

— Чего это наш фельдмаршал?— спрашивали не знавшие, в чем дело, солдаты.

— Шинель,— отвечал Иван Книга.

— Ну так что?

— Родительская,— с нежностью пояснил капрал[1].

ПРОШКА

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло!— подумал.— Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец,— говорит Суворов.— Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и еще одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучил глаза,— вот так чудо!

— Ну а ты что?— закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

— В здоровом теле дух,— говорит,— здоровый.— И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

[1] *Капрал* — воинское звание младшего командного состава в русской армии.

— Догоняй!— закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прошка целые сутки в седле трясется, то учинит поверку ночным караулам — и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

— Да зачем мне басурманская речь?— запротивился было солдат.

— Как — зачем!— обозлился Суворов.—Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

СТОРОНИСЬ!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

— Уехал Суворов,— объяснили курьеру.

— Куда?

— В крепость Озерную.

Примчался офицер в Озерную:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

— Здесь Суворов?

— Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности,— каждый раз отвечал Прошка. Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой. Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри от ветра вразлет.

— Удалец! Ой, удалец!— не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь[1], ваше сиятельст-

[1] *Фельдъегерь* — военный или правительственный курьер для доставки особо важных документов.

во,— произнес Прошка.— Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любуется. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже и конский храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись!— закричал офицер.

Прошка замешкал: не привык уступать дорогу.

— Сторонись!— повторил офицер, и в ту же минуту санки о санки — бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс. Пронесся кучер, присвистнул, ветром помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тише!— прикрикнул Суворов и снова любуется:— Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?!— поразился курьер.

— За удаль!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

«КАК ДЕЛА У ВАС В ПАРИЖЕ?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книги читал французские.

Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время проводит. И все-то ему у французов нравится. И все-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции ни разу не был, да получалось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз. Прожужжал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере,— ответил удивленный поручик.

— Ах, прости, прости!— извинился Суворов.— Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает все французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рожден я во Пскове.

— Ах, прости, прости старика, запамятовал.

Не может понять поручик, в чем дело. Стал он жаловаться това-

рищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял.

Происходило это как раз во время войны с французами, накануне знаменитого перехода Суворова через Альпы. Наступил перерыв в боях. Предложили французы обменяться пленными офицерами. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки.

Просмотрел Суворов.

— Тут не все,— говорит.

— Все, ваше сиятельство,— докладывают офицеры.

— Нет, не все,— повторяет фельдмаршал.— Тут еще один французишка не указан...

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

— Ваше сиятельство!— кричит.— Ошибка! Русский я! Я же вам говорил.

— Нет ошибки,— отвечает фельдмаршал.— Не русский ты.

— Русский,— утверждает поручик.— И матушка у меня русская и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рожден.

— Мало что во Пскове рожден. Мало что матушка да батюшка русские,— говорит Суворов.— Да ты-то не русский. Душа у тебя не русская.

Дошло наконец до неумной головы, в чем дело. Упал он на колени, просит простить.

Подумал Суворов, сказал:

— Ладно, так уж и быть — оставайся. Только ступай с моих глаз долой. Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!

«ВИЖУ!»

Было это далеко от родины во время альпийского похода фельдмаршала Суворова. Закончив арьергардные бои с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Луков.— Раненых вперед!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед — не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит вьюга глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники, морозит руки и лица.

Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Луков

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдут дальше. Повалились солдаты на камни.

— Вперед! Вперед! — надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова поднять солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту — не видно впереди костров, опустился и сам на землю. И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин! Ай да глазастый!

Прошли солдаты версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где же твои костры? Соврал!

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдем дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин.— Вижу! Ей-богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают,— и снова тычет пальцем вперед.

Бранятся солдаты, ропщут, а все же идут.

Тропа огибала какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу, и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг друга.

— Вижу!

— Ай да Кожин! Ай да молодец! Ай да глазастый! — кричат солдаты.— Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу. Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню,— кричат.— Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

ШТЫК

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь, в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

— Ты, дяденька, солдат? — обратился Санька к Суворову.

— Солдат,— ответил фельдмаршал.

— Откуда идешь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро взглянул на мальчика:

— Про какого это еще про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет,— говорит Суворов,— не знаю.

— Какой же ты солдат,— усмехнулся Санька,— раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!

Бегает Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подари штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов.— Так ведь нет у меня штыка.

— Не бреши, не бреши,— говорит Санька.— Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит бог, нет,— уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси,— не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санька.— Никудышний, видно, солдат!»

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал сверток.

— От фельдмаршала Суворова,— проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток,

**Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски:
— Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!**

не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое статься, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного! Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам. Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему сшил, чистил, носил с собой, как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушел на войну и по-суворовски бил неприятеля.

СЛАВА

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство,— отвечает солдат,— что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть, так же как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видать, генералу суворовской славы. Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растет?

— Это потому, ваше сиятельство,— отвечает солдат,— что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жестком сене и в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой еще секрет у Суворова?

— А тот,— отвечает солдат,— что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмехаются. Всего-то, и только. Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так,— возмущается князь Барохвостов.— Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идет?!

— Это потому, ваше сиятельство,— отвечает солдат,— что и это еще не все.

— Что же еще? Какие еще такие секреты у Суворова!

— А те,— отвечает солдат,— что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски. Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось. Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

РАССКАЗЫ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

1812 год. Огромная полумиллионная армия французского императора Наполеона I напала на нашу Родину.

Наполеон был очень опытным полководцем. Его армия считалась самой сильной в мире. Он завоевал многие страны Европы. И вот теперь шел на Россию.

На борьбу с французскими захватчиками вместе с армией поднялся весь народ.

Много мужества, стойкости и великую сыновнюю преданность родине проявили наши прадеды, защищая свою Отчизну.

Непобедимый Наполеон и его полумиллионная армия были разбиты. Лишь жалкие остатки ее ушли из России.

СКАЗКА СТАРОГО КАПРАЛА

В 1812 году огромная полумиллионная армия французского императора Наполеона I напала на нашу Родину.

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.

Ропщут солдаты:

— Что мы — зайцы трусливые!..

— Что в нас — кровь лягушиная!

— Где это видано: россиянин — спиной к неприятелю!

Рвутся солдаты в бой.

Русских армий две. Одна отступает на Вильно, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай де Толли. Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слуцк, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.

У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.

Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска. Отводят свои полки.

— Э-эх, да что же оно творится?! — вздыхают солдаты.

— Пропала солдатская честь!

Шагает вместе со всеми старый капрал, смотрит он на своих товарищей:

— Хотите, сказку скажу?

— Сказывай.

Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.

— Давно ли то было, недавно,— начал капрал,— дело не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосенка. Защелкал злодей зубами: «Лосенок, лосенок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк,— говорит лосенок.— Я же только на свет родился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть наберется мясом.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только опять повстречал серый волк лосенка. Смотрит — подрос за это время телок. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком — подросток-лось. Защелкал злодей зубами:

«Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк,— отвечает лось.— Только дай попрощаться с родимым краем».

«Прощайся»,— ответил волк.

Пошел молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. А волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть отлетает, ребра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу лезет.

«Стой, стой!» — голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось: стоит перед ним сохатый. Защелкал серый зубами:

«Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец:

«Давай подходи».

Бросился волк вперед. Да только силы теперь не те. Лосенок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю — хлоп!

Капрал замолчал.

Задумались над сказкой солдаты.

— Видать, неглупый телок попался.

— В сохатого вырос!

— Э, постой, да в сказке твоей намек.

— К отходу, к отходу! — прошла команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли солдатские головы. По полям, по лесам, по дубравам, по низинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

ВОЕННЫЙ МАНЕВР

Нелегкая жизнь досталась Кутузову. Нелегкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет.

Много всего позади. Не счесть боев и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, Измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен. Дважды в голову, раз в щеку. В одном сражении Кутузову выбило правый глаз.

Пора бы уже в отставку, на стариковский покой, так ведь нет — помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь. Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов»,— идет по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберегать надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать».

Прибыл Кутузов к войскам.

— Ура! — кричат главнокомандующему солдаты.— Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

— Правда ваша, правда,— отвечает Кутузов.— Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

— Что мы — не русские? — продолжает Кутузов.— Что нам, в силе

господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступать!

— Вот это слова!

— Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы,— ни шагу назад. Не сегодня — завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день, им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе черным по белому значится — продолжать отступление. Зароптали солдаты:

— А бой!

— Что-то непонятное,— разводят они руками.

— Может, приказ от старых времен остался?

Увидели солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, так что же, опять отступление?

Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурив свой единственный глаз:

— Кто сказал отступление? Сие есть военный маневр!

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Кутузов читает письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга-генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю дружбу с Кутузовым, былые походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего — в адъютанты.

— Да-а,— вздохнул Кутузов.— Не с этого мы начинали. Видать, молодежь не та уже нынче. Все ищут, где бы потеплее, где жизнь поспокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл.

Смотрит Кутузов — стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой.

Даже смешно стало Кутузову. «Да, не та пошла молодежь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимовича — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит.

— Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнет благодарить.

— Ступай, ступай!

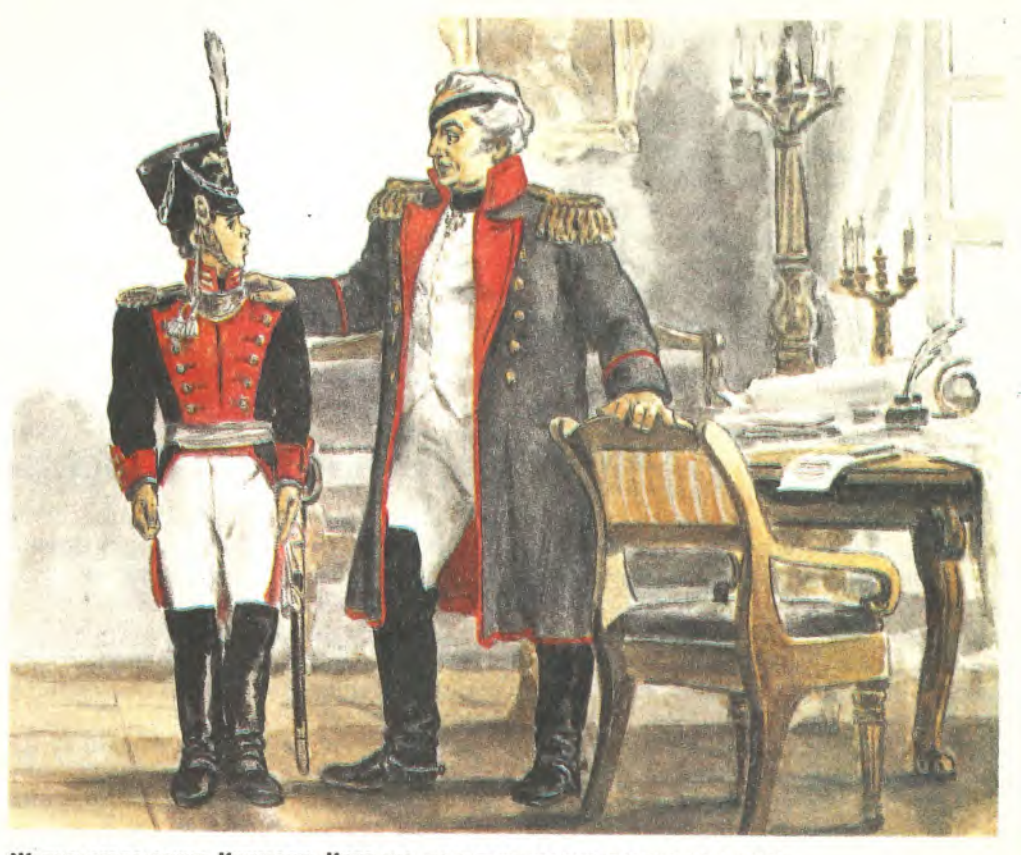
— Ваша светлость!..— опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый».

— Ну что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону,— пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой. «Дите, как есть дите». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посы-

Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посылать такого птенца под пули...

лать такого птенца под пули...

— Не могу, не могу,— говорит.— Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот-вот расплачется.

— Не могу,— повторил Кутузов.— Да куда тебе в полк! Тебя-то и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так и Суворов ведь был не саженного роста.

Кутузов удивленно поднял глаз. Понял, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошел фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало...— Кутузов не договорил: слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай,— махнул рукой наконец Кутузов.— Быть по сему: лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Петр Никодимович!

Радость господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову: «При душе» — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородина. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь на огромном, изрытом оврагами поле 26 августа 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далекие прадеды наши завещали ее потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Знай! Помни! Не забудь!

Был один из главных моментов Бородинской битвы. Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся к новому месту.

— Живей, живей! — командует Жабрин.— Душу вам наизнанку... Кому говорят: живей!

Дорога лежала через место недавней схватки. Спустились кони в низинку. Все поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест-накрест, один на другом. Словно бы вовсе не люди, а кто-то кули разбросал по полю.

Остановились солдаты.

О господи!

Глянул Жабрин направо, глянул налево. Нет свободного места. Времени нет объехать. Перекрестился поручик.

— Прямо, вперед! Мертвый живого не схватит...

Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Прикрыл он глаза. Скорей бы проехать жестоким местом. Подбрасывает пушку, как на ухабах. Мурашки идут по солдатской спине. Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрыл Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

— Тпру! — закричал на коней Епифанов. Спрыгнул на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровавых подтеках. Кивер лежит в стороне. Однако ружье при себе, под мышкой.

Подбежал Епифанов к капралу. Пытается вытащить из-под колес. Грузен, тяжел капрал. Другими телами придавлен.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

— Откуда?

— Канониры мы,— зачастил Епифанов.— С левого фланга на правый фланг. На подмогу идем рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг... В атаку двинулись наши.

— Слышу,— произнес капрал.— А ну-ка выше, голову выше мне!

Смотрит капрал, а там, на бугре, лавиной идут солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. Словно товарищей слышит зов.

Улыбка прошла по лицу капрала.

— А ну, подмогни!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

— А ну-ка, кивер[1] надень.

---

[1] *Кивер* — высокий жесткий военный головной убор.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружье, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешел капрал. Опешил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

— Ура-а! — победно несется с холма.

— Ура-а! — ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять — пятнадцать и вдруг, словно дуб-великан под последним взмахом удальца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил он свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

— Где пропадал?! Душа твоя воробьиная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придет в себя. О старом капрале, сбиваясь, рассказывает.

Утихнул поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

— Так звать как? Как величать героя?

Разводит Епифанов руками:

— Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нем совсем уже не было.

Сняли солдаты шапки.

— Силы в нем не было?! Дурак, богатырская сила в нем!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Сдружились они в походах: солдат молодой и солдат бывалый — Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму-разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги не так устали. На привале Бородулин уступит младшему место поближе к костру.

Упрется Дуга:

— Да что я, дите какое?

— Ложись, ложись! — прикрикнет солдат.— Я привычный. Мне на холодку даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о друге думает. Из миски своей в миску к нему добрую часть отвалит.

— Дядя Матвей,— отбивается Клим,— да что я — к откорму хряк?

— Ешь, ешь! Тебе в рост. Тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Дуга — богатырь, Бородулин — усох с годами. Прикрывает Клим старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю.

— Дядя Матвей! — закричал Дуга. Рухнул он на колени, тормошит Бородулина. Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

— Воды,— простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги — пусты солдатские фляги. Скоро десять часов, как бой. Не осталось во флягах глотка воды.

Нет воды. Ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках французов.

— Воды! Воды! Воды! — идет по солдатским рядам.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно током прошло по солдату. Схватил он пустую флягу, руку задрал в вышину и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило у тех, кто был рядом, дух.

— Господи, верная смерть...

— Достался Дуга французам!

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

— Камрады,— кричит Дуга,— дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! — И флягой пустой, как паролем, машет.

— Во-о-ды! — несется над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь люди. Непонятна им русская речь. Однако сердцам человеческим понятно — неспроста побежал солдат.

Расступились французы, открыли дорогу к ручью. Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло все. Лишь:

— Дядька Матвей погибает! — режут воздух слова солдата.

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды студеной, в разворот — и помчался назад коридором солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднес ко рту. Смочил лоб, височную часть.

Приоткрыл Бородулин глаза, вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

— Где же ты водицу, родной, достал?

Где?

Из сердца солдатского достал.

ПТИЦА-СЛАВА

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Все думал, как бы ее поймать.

Еще в самом начале войны у Изюмова произошел такой разговор с каким-то солдатом.

— Что такое есть слава? — спросил Изюмов.

— Слава есть птица,— ответил солдат.— Она над боем всегда кружится. Кто схватит — тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в подобное верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Все о птице чудесной думает. Как же ее поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колотят врагов. А Изюмов все время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу!

И все-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боев под Смоленском опять повторилось такое же самое. И здесь остался без славы солдат.

В огорчении страшном Изюмов. Пожаловался он товарищам на свою неудачу.

Рассмеялись солдаты:

— Славу не ловят, слава сама за храбрым летит. Она и правда как птица. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть ее можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат и вправду забыл о славе. Не то чтобы сразу, а так, что и сам того не заметил.

Битва клонилась к концу. Французы стараются вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонились — любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь, как устоять против конных, думает.

А кони все ближе и ближе. Растопчут они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поежился. Стоял он в самом первом ряду.

— Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! — раздалась команда.

Вскинул ружье Изюмов. Стрельнул. А что дальше произошло, то точно и не расскажет. Со стороны-то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружье на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице.

Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошел в атаку на конного.

— Ура! — голосит Изюмов.

— Ура! — не смолкают другие солдаты.

Опешили французские кирасиры и уланы. На войне еще не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, не оставили, однако поколебался както у конных дух. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах. Подлетели солдаты к французам, заработали штыки. Чудо творится на поле — пеший конного вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

— Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! — разошелся вовсю Изюмов.

Французы совсем растерялись. Все реже и реже взмахи французских сабель. Все тише руки удар. Минута — и дрогнут французы. Вот и действительно дрогнули. Дают вразворот коней. Казалось бы, все. Победа уже одержана. Так нет.

— Братцы, вдогон! — закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь — не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских ног. И все же немало нашлось французов, которым русский штык успел продырявить спины. Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья свои со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, стали возвращаться к своим. Идут солдаты, а навстречу солдатам:

— Героям слава!

ФИЛИ

Маленькая деревня Фили у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа́ [1] в углу. Свисает лампада [2].

В избе за столом собрались русские генералы. Идет военный совет. Нужно решить вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову!

[1] *Образ* — то же, что и икона.
[2] *Лампада* — небольшой сосуд с фитилем, зажигаемый перед иконами.

у стен Москвы? Легко сказать оставить Москву. Слова такие — ножом по сердцу. За битву стоят генералы.

Нелегкий час в жизни Кутузова. Он только что произведен в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу,— главное слово: «да» или «нет».

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову?

Сед, умудрен в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из-под Витебска, из-под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По-прежнему больше сил у противника.

Новый бой — окончательный бой. Ой, как много военного риска! Тут мерь, перемерь, потом только режь. В армии главная ценность, главное — войско сберечь. Будет армия цела — будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клок сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы. Россия ждет.

— С потерей Москвы,— тихо начал Кутузов,— еще не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибла Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей-то глубокий вздох. Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова. Предательская слеза ползла по щеке бывалого воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твердо:

— Властью, данной мне государем и отечеством, повелеваю... повелеваю,— вновь повторил Кутузов,— отступление...

Отошли от Москвы войска.

МОРЕМ ОГОНЬ КОЛЫШЕТСЯ

Наполеон подъехал к Поклонной горе. Поднялся конь на бугристое место — взору открылась Москва.

Шедшая за императором гвардия стала тесниться. Лезут солдаты вперед.

— Москва! Вот он, конец войне.

— Слава! Слава! Слава!

— Императору виват[1]!

— Франции виват! — несется со всех сторон.

Рассчитывал Наполеон, что сюда, на Поклонную гору придут к нему русские. Вручат ключи от города. Запросят мир.

Никто не пришел на Поклонную.

...Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась — надо ее одеть. Наступила осень — о теплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо — надо пополнить запасы хлебом.

[1] *Виват* — по-французски: «слава».

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

И у Наполеона в Москве дел не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли все с собою жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить солдат, нечем кормить коней. Лишь вина в погребах без отказа. Напьются солдаты — идет грабеж. А где грабеж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай-город, Гостиный двор. В Каретном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище. За Москвой-рекой Балчуг горит. Ночами светло как днем. Наполеон в Московском Кремле. Куда ни глянешь отсюда — огонь и огонь. Морем огонь колышется.

— Ваше величество,— обеспокоены французские маршалы и генералы,— опасно! Огонь подошел к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

— Ваше величество, спасайтесь! Быстрее к реке...— умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

— Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой дворцовой лестнице. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары. К пятому дню — от Москвы пепелище.

Не город в руках у французов — сплошные развалины.

Хороши дела у русских войск под Тарутином. Провиант сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошадьми пополняют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов.

Есть над чем задуматься Наполеону: «Победитель я или нет?»

— Почему же мира не просят русские?!

Проходит три томительно долгих недели. Негодует Наполеон:

— Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал-адъютанта маркиза Лористона:

— В Тарутино, к этой старой лисице — марш!

Не добился Лористон ничего в Тарутине. Вернулся ни с чем от Кутузова. Вскоре произошел под Тарутином победный для русских бой. А затем и второй бой — под городом Малоярославцем. Еще до боя под Малоярославцем Наполеон отдал своим войскам приказ оставить Москву.

Началось отступление многотысячной французской армии.

БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Еще до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом,— принял сразу и очень приветливо.

— Ну рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет,— отвечает Давыдов.

— Наградой обойден? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет,— отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждет, что же скажет ему подполковник.

— Вот какую имею мысль,— произнес Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни верст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно,— бросает князь Петр.

— Все время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так...— слушает Багратион.— Нового не открываешь.

— А новое в том,— вдруг заявил Давыдов,— что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар — докажу, как возможное.

Пока Давыдов все это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую.— Поцеловал.— Жди.

Багратион тут же пошел к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни верст... И передал все слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона и говорит:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берег каждый отряд солдат.

— Ваша светлость,— обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым,— фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! — И потом уже тише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну, ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надежный твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль по глазам начальству.

— Надежный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

— Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным.

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусар и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушел в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам все чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнес:

— Тут я как-то называл твой маневр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И, так же как тогда князь Багратион, подошел и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

СОЛДАТ ЧЕТВЕРТАКОВ

В бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь.

Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в тех местах, которые были заняты неприятелем.

Организовал Четвертаков из крестьян партизанский отряд. Вначале в нем было двести человек, а вскоре стало четыре тысячи.

Стал Ермолай Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завел военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

— Да ты — что полковник,— смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

— Что там полковник — сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по-прежнему в селах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляют для армии. Кони пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звенят, гудят, переливаются на церковных звонницах колокола. То медью ударят, словно в набат, то трепетно, тонко зальются.

Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор — там тоже деревня и церковь. Подхватились и слева и справа. Идет от села к селу перезвон. Эка приятные звуки...

Продолжают французы свой путь. Слушают звонкую прелесть.

Идут и не знают того, что это не просто звон — это голос для них прощальный, погребальный, выходит, звон.

Четвертаков использовал церковные перезвоны как сигналы для своих отрядов. Это не только сигналы тревоги. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно — будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сел выходят уже отряды. Приказ — собраться сегодня им у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью — крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от кафтанов. Конный виден в крестьянских рядах,— наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой,— куда же палить, в какую же сторону! Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью того, перелет.

Выстрел был первый, он же последний. Не успели французы сунуть новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и очень цепки. Пушка, обоз и солдаты — все через минуту оказалось в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне солдат Четвертаков, Ермолай... как там тебя по батюшке? Эх, можно, пожалуй, без батюшки. Ермолай Четвертаков — генерал крестьянский. Ваше солдатское превосходительство!

ВАСИЛИСА КОЖИНА

Василиса Кожина была женой деревенского старосты. По-бабьи она проворная. В избе чисто, дети накормлены, скотина в хлеву в довольствии.

Да не только этим Кожина славилась. Муж у нее хоть и староста, да то ли с ленцой, то ли просто не очень проворный мужик. Вот и сложилось так, что по всяким делам крестьяне ходили не к старосте, а к женке ленивого Кожина.

Оказалась старостиха первой в селе фигурой.

Женщина она дородная, женщина она степенная. И посмотреть на такую приятно, и услышать умный совет.

В общем, довольны крестьяне. Жаль, что женщин в старосты не избирают.

И вот накатилась война с французами.

Бегут к Василисе крестьяне:

— Как же нам быть?

— Бить нежданных, непрошеных,— отвечает им Кожина.

Смотрят мужики на нее недоверчиво. Не шутит ли баба?

— Что же мы — войско?

— А где ружья?

— Где сабли?

Короче, впервые совет Василисы был для крестьян ничто. Посмеялись, и только.

Тогда собрала Василиса баб помоложе. Создался женский отряд. Без ружей, без сабель. Вилы, простые рогатины — вот все, чем богаты бабы.

Уходят крестьянки в соседний лес. Смеются крестьяне:

— Аники-воины!

— Бонапарту схватите в плен!

Впустую, конечно, ходили вначале по лесу бабы. Но вот наступил день, когда поймали они француза. Тянут пленного в село.

Глянули мужики, так и ахнули. Ходят вокруг француза, смотрят, не верят своим глазам:

— Гляди, настоящий!

— С усами!

— И сабля, смотри, была. И ружье!

Висит оно теперь на плече у Кожиной. Сабля у рыжей молодки в руках.

Торжествуют сельские женщины:

— Ага!

— Не верили!

— Вот вам мужская работа!

— Ну, посмотрели? — спросила Кожина.— Теперь собирайтесь, очередь, значит, ваша.

— Подумаешь — раз повезло!

— Скопом штуку одну споймали.

— Ну меньше, ну больше одним — французская армия от этого, что ли, убавится?!

После первой удачи дело у женщин пошло успешнее. Второй, третий, четвертый француз попался.

Ружьишками женщины обзавелись. Василиса Кожина ходит теперь в шинели. Сабля гусарская сбоку висит.

Отводят женщины пленных в уездный город, Сычевку. Слава о них гремит.

Задумались теперь мужики. Завидно им, глядя на женщин.

— Эх, зря мы тогда не поверили!

— И нам бы теперь почет.

Пересилили они мужское свое упрямство. Стали являться к Кожиной, проситься в отряд.

— Ну что же, надо подумать,— отвечает с улыбкой им Кожина.— Тут как присудит наш бабий сход.

Сход порешил мужиков принять. Давно ведь женщины этого ждали. Не бабье дело вести войну.

Хоть и не бабье, да все же мало кто из женщин оставил ружья. Огромный теперь отряд. Старшей попрежнему Кожина. Мужики послушны во всем.

— Приказывай, матушка, слушаем.

— Бей до конца захватчиков — ныне это единый приказ.

Вот какая она, Василиса Кожина, русская женщина, храбрая женщина. Ее не то что на место старосты, Кожину хоть в губернаторы назначай, хоть в военный совет сажай.

ШАПКУ ОБ ЗЕМЛЮ

Наслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев.

Под городом Юхновом собрались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, и даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова,— правого. Набились крестьяне в избу. Расселись. Стал угощать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску. За чаем зашел разговор.

Конечно, прежде всего о войне, о французах.

— Французы — народ геройский,— заявляют крестьяне.— Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмешь Россию!

— Тут Невский еще сказал,— вспомнил безглазый,— прибудешь с мечом, от меча и погибнешь!

— Верно! — шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

— Конечно, жалко. Немаленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва — Россия? Отстроится город. Была бы жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

— Мы что... Нам достается плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов — неглупый народ собрался. Приятно вести беседы.

— О Денисе Давыдове слышали?

— А как же! И в нашем уезде его отряды. Лихой командир. Зачинатель великого дела.

— Говорят, на Смоленщине женщина видная есть?

— Так это же Кожина,— отвечают крестьяне.— Старостиха Василиса. Гвардейская баба!

Вспомнили солдата Четвертакова.

— Природный начальник. Ему б в офицерах положено быть.

Потом как-то, Кутузов и не заметил, разговор перешел на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах, и вдруг:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчет воли? Чай, после победы крестьянам ее дадут?

— И как там с землей? — сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Кутузов бы волю дал. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить, фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор как-то уже не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

— Да, воли не предвидится.

— И земля, как была,— у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Скинул он шапку и с силой об землю:

— Только напрасно с французами бьемся! Жизнью своей рискуем!

— Цыц, молоко необсохшее! — выкрикнул тот, безглазый.— Тут вещи не равные — разные. Баре есть баре. Россия — Россия!

РАССКАЗЫ О ДЕКАБРИСТАХ

1825 год. Декабрь. В Петербурге, в тогдашней столице Российского государства, вспыхнуло восстание против царя и крепостных порядков. Его организаторами были молодые офицеры и передовые люди русского общества. Восстание произошло зимой, в декабре, поэтому его участников и называют декабристами.

Декабристов было мало. Они не решились поднять против царя народ, рассчитывая справиться собственными силами. Но этого не получилось. Восстание было жестоко подавлено.

Декабристы были людьми отважными, благородными, глубоко преданными идеям освобождения народа.

Вечна наша благодарная память подвигу декабристов.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

На квартире у отставного поручика поэта Кондратия Рылеева собрались члены тайного общества.

Свечи горят в подсвечниках. Виден в углу камин. Подошел Рылеев к камину. К поленьям свечу поднес. Побежал огонек. Заиграло пламя.

Тайных обществ в России два. Однс — в Петербурге, на севере. Оно так и называлось — Северным тайным обществом. Второе возникло на юге, на Украине. Оно называлось Южным.

Стонет под властью царей Россия. Сбросить царей в России, дать землю и волю крестьянам — вот главное в планах обоих обществ. Шумно сейчас у Рылеева. Все веселее гудит камин. Тянется пламя в трубу кинжалами.

Офицеры сидят у Рылеева. Большинство — совсем молодые люди. Гвардейские здесь офицеры, армейские. Гусары, уланы, драгуны. Офицеры морские, от артиллерии, от инфантерии [1] — представители разных войск.

Шумно сейчас у Рылеева. Обсуждается план восстания. Решительный наступил момент. 14-го декабря утром должен собраться Сенат [2]. Будет оглашен манифест [3] о новом российском царе. Сенаторы принесут присягу. И с этой минуты великий князь Николай станет царем Николаем I.

— Не быть Николаю царем!

— Не быть Николаю царем!

— К оружию, братья, к оружию!

План у молодых офицеров такой: вывести 14 декабря утром войска на Сенатскую площадь, вступить в Сенат, заставить сенаторов отклонить манифест Николая, а затем собрать представителей ото всех областей России и вместе с ними решить, кому и как дальше Россией править.

14 декабря 1825 года восстание началось. Привели революционные

---

[1] *Инфантерия* — пехота.
[2] *Сенат* — высшее административное учреждение в царской России.
[3] *Манифест* — торжественное письменное обращение верховной власти к населению.

Обсуждается план восстания.

офицеры войска на Сенатскую площадь. Однако Николай опередил декабристов. Нашелся предатель. Донес он о предстоящем восстании. Дал Николай приказ срочно собрать Сенат.

Разбудили, порастолкали среди ночи спящих в теплых кроватях сенаторов. Привезли их сонных, небритых в Сенат.

В семь часов утра великий князь Николай огласил манифест. Принесли сенаторы присягу. В семь двадцать стал Николай царем.

Пришли восставшие на Сенатскую площадь. Ни царя, ни сенаторов. К этому времени все разъехались.

«ГДЕ АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ»

Нарушился план декабристов. Не получилось у них с восстанием. Царь Николай I стал собирать к Сенатской площади верные ему войска. Разгромили они декабристов. Разгромили здесь, в Петербурге. Подавили восстание и на юге.

Начались аресты декабристов. Задержанных немедленно доставляли в Зимний дворец к царю Николаю I.

Вот схвачен Рылеев. Вот схвачен Каховский. Князь Трубецкой задержан. Штабс-капитан Щепин-Ростовский взят прямо на Сенатской площади. На юге взяты Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин. Арестованы Розен, Сутгоф, Панов... Еще раньше был арестован руководитель Южного общества декабристов полковник Павел Пестель.

Царские сыщики искали штабс-капитана Александра Бестужева.

Александр Бестужев был не только гвардейским офицером, но и известным в стране писателем. Печатался он под именем Марлинский.

Ворвались сыщики в дом Бестужевых.

— Где Александр Бестужев?

— Нет Александра Бестужева.

Бросились к месту военной службы.

— Где Александр Бестужев?

— Нет Александра Бестужева.

Стали вспоминать жандармские офицеры, с кем Бестужев был близок, с кем находился в приятельских отношениях. Ездили на Мойку, на Фонтанку, на Васильевский остров.

— Где Александр Бестужев?!

Сбились с ног царские сыщики, прибыли в Зимний дворец, докладывают:

— Нет Александра Бестужева.

— Разыскать! — последовал строгий приказ.

И снова по петербургским улицам, по разным домам, по офицерским квартирам и клубам забегали сыщики и жандармы.

— Где Александр Бестужев?

— Где Александр Бестужев?!

А в это время к Зимнему дворцу подходил офицер. Был он в полной парадной форме. В мундире, при сабле, в белых как снег рейтузах, на ногах сапоги драгунские. Шпоры на сапогах. Пересек офицер Дворцовую площадь. Быстрым шагом направился к Зимнему.

Перед ним распахнули дверь. Офицер переступил порог и представился:

— Я — Александр Бестужев.

— По-рыцарски поступил Бестужев,— доложили царю приближенные.— Явился, ваше величество, сам.

«По-рыцарски» ответил на это и царь Николай I. Приказал заточить Александра Бестужева в Петропавловскую крепость, в Алексеевский равелин [1].

МОРСКОЙ ОФИЦЕР

Начались допросы декабристов. Вел допросы сам царь Николай I. Гордо держали себя декабристы во время следствия. По Петербургу ползли слухи о смелом ответе царю Николая Бестужева.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

Морской офицер Николай Бестужев был старшим братом Александра Бестужева. Во время восстания он привел на Сенатскую площадь гвардейский морской экипаж.

Стоят друг против друга царь Николай I и Николай Бестужев.

Внимательно смотрит на декабриста царь.

— Ты Николай Бестужев?

— Так точно, ваше величество, я и есть Николай Бестужев.

— Значит, поднял руку свою на отечество?

[1] *Равелин* — дополнительное укрепление позади крепостной ограды в старинной крепости.

— Никак нет, ваше величество. За святыню почитаю родину. Ценю превыше всего отечество.

— Против чего же ты бунтовал?

— Против негодных порядков, ваше величество!

Генерал-адъютант Левашов — он сидел за большим дубовым столом и записывал ответы Николая Бестужева — при этих словах оторвал голову от бумаги, глянул на Бестужева, на государя. Щеки царя зарозовели — признак того, что царь подавляет гнев.

— Да знаешь ли ты,— Николай I заметно повысил голос,— что все вы в моих руках...

— Знаю,— ответил Бестужев.

Спокойный ответ и взорвал царя.

— Ах, знаешь! — закричал Николай I.— Нет, ты пока ничего не знаешь. Хочешь, тебя помилую?

Не отвечает Бестужев.

— Хочешь, тебя повешу?

Не отвечает Бестужев.

— Да знаешь ли ты, слово одно государя — и...

Вот тут-то Николай Бестужев и произнес ту самую фразу, о которой потом говорил Петербург:

— Ваше величество, в том-то и все несчастье, что каприз царей в России превыше любых законов. Против порядков этих я и поднял с друзьями меч.

РАСПЛАКАЛСЯ

Шесть томительных месяцев провели декабристы в Петропавловской крепости. Шесть томительных месяцев не прекращались допросы и следствия.

И вот приговор объявлен. Пять декабристов — Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский — были приговорены к смертной казни через повешение. Остальные лишались чинов и званий и ссылались в Сибирь на каторгу.

Гордо встретили декабристы приговор суда. А вот морской офицер лейтенант Бодиско расплакался.

— Морской офицер лейтенант Бодиско расплакался,— доложил генерал-адъютант Чернышёв царю.

Николай I улыбнулся, остался доволен.

— Вижу, среди негодяев хоть и один, да человек благородный есть. Если бы знал — помиловал. Что же он говорил?

Что говорил Бодиско, генерал-адъютант Чернышёв не знал.

— Разузнать! Доложить! — приказал Николай I.

Стал хвастать царь своим приближенным, что морской офицер лейтенант Бодиско расплакался.

Похвастал брату.

Похвастал жене.

Адъютантам своим похвастал.

— Расплакался! Расплакался! Расплакался! — повторил государь. Даже повеселел. Даже по-мальчишечьи насвистывать что-то начал.— Расплакался! Расплакался! А сегодня я вам передам, что при этом сказал Бодиско.

Разнесли адъютанты налево, направо слова государя о том, что морской офицер расплакался.

— «Среди негодяев человек благородный есть. Если бы знал, помиловал»,— вот что сказал государь.

В богатых домах Петербурга о слезах лейтенанта Бодиско только теперь и речь.

— Морской офицер расплакался!

— Морской офицер расплакался!

Правда, надо сказать, что активного участия в восстании Бодиско не принимал. И по решению суда наказание было вынесено ему, по сравнению с другими, совсем не суровое, а даже, скорее, мягкое. Как других, не отправляли его на вечную каторгу.

Лишался Бодиско чинов и дворянства, ссылался в Сибирь на поселение.

Вечером генерал Чернышёв снова докладывал царю:

— Дознались, ваше величество.

— Ну-ну. Что говорил Бодиско? Какими словами каялся?

— Ваше величество, он того.

— Что «того»? — насупился царь.

— Плакал этот злодей не потому, что в тяжких грехах раскаялся. Счел, разбойник, ваше величество, за личное унижение столь мягкий ему приговор. «Стыдно смотреть мне в глаза товарищам»,— вот что сказал Бодиско.

БЬЮТ БАРАБАНЫ, НАДРЫВАЮТСЯ ФЛЕЙТЫ

Свистят, надрываются, плачут флейты. Нескончаемо бьют барабаны.

Жах, жах! — взлетают над строем и опускаются палки.

— Братцы, помилосердствуйте!

На плацу перед армейскими казармами идет экзекуция. Солдат, принявших участие в восстании декабристов, прогоняют сквозь строй. Гонят их в Московском гвардейском, в гвардейском морском экипаже, за Невой на Аптекарской улице в лейб-гренадерском полку. Гонят на Украине в полках Черниговском, Тамбовском, Саратовском. Гонят в других полках.

Жах, жах!

Бьют барабаны. Надрываются флейты.

Еще до того как окончилось следствие по делу декабристов-офицеров, специальные военные суды огласили приговор солдатам восставших полков. Погнали виновных под палки. Называлось это — шпицрутены. Солдаты получали по четыре, шесть, восемь и даже двенадцать тысяч ударов. Не все из них выживали после этого.

...Лежал он побитым. Без стонов и вздохов. Сил не хватало на стоны. Лежал в казарме, на полу, на соломе.

Два солдата пришли к несчастному. Ступали тихо, не по-солдатски, словно по пуху шли.

— Дядька Андрей!

Поднял тот веки, повел глазами.

— Дядька Андрей, прости!

Опустились они на колени, пригнули солдатские головы.

Олимпий Лазыкин и Аким Петухов были из тех, кто не примкнул к восставшим. Служили они в лейб-гренадерском полку с дядькой Андреем в одном полувзводе. Дядька Андрей из бывалых солдат бывалый. Двадцатый год на солдатской службе. Петухов и Лазыкин почти новички — первых мундиров еще не сносили. 14-го декабря вместе со всеми восстал полувзвод. Дядька Андрей, как и все, ушел на Сенатскую площадь. Петухов и Лазыкин в казармах остались.

Разошлись их солдатские судьбы. Бывалый пошел под палки. За верность царю молодые добились чести. Только честь вот им какая выпала — палками бить своих.

Началась в лейб-гренадерском полку экзекуция. В два длинных ряда стоят солдаты. Это те, кто будет виновных бить. Среди них Петухов и Лазыкин. Друг против друга. Держат в руках шомпола.

Вот идет Пантелей Долговязов. Жах! Вот Семен Рытов, Даниил Соловьев. Жах! Жах! Трофим Федоров, Федор Трофимов. Жах! Жах!

А вот и дядька Андрей ступает.

Еще издали видят его Петухов и Лазыкин. «Пропущу»,— решает Лазыкин. «Пропущу»,— Петухов решает. Поравнялся с ними дядька Андрей. Пропустили солдаты его без удара. Только прошел гренадер, как тут:

— Стой! Назад!

Хитрость солдат офицер заметил. Заставил он дядьку Андрея вернуться назад.

— Бей! — закричал на Лазыкина.

Вскинул тот шомпол. Ударил.

Жах!

— Бей! — на Петухова кричит офицер.

Вскинул тот шомпол. Ударил.

Жах!

Двенадцать тысяч ударов назначили дядьке Андрею. Двенадцать раз он прошел сквозь тысячный строй солдат. По двенадцать раз опустили Лазыкин и Петухов свои шомпола на его оголенную спину.

И вот теперь оба стоят на коленях.

— Дядька Андрей, прости!

Шевельнулся солдат. Повел утухающим взглядом:

— За что вас простить, родимые?

— За палки, за палки,— частит Петухов.

— Так то офицер,— добавляет Лазыкин.— Кабы да по нашей воле...

Привстал на руках страдалец.

— Дурни, за палки давно простил. Не мне — с кем не пошли на площадь, тем упадите в ноги.

Сказал и рухнул, как сноп, на пол. Кончилась жизнь солдата.

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

— В Сибирь!

— Бог ты мой!

— Катенька!

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая уезжала к мужу в Сибирь, на каторгу.

Когда прошение Трубецкой попало в руки к царю, он долго вертел бумагу. Не хотел Николай I отпускать Трубецкую:

— Пример нехороший. Поедет одна, а за ней и другие следом.

Мечтал Николай I о том, чтобы забыли вообще декабристов, чтобы отвернулись от них и отцы и жены. Решил припугнуть Трубецкую.

— Если поедет, лишить ее титула княжеского. Посмотрим, посмотрим,— усмехнулся Николай I.— Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

— Трубецкая согласна, ваше величество.

Хмыкнул царь Николай I. Уставился в потолок. Что бы еще придумать?

— Денежных сумм не брать. Ценных вещей не брать. Подчиняться во всем коменданту. Видеться с мужем в неделю раз. Ладно, пусть будет — два, зато в арестантской палате. И при свидетелях. Посмотрим,

посмотрим,— усмехнулся Николай I.— Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

— Трубецкая согласна, ваше величество.

Хмыкнул царь Николай I. Грозно повел бровями. Уставился в потолок. Что бы еще придумать?

— Если родятся дети,— царь поднял палец над головой,— лишать их отцовской фамилии. Приписывать к местным заводам. Считать крестьянами. Посмотрим, посмотрим,— усмехнулся Николай I,— сразу небось передумает.

Сообщают царю:

— У княгини слезы стоят в глазах.

Улыбнулся царь Николай I. Ладошкой потер ладошку. Молодец, неплохо, видать, придумал.

— Значит, не едет теперь Трубецкая?

— Ваше величество, едет, согласна.

— Ах так! — обозлился царь.— Навеки ее в Сибирь. Дороги назад не будет!

Тронулась в путь Трубецкая. Верста за верстой, верста за верстой. Десятки, сотни, тысячи верст. Приволжские степи. Уральские горы. Просторы сибирских лесов и рек.

— Быстрее, быстрее,— просит княгиня.

Едет и ночью и днем. Через месяц Трубецкая была в Иркутске. Рядом совсем Благодатский рудник — там находился сейчас Трубецкой. Еще несколько дней — и увидит княгиня мужа. Однако не пропускает иркутский генерал-губернатор жену декабриста дальше. Находит причины разные. Получил он приказ от царя чинить непокорной помехи.

Пять месяцев добивалась Трубецкая права поехать дальше. Не отступила. Доконала она губернатора. Получила право тронуться дальше.

Но это было еще не все. Приехала Трубецкая на Нерчинские рудники, и тут началось все сначала.

Встретил ее начальник Нерчинских рудников Бурнашев:

— Княгиня, княгиня. Жалко мне вас, княгиня. Там не дворцы!

— Знаю!

— Не хоромы...

— Знаю!

— Там снега и кандальный звон!

— Знаю!

Развел Бурнашев руками. Приказал для Трубецкой приготовить санки.

КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ

В доме Волконских давали бал. Свечи костром пылают. Мелькает за парой пара. Кружатся. Кружатся. Плавно играет вальс. Марии Волконской всего восемнадцать лет. 1825 год. Весна.

Всем известна батарея Раевского. Все помнят суровый 1812 год. Неман. Витебск. Смоленск, Бородино... Кутузов, Барклай де Толли, Багратион, Николай Раевский... Мария Волконская — дочь генерала Раевского.

Твои пленительные очи
Милее дня, чернее ночи,—

так Пушкин писал о Марии Раевской.

В 1825 году Раевская стала женой князя Волконского.

Сергей Волконский, как и отец

Марии, был прославленным генералом 1812 года.

В семнадцать лет он уже командовал полком. В двадцать пять стал генералом. В пятидесяти восьми сражениях участвовал князь Волконский. Не счесть наград и орденов, полученных им за отвагу.

Князь Волконский был активным участником Южного тайного общества. И вот приговор — Сибирь, двадцатилетняя каторга, вечное там поселение.

Еще с большим трудом, чем княгиня Трубецкая, добилась Мария Волконская права поехать следом за мужем на каторгу.

Княгиня Трубецкая ехала летом. Княгине Волконской пришлось двигаться тем же путем зимой!

Снова бежали версты. Мелькали поля в сугробах. Угрюмо смотрели Уральские горы. Грозно качали ветвями сибирские кедры. Бушевали бураны, стонали метели. Кони сбивались с пути. А где-то выли голодные волки. И птицы, не выдержав лютых морозов, падали в глубокий снег, как камни.

Не ожидала Мария Николаевна увидеть мужа в цепях. Растерялась. Но тут же пришла в себя. Опустилась перед Волконским на колени, поцеловала его кандалы.

В Иркутске Марии Волконской, как и княгине Трубецкой, пришлось выдержать нелегкий разговор с губернатором. Пугал губернатор княгиню.

— Согласна! Согласна! На все согласна!

В Нерчинске — с Бурнашевым:

— Согласна!

— Согласна!

— Согласна!

И вот Благодатский рудник.

Вот он — Сергей Волконский.

Мария Николаевна бросилась к мужу. Замерла: послышался звон цепей. Это рванулся навстречу Волконский.

Не ожидала Мария Николаевна увидеть мужа в цепях. Растерялась. Но тут же пришла в себя. Опустилась перед Волконским на колени, поцеловала его кандалы. Потом поднялась и нежно прижалась к мужу.

Начальник рудников Бурнашев, бывший при этой встрече, остолбенело смотрел на молодую княгиню. Было Марии Волконской неполных двадцать лет.

Кроме Трубецкой и Волконской, еще более десяти отважных женщин — жен и сестер декабристов — поехали в Сибирь вслед за своими мужьями и братьями.

ПО РАЗНЫМ МЕСТАМ СИБИРИ

После отбытия срока каторжных работ декабристы были расселены по разным местам Сибири.

Выбирая место, куда посылать декабристов, Николай I поступал так: возьмет карту, ткнет пальцем:

— Сюда вот Бестужевых. Сюда Трубецкого. Сюда Волконского.

Когда решалась судьба декабриста Николая Лорера, царь вообще указал на пустое место. Долго колесили по Сибири жандармы, прежде чем нашли хотя бы избенку одну поблизости. «Мертвый Култук» называлось это место. И в нем действительно только одна изба.

Матвея Муравьева-Апостола царь поселил в далеком Вилюйске.

Узнали жители — каторжный едет на поселение. Что за каторжный, толком никто не знал. Всполошился Вилюйск. Разные слухи пошли нехорошие. Мол, едет грабитель с большой дороги, мол, пятерых зарезал.

Поселился ссыльный. Живет незаметно. Ножей не точит. Никого не режет.

«Что-то не то»,— понимают жители. Стали при встречах с ссыльным они здороваться. Кто-то даже в доме у него побывал. Разнес по Вилюйску: в доме, мол, книги — полным-полно. Как-то мальчишки к дому подкрались. Увидел ссыльный.

— Заходите,— сказал ребятам.

Смутились мальчишки, однако зашли. Сидели, листали книжки. Затем ссыльный о диковинных странах им рассказал, карту и глобус им показал.

— Есть люди как сажа черные,— несли ребята потом по Вилюйску.

— А земля стоит не на трех китах. Есть она шар и вертится.

— А за что он сослан? — интересуются жители.— За что?

Разводят ребята руками:

— Не говорил.

Потянулись мальчишки к Муравьеву-Апостолу.

— Про войну расскажи, про войну. Про Суворова и Кутузова. (Матвей Муравьев-Апостол отличился в войне с французами. Три награды имел за храбрость.)

Опять по Вилюйску несли ребята:

— Суворов ел солдатские щи и кашу.

— Правый глаз у Кутузова был незрячий.

Интересуются жители:

— А за что же он сослан? За что?

Разводят ребята руками:

— Не говорил.

Все больше и больше интерес у жителей к ссыльному. Вот и сами стали к нему заходить. Поначалу на минутку, на две. Потом по часу, по два сидели. Стал и им Муравьев-Апостол разные книги показывать. О многом и им рассказывал. То про Луну, про Солнце, то про Петербург и Сенатскую площадь. То про Кутузова и партизана Дениса Давыдова, то про царя и Алексеевский равелин.

Прошел год.

Нет в Вилюйске теперь человека, который не знал бы, кто такие декабристы, за что боролись они, за что сослал государь их на каторгу.

Недолго пробыл здесь Муравьев-Апостол. Перевели декабриста в другое место. Сожалели о нем в Вилюйске.

— Жаль, что уехал, жаль.

— Что тут скажешь,— конечно, жаль.

И кто-то задумчиво, тихо:

— Пути ему и здоровия доброго. О деле святом, великом пусть и в новых местах расскажет.

ЗАДАЧИ

Многими добрыми делами оставили декабристы в Сибири о себе благодарную память. Декабрист доктор Вольф бесплатно лечил людей. Братья Борисовы изучали местную природу, собрали уникальную коллекцию растений и насекомых Сибири. Декабрист Николай Бестужев прекрасно рисовал. Это благодаря ему мы можем сейчас представить, как внешне выглядели многие из декабристов. Как и где они жили. Какими были те тюрьмы, в которых они томились.

Декабристы первыми в Сибири стали выращивать овощи. Научили они огородничеству и коренных жителей. И еще одно: многие декабристы создавали для местных детей школы.

С ребятами занимались и Матвей Муравьев-Апостол, и братья Бестужевы, и Петр Муханов, моряк Торсон. Занимались и другие.

Учил детей и Иван Якушкин.

Начал про «а», про «б». А когда освоили дети чтение, с цифрами их познакомил. Прошел сложение и вычитание, умножение и деление. Про половинки и четвертинки им рассказал, ребята были смышлеными — освоили даже дроби.

Но больше всего любили ребята решать задачи.

— Сегодня задача на сложение,— начинает Якушкин.

Замрут ребята, слушают.

— Было у барина две деревеньки. Прикупил барин еще одну. Сколько всего стало?

— Три,— голосят ребята.

— Правильно. А теперь давайте на умножение. Срубил крестьянин в барском лесу три осинки. Узнал барин, приказал за каждое дерево всыпать крестьянину по пять плетей. Сколько плетей получил крестьянин?

— Пятнадцать! Пятнадцать! — кричат ребята.

— Молодцы. Правильно. А теперь давайте на вычитание.

Притихли опять ребята. Начал Якушкин:

— Собрал крестьянин с поля десять мешков зерна. Три из них за землю отдал помещику. Четыре мешка вернул тому же помещику за долги. За крестины сына один мешок оттащил попу. Два пришлось отвезти купцу — задолжал крестьянин купцу за ситец. А ну, кто живее из вас сосчитает, сколько мешков зерна у крестьянской семьи осталось?

— Ничего не осталось! — кричат ребята.— Ничего! Пусто!

— Молодцы,— говорит Якушкин.— Ну, дело у вас пойдет.

РАССКАЗЫ О ТОМ, КАК ЖИЛИ И БОРОЛИСЬ РАБОЧИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Нелегкой была жизнь у крестьян в царской России. Нелегкой была она и у рабочих.

Работали на заводах с утра и до самого вечера, по двенадцать, по четырнадцать, а то и по шестнадцать часов в сутки. Получали за труд гроши. Чуть что — штрафы. И прав никаких у рабочих.

Рабочие постепенно стали понимать, что улучшить свою жизнь они могут, лишь сообща поднявшись на борьбу за свои права.

О том, как жили и боролись рабочие в царской России, вы и узнаете из рассказов, вошедших в этот раздел книги.

РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК

Деревня Емельяновка лежала в стороне от проезжих дорог, верстах в трех от Петербурга. За деревней — лес, сразу же за лесом — берег Финского залива.

Ничем не примечательна Емельяновка: домов в ней немного, жители мирные. Никаких историй, никаких происшествий.

И лес как лес, ничего в нем особенного: сосна да береза, кусты колючей малины, заросли орешника. Редко кто забредал сюда из прохожих.

И вдруг...

Крутился однажды местный мальчишка Санька Лапин около леса, глянул — двое неизвестных. Прошли неизвестные полем, осмотрелись по сторонам, скрылись в орешнике.

«Кто бы это? — подумал Санька.— Парни молодые, здоровые. Вдруг как разбойники!»

Хотел было мальчишка подкрасться к орешнику, да не решился. Обошел стороной, выбежал к заливу, смотрит — у берега лодки: одна, вторая, третья... Из лодок выходят люди, тоже оглядываются по сторонам и направляются к лесу.

Бросился Санька назад в деревню, к дружку своему Пашке Дударову.

— Паш, Паш,— зашептал он.— Люди, человек двести!

— Брось врать!

— Не сойти с места.

Побежали приятели к заливу. Смотрит Пашка — действительно люди!

Помчались в лес. Идут осторожно, крадучись. От куста к кусту пробираются. Вышли к поляне — народу! Стоят полукругом. В центре — плечистый рабочий. Развернул красное знамя. Заговорил.

Обомлели ребята, залегли за кустом, притихли.

— Сегодня мы, петроградские рабочие, собрались сюда...— долетают до Саньки и Пашки слова оратора.— Нас мало сегодня, но близок час народного пробуждения...

Выступающий говорил долго, а кончил словами:

— Да здравствует наш пролетарский праздник!

Санька толкнул Пашку:

— Про что это он?

Пашка пожал плечами.

Вслед за первым рабочим выступил второй, затем третий, четвертый. Все говорили о тяжелой доле трудящихся, о том, что надо бороться за лучшую жизнь, и снова о празднике.

Обомлели ребята, залегли за кустом, притихли.

Долго под кустом пролежали ребята. Сходка окончилась. Рабочие начали расходиться небольшими группами. Переждав немного, поднялись и мальчишки. Идут гадают: что же такое было в лесу, о каком это празднике говорили рабочие?

Вернулись ребята в Емельяновку, решили разузнать у старших.

Санька отцу рассказал про сходку, про знамя.

— А вы не придумали? — усомнился отец.

— «Придумали»! Мы же видели. Мы под кустами лежали.

Пожал Санькин отец плечами. Ничего объяснить не смог.

Расспрашивали ребята у матерей, к тетке Марье ходили, к дяде Егору бегали. Да только никто ничего не знал о рабочем празднике.

Помчались ребята к деду Онучкину. Он самый старый, уж он-то, наверное, знает. Онучкин принялся объяснять, что праздники бывают разные: рождество, пасха, день рождения царя, день рождения царицы...

— Не то, не то! — перебивают ребята.

— Есть еще сретенье, крещение, троицын день.

— Ты давай про рабочий праздник! — кричат.

— Про рабочий? — Старик задумался. Почесал затылок. Развел руками. Не слыхал он о таком празднике.

Так ничего и не узнали приятели.

А происходило в лесу деревни Емельяновки вот что: русские рабо-

чие впервые отмечали Первое мая. Было это давно, в 1891 году.

Только о том, что же это за праздник, Первое мая, и почему его отмечают, Санька и Пашка узнали не скоро — много лет спустя, когда уже выросли, когда сами стали рабочими.

НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ

Трудна, безысходна жизнь рабочих. Не лучше других положение и на Обуховском оружейном заводе.

В апреле 1901 года обуховцы заволновались:

— Хватит!

— Натерпелись!

— Пусть ставки повысят!

— Штрафы, штрафы долой!

Объявили рабочие забастовку.

Хозяин завода приказал для острастки уволить двадцать шесть человек с работы.

Забегал слесарь Афанасий Никитин.

— Братцы,— кричит,— приступайте к работе. Так они нас всех уволят!

Только рабочие не послушались Афанасия Никитина, не испугались, к работе не приступили. Мало того, предъявили хозяину новые требования: уволенных восстановить, рабочий день сократить, а подумав, добавили и еще одно — разрешить открыто праздновать Первое мая.

Двинулись солдаты на баррикады, открыли стрельбу.

Прошел день, второй, третий. Прошла неделя, наступила вторая.

Не дымит, не работает Обуховский оружейный завод.

Слесарь Афанасий Никитин и вовсе перепугался.

— Братцы! — уговаривает он рабочих.— Так нет же силы в наших руках. Все равно не будет по-нашему. Только хуже себе.

Не слушают рабочие Никитина.

Прошло Первое мая. Следом — еще неделя. Не прекращается забастовка. Вызвал тогда хозяин войска. Окружили войска завод.

Построили рабочие баррикады, приготовились к обороне.

— Братцы! — не унимается Афанасий Никитин.— Пожалейте себя. Братцы, нас же солдаты, как зайцев...

Двинулись солдаты на баррикады, открыли стрельбу. А что у рабочих? Камни да доски. Продержались полдня на баррикадах, сломили войска рабочих.

Арестовали в этот день восемьсот человек. Судили. Многих отправили в Сибирь — на каторгу.

Так ничего и не добились рабочие.

— Говорил я, предупреждал,— опять завел про свое Афанасий Никитин.— Нет же силы в наших руках. Не стоило начинать.

— Начинать, говоришь, не стоило?! — возмущались рабочие.— Да в любом деле главное — начать. Силы, говоришь, нет? Эх, ты! Сила в народе могучая, богатырская. Погоди: придет время — покажет себя народ!

АРАКЕЛ

Небывалой силой славился кузнец Аракел.

— Дядя Аракел, согни-ка подкову,— просят ребята.

Положит кузнец подкову на огромную, словно сковорода, ладонь, сожмет — согнулась подкова.

— Гирю, гирю подбрось,— не отстают ребята.

Возьмет Аракел пятипудовую гирю, начинает играть, словно мячиком.

...Вместе с русскими рабочими Первое мая стали отмечать и рабочие других национальностей: украинцы, латыши, белорусы, армяне, татары.

В 1901 году отпраздновать Первое мая решили и рабочие города Тифлиса[1].

Первомайская демонстрация в Тифлисе получилась большая, многолюдная — две тысячи человек вышли на улицы.

Вместе со всеми вышел и Аракел. Шел впереди, нес красное знамя.

На одной из улиц рабочим преградили дорогу конные полицейские и казаки.

— Разойдись! — приказал казачий офицер. Он взмахнул плетеной нагайкой.

Демонстранты остановились.

— Разойдись!

Никто не шевельнулся.

Подал тогда офицер команду. Выхватили полицейские и казаки шашки, бросились на демонстрантов.

Смешались ряды рабочих, потеряли равнение. Окружили полицейские Аракела, оттеснили его от товарищей.

Подскакал офицер и схватился за красное знамя.

[1] *Тифлис* — так в царской России назывался Тбилиси.

Не выпускает Аракел знамени, еще крепче прижал к груди.

— Отпусти! — закричал офицер и полоснул по лицу знаменосца нагайкой.

Пересек красный рубец лицо Аракела, кровью наполнился левый глаз.

Держится Аракел за знамя.

— Отпусти! — хрипит офицер; выхватил он шашку, взмахнул — вот-вот рубанет Аракела.

Но перехватил кузнец офицерскую шашку. Вырвал, подбросил и, как хворостинку, переломил ее на две половины.

Опешили офицер и полицейские. Сидят на лошадях, разинули рты.

А Аракел презрительно швырнул на землю обломки шашки, сжал крепче в руках знамя и не торопясь направился к демонстрантам.

Опомнились полицейские.

— Стой! — закричал офицер.— Стой! Держи его!

Бросились догонять Аракела, да поздно. Смешался он с толпой. Не видать Аракела. Не найти. Лишь попрежнему развевается над демонстрантами красное знамя.

— Да здравствует Первое мая! Да здравствует свобода! — несется по улице.

ПАССАЖИРЫ

Дело было в Могилеве. Извозчик — старик Качкин подкарауливал возле вокзала пассажиров. День был веселый, майский.

Сидел старик на козлах пролетки, от яркого солнца щурился. Смотрит — идут два парня. В руках у одного корзина. Сверху платком накрыта. Из-под платка торчит гусиная голова. Крутит гусак головой, с любопытством на всех поглядывает.

Поравнялись парни со стариком:

— Свободен?

— Милости просим.

— Нам бы на главную улицу.

— Тридцать копеек.

Парни спорить не стали. Один из них сел на пассажирское сиденье, поставил рядом с собой корзину. Второй попросил:

— Разреши-ка, папаша, лошадкой поправить.

— Садись,— согласился старик.— Но за это еще пятак.

— Ладно, будет тебе пятак.

Качкин подвинулся.

Взобрался парень на козлы. Взял вожжи и кнут. Гикнул.

Тронулись.

— Из деревни, никак? — поинтересовался старик.— Гостинчик, видать?

— Подарочки,— ответил загадочно парень.

Выехали на главную улицу.

— Держись, папаша! — крикнул парень Качкину и посильнее ударил коня.

Запрыгала пролетка по булыжной мостовой, засвистел в ушах ветер.

— Э! — заворчал старик.— Так не договаривались. За это еще десять копеек.

— Ладно,— согласился парень.

Видит Качкин — уступчив пассажир.

— Нет,— говорит,— двадцать.

Пока они договаривались, второй парень, тот, что сидел на пассажирском сиденье, снял с корзины платок, приподнял гуся, а под гусем — листовки! Взмахнул парень рукой — взвились, закружились, полетели листовки в разные стороны.

Оглянулся Качкин, понял — недоброе...

Взмахнул парень рукой — взвились, закружились, полетели листовки в разные стороны.

— Стой! Стой! — закричал с испуга.

— Тише, тише, папаша, за это еще целковый.

Только Качкину теперь не до денег.

— Караул! — завопил.— Разбойники!

Летит пролетка по главной улице. А сзади несутся городовые, слышится свист, хлопают выстрелы. Подбирают прохожие листовки, суют поспешно за пазуху. Свернула пролетка в один переулок, в другой, в третий.

Осадили парни разгоряченного коня, сунули старику горсть медяков, оставили корзину и гуся, бросились во двор, перемахнули через забор — только Качкин их и видел.

Подбегают запыхавшиеся городовые. Окружили пролетку, стянули Качкина с козел.

— Кого вез? Где пассажиры?

Хотел Качкин показать, куда побежали парни, да не успел.

Подошел к нему офицер.

— Сволочь! — закричал он и съездил старику по уху.— Душу пущу по ветру! Где негодяи?!

Насупился Качкин, глянул из-под навислых бровей на офицера.

— Вон туды утекли,— показал он на противоположный конец переулка.

Отпустили жандармы старика, помчались в указанном направлении.

Возвращался Качкин домой, щупал медяки в кармане, посматривал на гуся, вспоминал неожиданных пассажиров. «Парни, видать, рискованные,— рассуждал старик.— Ишь придумали! По главной улице...»

КНИЖЕЧКИ

Томский батюшка, отец Макарий, любил простому народу для чтения раздавать книжечки. Книжечки были или божественного содержания, или про жизнь царей и цариц.

Читателями поначалу были старухи и монашенки соседнего монастыря, а потом, смотрит батюшка, и рабочий люд потянулся.

Раздавая книжечки, отец Макарий любил расспрашивать про прочитанное: понравилась ли книжечка, хороши ли картинки.

Приходила к батюшке за книжечками и одноглазая Харитина, прислуга генерала Обозина.

Вот как-то, было это в конце апреля, под самое Первое мая, отец Макарий и спрашивает у Харитины:

— Ну как, понравилась книжечка?

— Ой, как понравилась! — отвечает Харитина.— Интересно,— говорит.— И главное, очень понятно. Особенно там, где про Первое мая.

— Про какое еще Первое мая? — удивился он.

— Как — про какое?! Про то, что рабочий праздник,— говорит Харитина.

Схватил батюшка книгу, смотрит — не верит своим глазам. Действительно, в книжечке листки про Первое мая: и откуда праздник пошел, почему он рабочий. А дальше и совсем страшное — все против царя, помещиков и капиталистов: мол, пора их прогнать и установить народную власть. Бросился отец Макарий в жандармское управление к полковнику Голенищеву.

Развернул Голенищев книжечку, побагровел.

— Откуда такая?! — накинулся на святого отца.

Батюшка и принялся рассказывать про то, как он раздает для чтения простому народу книжечки, и про Харитину.

— Позвать Харитину,— приказал Голенищев.

Позвали Харитину.

— Откуда листовки? — заревел Голенищев.

Уставила Харитина на полковника свой единственный глаз.

— От батюшки,— говорит.— От отца Макария.

— Дура! — обругал ее полковник и стал допытываться у священника, кто еще приходит за книжечками.

— Кучер его сиятельства князя Пирятина, Митрофан,— стал перечислять батюшка.

— Так. Еще?

— Монашенки из соседнего монастыря.

— Так. Еще?

— Пекаря из булочной Незатейкина.

— Так.

— Прачки из заведения госпожи Белоручкиной.

— Еще?

— Санитар из богоугодного заведения Еремей Дрёмов.

Приказал Голенищев собрать всех батюшкиных читателей и вместе

с книжечками привести в полицейское управление.

Собралось человек сорок. Проверяли книжечки. Почти в каждой — листки про Первое мая. Стали допрашивать.

— Откуда листки про Первое мая? — спрашивал каждого Голенищев.

— Не знаю, ваше высокородие,— отвечал Митрофан, кучер его сиятельства князя Пирятина.— Мне такую батюшка, отец Макарий пожаловал.

— Не знаем,— пропищали монашки.— Мы книжечек не читаем. Мы так, ради прогулки, к батюшке ходим.

Ничего не могли ответить ни пекаря из булочной Незатейкина, ни прачки из заведения госпожи Белоручкиной.

— Тут не иначе как нечистая сила замешана,— заявил санитар из богоугодного заведения Еремей Дрёмов.

Три дня велось следствие. Безрезультатно. Пришлось отпустить арестантов. Рассвирепел Голенищев, вызвал отца Макария.

— Богу служишь,— кричал,— царя забываешь! Тебя самого за такие дела под арест, в Сибирь на каторгу!

Стоял батюшка, слушал, краснел, разводил руками. Ну и задача: как же оно случилось — в божественных книжечках и вдруг про Первое мая?

А дело было так. Служил у отца Макария в работниках мальчик — Никишкой звали. У Никишки был брат — Григорий. Работал Григорий слесарем на заводе. Узнал он от Никишки про книжечки. А тут как раз приближалось Первое мая. Рабочие напечатали листовки и стали их тайно распространять по городу.

Подумал Григорий, что и книжечки отца Макария могут послужить на пользу. Поговорил с Никишкой. Дал ему пачку листовок. Тот их в книжечки и вклеил. Ну а кто на мальца подумает?

И потратил-то Никишка двадцать минут, а вон какая из этого история получилась!

НОВАЯ РУБАХА

Пообещал отец к весне, к маю, Николке новую рубаху купить.

Соберутся, бывало, вечером мать, отец и Николкина сестра, Клава, заведут разговор о рубахе.

— Лучше белую, с пояском, на выпуск,— скажет Клава.

— Не настираешься. Надо темную, синюю,— заявит мать.

— Зачем же синюю? — возражает отец.— Мы ему купим красную, яркую, в маковый цвет.

Замирает сердце у Николки, глаза разгораются.

— Так какую тебе рубаху? — спрашивает отец.

— Мне с карманом, красную.

Расхвастался Николка про рубаху дружкам и приятелям. Стали и ребята спорить, какую рубаху купить.

— Пусть лучше матроску,— заявляет Зойка Носкова.

— С вышитым воротом,— советует Пашка Солдатов.

— Ш пуговкой, ш пуговкой на груди,— шепелявит Кузя Водичкин.

Бегает Николка среди заводских бараков, про рубаху рассказывает.

Повстречал рабочего Степана Широкова:

— А мне рубаху новую купят!

— Да ну?

— Ей-ей!

Увидел слесаря Тихона Громова:

— А мне отец к маю рубаху обещал!

— Ты смотри! Добрый, выходит, отец.

— Добрый,— смеется Николка.

Встретил старика токаря Кашкина:

— Мне на май папка рубаху купит!

— Скажи на милость!

— Новую. С карманом. С пуговкой на груди. В маковый цвет,— хвастает мальчик.

Через несколько дней во всем поселке не было человека, который бы не знал про рубаху.

Уехал отец и не вернулся. Случилась беда. Задержали в Иванове Николкиного отца жандармы, арестовали.

Опустело, изменилось в доме у Николки.

— Мам, мам,— пристает Николка.— А чего же папка не едет?

Прижмет к себе мать Николку, молчит.

Расплачется Николка.

— Тихо, тихо,— успокаивает братишку Клава.— Папка скоро вернется. Папка нас не забудет.

Незадолго до Первого мая рабочие устроили сходку. Заговорили о празднике, о рабочей выручке и солидарности. Были здесь и старик Кашкин, и слесарь Тихон Громов, и Степан Широков, и другие рабочие. Вспомнили товарищи о Николкином отце, вспомнили и о том, что пообещал отец к маю рубаху сыну.

— Купим ему рубаху,— решили рабочие.

Наступило Первое мая. Проснулся Николка и не поверил своим глазам: рядом на стуле — рубаха. Новая. С карманом. С пуговкой на груди. Красная.

— Папка, папка приехал! — закричал Николка.

Подошла мать. Не знает, что и сказать.

— Нет, не приехал папка,— ответила.— Не скоро приедет.

Смотрит Николка на мать, соображает: откуда тогда рубаха?

— Знаю, знаю! — закричал.— Папка прислал!

Мать глянула на сына. Думает, рассказать или нет про рубаху? Мал Николка. Глуп. Где ему понять про рабочую солидарность. Решила смолчать.

Надел Николка новую рубаху, помчался на улицу, кого ни увидит,— хвастает.

Повстречал рабочего парня Степана Широкова:

— А мне папка рубаху прислал!

— Да ну?! — удивился парень.

— Прислал, прислал. Не забыл! — закричал Николка и помчался дальше.

Увидел слесаря Тихона Громова:

— А мне папка рубаху прислал!

— Ты смотри,— улыбается Громов.— Добрый, выходит, отец, вспомнил.

— Добрый, добрый! — смеется Николка.— Добрый!

Догнал старика токаря Кашкина:

— А мне папка рубаху прислал!

— Скажи-ка на милость,— говорит Кашкин.— И правда. Ну и рубаха!

— Новая, новая,— не умолкает Николка.— И про карман не забыл, и про пуговку, и про маковый цвет.

Прижал к себе Кашкин Николку, гладит по голове, у самого на глазах слезы.

Поднял Николка голову.

— А ты чего плачешь?

— Это я так,— засмущался старик.— Беги. Играй. Май нынче... рабочий праздник.

ПЕРВАЯ РОТА

За участие в рабочей маевке большевик слесарь Иван Петров был отдан в солдаты. Шла мировая война. Привезли Петрова на фронт, определили в пехотный полк, в первую роту.

— За что тебя, парень?

— За Первое мая.

Вся рота была из дальних деревень. Про Первое мая никто не слыхал.

Принялся Петров объяснять солдатам. Рассказал и откуда праздник пошел, и почему он рабочий, и почему его празднуют.

— Так, выходит, это праздник и наш, крестьянский,— решили солдаты.

Многое узнали солдаты от слесаря Ивана Петрова.

Изменилась первая рота. Соберутся солдаты в окопах, о жизни, о войне, о мире говорят. Стали понимать солдаты, что к чему, за чьи интересы воюют, на кого гнут спину рабочие и крестьяне.

Прошел без малого год. Опять наступило Первое мая.

Собрались солдаты и тайно отметили пролетарский праздник. Но кто-то узнал и донес начальству. Первую роту сняли с передовой, расформировали. Разослали солдат по разным фронтам, по новым полкам и ротам.

Прибыл Иван Петров на новое место.

— За что тебя? — стали и здесь интересоваться солдаты.

— За Первое мая.

Сгрудились солдаты вокруг Ивана Петрова, слушают большевистского агитатора.

Прибыли в новые части и другие солдаты из первой роты.

— За что вас? — стали спрашивать новичков.

— За Первое мая.

Принялись солдаты рассказывать про Первое мая, про жизнь рабочих и крестьян, про их борьбу. Да так ловко: не хуже самого Ивана Петрова.

Приехал на фронт один агитатор — Иван Петров. Через год стало сто агитаторов — вся первая рота.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ТРУДА

Май встречали вместе, сразу тремя заводами.

Двинулись рабочие с Нагорной, с Литейной, с Маршевой и других улиц плотными колоннами в центр города.

С утра к своему заводу отправился и Гошкин отец.

— И я с тобой,— пристал было Гошка.

— Мал еще,— усмехнулся отец.— Сиди дома.

— Я тоже хочу,— упирается Гошка.— Я вот чего смастерил,— и показывает красный флажок.

— Дельный флажок,— похвалил отец, однако сына с собой не взял.

Остался Гошка. Покрутился он в комнате, сунул незаметно флажок за пазуху, направился к двери.

— Ты куда? — насторожилась мать.

— К Ваньке Серегину!

Выбежал Гошка во двор, сделал вид, что направляется к Ване Серегину, а сам — вокруг дома и ветром помчался на Нагорную.

Прибежал на Нагорную — народу! Идет по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное

знамя. Переждал Гошка, пока прошли рабочие, пристроился сзади. Только полез за пазуху за флажком, как вдруг:

— Домой! Марш! К мамке! — закричал какой-то рабочий.

— Так я с вами. Я май встречаю.

— А ну-ка живо. Немедля!

Пришлось убираться.

Постоял Гошка, подумал, помчался на Литейную. Прибежал на Литейную — народу! Идет по улице колонна рабочих. Над головами — красное знамя. Пристроился Гошка к рабочим. Только полез за флажком, как вдруг:

— Ну, а ты зачем здесь?

— Да я...

— Уши нарву. Домой!

Отстал Гошка. Постоял, подумал, помчался на Маршевую.

Прибежал — народу! Идет по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное знамя.

Подошел Гошка к рабочим, схитрил:

— Я к папке, к папке. Меня мамка послала. Мне нужно. Он впереди.

Раздвинулись рабочие, уступили дорогу Гошке. Добрался он до самого первого ряда. Перевел дух, глянул — а рядом и вправду отец. Идет, красное знамя держит в руках.

Хотел Гошка незаметно юркнуть назад, да поздно.

— А ну-ка ступай сюда,— поманил отец.

Подошел Гошка.

— Тебе, что ж, ни мать, ни отец не указ?

— Так я же как все. Я тоже хочу. Я же вот чего смастерил,— вытаскивает Гошка из-за пазухи красный флажок.

Улыбнулся отец, доволен сыном. Засмеялись другие рабочие.

— Ты смотри — знамя!

— Настоящее!

— Красное!

Глянул отец на свое большое красное знамя, посмотрел на Гошкин флажок, опять улыбнулся, потрепал сына по голове:

— Ну, а теперь ступай к мамке.

— Да я...

Гошка не договорил. Из переулка наперерез демонстрантам выскочили солдаты с винтовками.

— Стой! — закричал офицер рабочим.— Стой!

Замедлили демонстранты шаг, остановились.

— Разойдись!

Сдвинули рабочие теснее ряды, окружили Гошкиного отца и знамя.

— В ружье! — скомандовал офицер.

Солдаты вскинули ружья.

— Сынок...— зашептал отец Гошке.— Сынок, беги!

Гошка не двигался.

— Кому говорят, беги! — закричал отец. Он с силой оттолкнул мальчика. Отлетел Гошка к самому тротуару. Стоит. Маленький. Глазенками хлопает. То на солдат, то на рабочих смотрит. Видит: поднял офицер руку. Прижали солдаты к плечам винтовки. Секунда — и стрельнут.

И вдруг:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе,—

запел Гошкин отец. Взмахнул он красным знаменем, и в тот же миг, в один шаг, словно один человек, двинулись рабочие навстречу солдатам.

— Пли! — прохрипел офицер.

— Папка! Папка! — закричал Гошка и бросился к демонстрантам. Подбежал, уткнулся в отцовские брюки.— Папка! Па-а-пка!

Наклонился отец, подхватил Гошку и посадил к себе на плечи. Глянул мальчик: уступают солдаты доро-

гу рабочим, опустили ружья, сошли с мостовой.

— Пли! Пли! — хрипел офицер.

Да только никто офицера не слушал.

Улыбнулся Гошка, приветливо замахал красным флажком солдатам.

Прошли рабочие по Маршевой улице, повстречали тех, кто шел по Нагорной, кто шел по Литейной, кто шел по другим улицам и площадям города. Стало людей много-премного. Заколыхалось не одно и не два знамени. Десятки красных знамен полощутся в майском небе. Гремит, не умолкает над городом песня:

Свергнем могучей рукою
Гнет вековой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

РАССКАЗЫ ИЗ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Февраль 1917 года. В России произошла революция. Власть царя была свергнута.

Но не трудящиеся пришли к руководству страной. Власть захватили капиталисты и помещики. Они создали свое, Временное правительство. Мало что изменилось в жизни трудового народа. Вот уже три года шла мировая война. В стране началась разруха, голод. Простые люди требовали мира. Временное правительство не пошло навстречу этим требованиям. Война продолжалась. Заводы и фабрики по-прежнему оставались собственностью капиталистов. Крестьяне надеялись получить землю. Но она, как и раньше, принадлежала помещикам.

Партия большевиков и ее вождь Владимир Ильич Ленин призывали рабочих и крестьян продолжать борьбу. Приближался октябрь 1917 года.

В ПЕТРОГРАД ПРИЕХАЛ ЛЕНИН

— Ленин приезжает!

— Ленин!

— Владимир Ильич!

1917 год. Апрель. Из далекой эмиграции[1] Владимир Ильич Ленин возвращается в Петроград.

О приезде Ленина стало известно незадолго до прибытия поезда. Решили петроградские рабочие и революционные солдаты устроить торжественную встречу Владимиру Ильичу. Разошлись посыльные по рабочим кварталам и заводским окраинам, по солдатским казармам и кубрикам боевых кораблей, стали оповещать людей:

— Ленин приезжает! Владимир Ильич. Сегодня. Вечером. В 11 часов 10 минут. На Финляндский вокзал.

И вот идут широким шагом люди к Финляндскому вокзалу.

Идут рабочие и работницы. Идут солдаты. Идут матросы. Собрались люди у площади Финляндского вокзала. Не вмещает всех площадь. Мала. Заняли соседние улицы.

Долгим был путь Ленина в революционную Россию.

Весть о Февральской революции застала Владимира Ильича в городе Берне, в Швейцарии.

Срочно на родину. Немедля. Сейчас же. Не теряя ни минуты. Но попасть в Россию оказалось не так-то просто.

Капиталистические правительства многих стран наотрез отказались пропустить Ленина и других большевиков через свою территорию.

И все же Ленин прорвался на родину.

Вот он — знакомый Финляндский вокзал. Вышел Владимир Ильич из вагона — почетный караул кронштадтских моряков на перроне. Кто-то преподнес Ленину цветы. Прозвучала команда:

— Смирно!

Матросы взяли «на караул». И словно сорвалась буря:

[1] *Эмиграция* — вынужденное проживание в другой стране.

И вот уже Владимир Ильич стоит на броневике.

— Ура!

— Да здравствует Ленин!

— Ленин!

— Ура!

Через несколько минут Ленин вышел на площадь.

— Сюда, Владимир Ильич, сюда,— подсказал кто-то.

Ленин увидел стоящий на площади броневик. Когда он оказался рядом с грозной машиной, чьи-то ловкие руки подхватили Ленина, подняли. Секунда. Вторая. И вот уже Владимир Ильич стоит на броневике.

Переступив с ноги на ногу, словно пробуя крепость брони, Владимир Ильич обратился к встречавшим его людям. Он произнес короткую речь. Затем поднял руку, и все услышали слова, которые стали пророческими:

— Да здравствует социалистическая революция!

— Ура! — загремело на площади. Вверх полетели шапки, фуражки, кепки.

Владимир Ильич стал спускаться с броневика. А над площадью и прилегающими улицами шел несмолкаемый гул.

Опять в воздух взлетали шапки, фуражки, кепки, матросские бескозырки, женские платки. Метались в небе прожекторы. Огненным кумачом развевались знамена. Где-то грянул оркестр.

С моря подул ветер. Свежий, весенний. И снова многоголосое «ура!» девятым валом неслось и перекатывалось по площади. В Петрограде встречали Ленина.

«ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!»

Слесарь Парфен Огородников был избран делегатом I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

Провожают его с далекого Урала в Петроград товарищи по работе.

— Мира требуй! Мира!

— Чтобы восьмичасовой рабочий день на заводах!

— Чтоб землю — крестьянам!

— Ленина повидай!

Путь у Огородникова неблизкий. Проехал он чуть ли не пол-России. Время напряженное. На станциях, через которые шел поезд, происходили бесчисленные митинги и собрания. Узнают люди, что Огородников едет на съезд Советов, и тоже наказ дают:

— Мира требуй! Мира!

— Чтоб о рабочих думали!

— Чтоб землю — крестьянам!

— Ленина повидай!

Лето. Июнь. Со всех сторон России едут в Петроград народные представители.

Собралось на съезд Советов более тысячи делегатов. Сидит Огородников вместе со всеми в зале, слушает выступления ораторов. Главное в большинстве выступлений — как относиться к Временному правительству.

Сменяют на трибуне ораторы один другого. Не все тогда были против Временного правительства. Вот и этот твердит: не надо ставить вопрос о социалистической революции. Нужен союз с буржуазией. Надо поддерживать Временное правительство.

— Окажем доверие Временному правительству,— несется с трибуны.

А вот и еще одно заявление:

— В настоящий момент,— произнес оратор,— в России нет политической партии, которая сказала бы: «Дайте в наши руки власть — уйдите, мы займем ваше место». Нет такой партии,— повторил.— Не вижу!

И вдруг...

— Есть такая партия! — раздался из зала громкий голос. Все повернули головы. Повернул и Парфен Огородников. Видит: стоит человек невысокого роста. Плотный. Энергичный.

— Кто такой? — обратился уралец к соседу.

— Ленин,— ответил сосед.— Владимир Ульянов-Ленин.

Ленин прошел к трибуне, поднялся на нее и произнес речь.

Власть — Советам, земля — крестьянам, мир — народам — вот главное, что было в речи Владимира Ильича. Ленин еще раз повторил, что в России есть партия, которая в любую минуту готова взять власть в свои руки. Это партия большевиков.

Возвращался Парфен Огородников к себе на Урал. Лежал в вагоне на полке, о съезде думал. Стучат вагонные колеса на стыках железнодорожного полотна. Прислушивается Огородников:

— Есть такая партия!

— Есть!

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА «ПРАВДА»

Принес однажды дядя Аким сверток. Развернул — газеты.

— «Правда»,— прочел Тимка.

— Ну вот, Тимофей,— сказал дядя Аким,— будет тебе работа.

Смотрит Тимка на дядю Акима, какая работа — понять не может.

— Наверное, кульки клеить?

— Нет,— отвечает дядя Аким.— Будешь продавать газеты. В самом центре, на Литейном проспекте. Понял?

— Понял,— кивнул головой Тимка. А сам думает: «И зачем в такую даль таскать? Их и здесь купят. Стань у лавки купца Горелкина — враз для сельдей разберут».

И вот каждый день бегает Тимка на Литейный.

— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»! — кричит мальчик.

Только мало кто на Литейном покупает «Правду». Все больше другие газеты: «Речь», «Новое время», «Петроградский листок».

— Ничего,— говорит дядя Аким.— Это понятно. На Литейном буржуи. Правды они не любят. А ты не робей. «Правду» всюду распространять нужно. Пусть все знают — есть такая рабочая газета «Правда».

Прошло два месяца — май и июнь. Поумнел Тимка за это время. Теперь и самому смешно, что хотел «Правду» для сельдей продавать.

Соберутся у дяди Акима друзья-приятели. О жизни, о Временном правительстве заговорят, и Тимка тут. Сидит, слушает. Понимает Тимка, что к чему. Хоть и скинули царя, а выгоды простому народу никакой. И война не кончается. Захватили буржуи власть. А как ни верти, буржуй буржуем останется. Рабочему люду не брат.

— Ну как, Тимофей, будем бить буржуев? — спрашивает дядя Аким.

— Будем,— отвечает Тимка и произносит большевистский лозунг: «Вся власть Советам!»

Бегает Тимка по улицам. Бурлит Петроград. Ходят по улицам возбужденные люди, отовсюду слышится: «Долой войну!», «Долой министров-капиталистов!»

И вот четвертого июля по приказу Временного правительства офицеры и юнкера расстреляли мирную демонстрацию петроградских рабочих. Начались аресты большевиков. Пятого июля была разгромлена и редакция большевистской газеты «Правда».

Вернулся в этот день дядя Аким хмурый. Положил в сторону газеты и, не снимая фуражки, сел за стол.

— Дядя Аким, что? — стал приставать Тимка. Но дядя Аким ничего не ответил. Хлебал пустые щи и все смотрел на стол в одну точку. Тимка потянулся было за газетами. Но дядя Аким крикнул:

— Не трожь! Не твоего ума теперь это дело.

Потом дядя Аким взял газеты и вышел из дома. Вскоре вернулся и сказал:

— Слушай, Тимофей, если что — поезжай в деревню.

Что хотел сказать этим дядя Аким, Тимка так и не понял. Решил: ладно, потом расспрошу. Но узнать не пришлось. Ночью ворвались в дом юнкера и увели дядю Акима. Тимка бросился вслед. Но один юнкер, совсем молодой, с бородавкой на носу, Быстрицкий — Тимка запомнил его фамилию — так толкнул мальчика, что тот отлетел метров на пять. Всю ночь Тимка ворочался, все о дяде Акиме думал.

Утром мальчик побежал в погреб: может, туда дядя Аким газеты отнес. Поднял одну кадку — ничего нет. Поднял другую — есть. Схватил Тимка газеты — и на Литейный. Бежит, размахивает газетами, кричит:

— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!

И вдруг стали у Тимки газеты покупать. Подошел пожилой господин в котелке, взял газету, сказал:

— Странно, а ведь сообщили о закрытии «Правды».

Заинтересовался и купил «Правду» важный чиновник. Сразу не-

— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!

сколько номеров попросил какой-то студент.

— Мальчик, мальчик! — закричала нарядная дама с китайским зонтиком в руке и поманила к себе Тимку.

И вдруг кто-то схватил мальчика за руку. Обернулся Тимка — юнкер Быстрицкий, тот самый, с бородавкой на носу.

— Негодяй! — прошипел Быстрицкий и потянулся к газетам. Тимка рванулся. От резкого толчка юнкер чуть не упал, задев плечом даму с зонтиком.

— Ай! — вскрикнула дама.

— Безобразие,— произнес господин в котелке.

— Не имеете права,— строго сказал студент.

— Молчать! — взвизгнул Быстрицкий.

Между тем Тимка отбежал в безопасное место и снова закричал:

— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!

И снова около Тимки стали останавливаться прохожие. Он поспешно совал им в руки газеты и отбегал дальше. А сзади несся Быстрицкий.

— Стой! Стой! — кричал юнкер.

Недалеко от Невского Тимке кто-то подставил ножку. Мальчик упал. Вскочил. Посмотрел. Быстрицкий был рядом. Юнкер тяжело дышал. От злости у него тряслись руки. В одной из них был пистолет. Дуло его медленно поползло вверх и уставилось в грудь Тимки. Мальчик увидел перекосившееся лицо юнкера и понял: выстрелит.

Тогда, повернувшись лицом к Быстрицкому, Тимка еще раз взмахнул газетой и закричал:

— «Правда», «Правда»...

— Молчать! — прохрипел Быстрицкий.

— Рабочая газета...

— Молчать!

— «Прав...»

Раздался выстрел. Газеты выпали из рук мальчика и рассыпались по тротуару. Тимка упал.

— Боже! — воскликнула какая-то женщина.

На Литейном сразу же наступила тишина. Все замерли. И вдруг...

— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!

Люди вздрогнули, повернули головы.

На Литейный выбежал мальчик. Он был очень похож на Тимку: такая же выцветшая ситцевая рубаха, такие же штаны с помочами. Может быть, только ростом он был чуть ниже и в плечах чуть уже. Остановившись на перекрестке, мальчик заметил толпу. Он еще не понял, в чем дело. Но увидел людей и улыбнулся.

Его маленькая ручонка вскинула над головой что-то белое. И в тот же миг звонко, по-ребячьи пронзительно ударило и разлетелось во все концы:

— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!

БОЛЬШЕВИКИ СОБРАЛИСЬ НА СВОЙ СЪЕЗД

Бывший городовой Припрыжкин терялся в догадках: «Люди какие-то собираются в доме. Что тут такое? Вооруженные рабочие ходят вокруг помещения. Неспроста!»

Стал он по старой служебной своей привычке следить за зданием. Было это в рабочем районе на Выборгской стороне.

Утро. Подходят сюда по одному, по два, по три человека разные люди.

«Дознаюсь»,— решил Припрыжкин.

Дознался.

Оказывается, здесь, на Выборгской стороне, собрался VI съезд партии большевиков.

Был у бывшего городового Припрыжкина старый приятель жандарм Тутышкин. Тоже теперь он бывший. После Февральской революции не стало жандармов и городовых в России. Лишились оба работы. Пришел «бывший» Припрыжкин к «бывшему» Тутышкину:

— Съезд происходит. Большевиков.

— Так. Так.

— Донести бы властям,— предложил Припрыжкин.

— А ну, покажи, где дом,— потребовал Тутышкин. Подошли они к дому. Нет никого. Нет и охраны.

— Странно!— сказал Припрыжкин.— Были же. И охрана кругом ходила.

— Шутки шутить изволишь,— обиделся Тутышкин.

— Видел. Своими глазами видел,— уверяет Припрыжкин.

Не ошибся Припрыжкин. Именно здесь, на Выборгской стороне, начал свою работу большевистский съезд. Однако вскоре его заседания перенесли в другое место. Тоже в рабочий, Нарвский, район, за Нарвскую заставу. В новом месте собирались теперь делегаты. Там стояла охрана из вооруженных рабочих.

Упорным оказался бывший городовой Припрыжкин. Разнюхал он и про новое место съезда.

Бежит скорее к Тутышкину.

— Знаю, где они. Знаю!

— Ну, ну, так где?

— В Нарвском районе. За Нарвской заставой.

Поехали Тутышкин и Припрыжкин в Нарвский район.

— Вот тут, в этом доме,— сказал Припрыжкин. Однако и тут не оказалось большевистских делегатов. В третий раз сменил съезд место своей работы.

Проведение съезда было делом опасным.

Владимир Ильич Ленин не присутствовал на съезде. Он находился в Разливе. Партия не разрешила ему выйти из подполья и приехать в Петроград. Однако к Ленину в Разлив приезжали из Петрограда товарищи. Здесь, в ленинском шалаше, были подготовлены важнейшие документы съезда. А сам Ленин был избран почетным его председателем. Находясь в подполье, Ленин продолжал руководить работой партии и большевистского съезда.

О многом говорилось на съезде. Важные для партии вопросы были на нем решены. Главный из них— сейчас, после того как в июльские дни Временное правительство встретило огнем петроградских трудящихся, мирным путем революцию не совершишь.

Надо рабочим, крестьянам и солдатам России готовиться к вооруженному восстанию, к вооруженной борьбе. Надо силой взять власть в свои руки.

Движется, движется время.

Приближается грозный час.

«НАРЯД ВНЕ ОЧЕРЕДИ»

Перепугался фельдфебель Галкин. Фельдфебель — это военное звание, приблизительно то же самое, что в наше время старшина.

Нужно сказать, что Галкин был фельдфебель из фельдфебелей. Строг — не подходи. Несправедливое скажет — не возрази. Чуть что:

— Наряд вне очереди!

Так и называли его между собой солдаты «Наряд вне очереди». Короче говоря, не любили его солдаты.

Хоть и строг был Галкин, хоть часто и несправедлив, однако службу армейскую знал отлично. Мог научить любого. И все же когда произошла Февральская революция, побили его солдаты, устроили Галкину «темную». Стал фельдфебель осторожнее с той поры. Однако характер есть характер, даже и теперь срывался.

И вот. Дело было уже в сентябре. Вызывают Галкина в полковой комитет. Тут-то и перепугался Галкин. Входит в комнату. В комнате председатель полкового комитета, еще кто-то из комитетских товарищей, а рядом двое мастеровых.

— Вот,— произнес председатель полкового комитета, обращаясь к мастеровым и показывая рукой на Галкина,— и есть тот самый «Наряд вне очереди».

Екнуло сердце у фельдфебеля Галкина. Это, наверое, рядовой Землеройкин на него нажаловался. Это, наверное, ротный повар Черпалкин сболтнул в комитете. Однако улыбается председатель. Улыбаются и мастеровые. Смотрят на Галкина. Высок, плечист, усы, как у Тараса Бульбы.

— Подойдет,— посмотрев, сказали мастеровые.

Мастеровые оказались представителями Обуховского завода. Во многих петроградских районах, на многих заводах проводились тогда с

красногвардейцами военные занятия. Рабочие готовились к вооруженной борьбе. Нужны были опытные учителя. Приглашали солдат.

Вот и на Обуховском заводе решили устроить такие занятия. Направили посыльных в соседний полк. Напутствовали:

— Приглашайте человека построже.

В полковом комитете и посоветовали фельдфебеля Галкина.

Нужно сказать, не подвел Галкин. Быстро он выучил заводских красногвардейцев и полковому строю, и рукопашному бою, и всем другим боевым премудростям.

Правда, не жалел, не миловал, гонял на занятиях до седьмого пота. Кто-то даже спросил у рабочих:

— Как же вы терпите?

— Терпим, и не то стерпим,— ответили рабочие.— Будь он не Галкин, а хоть Палкин, будь хоть Нагайкин, будь хоть Дубинкин — ради науки, ради нашей победы вытерпим.

Уже потом, когда революционные войска штурмовали Зимний дворец, фельдфебель Галкин тоже был с обуховскими рабочими на Дворцовой площади.

А когда один из красногвардейцев раньше срока и без команды из-за укрытия высунулся, не удержался фельдфебель Галкин:

— Наряд вне очереди!— грозно выкрикнул он.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Ленин вернулся в Петроград. Жил на конспиративной квартире.

Два удара в дверь. Затем звонок.

Это условный сигнал. Лишь услышав два удара, а затем звонок, Владимир Ильич подходил к двери.

Так было и 10 октября. Два удара в дверь. Звонок. Это за Владимиром Ильичем пришел связной Эйно Рахья. Вечером по просьбе Ленина должно состояться заседание Центрального Комитета партии большевиков. На нем будет решаться вопрос о вооруженном восстании в Петрограде.

Ленин тщательно поправил парик на голове. Надел пальто.

— Что же, вперед!— обратился к Рахья.

Члены Центрального Комитета собрались в засекреченной квартире на Петроградской стороне. Когда Владимир Ильич и Рахья сюда пришли, все были в сборе.

Радостно встретили Владимира Ильича друзья и товарищи по революционной работе. Приветствуют Ленина.

О многом важном для революции говорилось на заседании. Но главным был, конечно, вопрос о вооруженном восстании. Выступал Ленин.

Владимир Ильич говорил о том, что вооруженное восстание неизбежно, оно назрело, наступило время дать бой Временному правительству.

Заседание закончилось поздно ночью. На нем было принято решение приступить к подготовке вооруженного восстания в Петрограде. Было избрано Политическое бюро для руководства восстанием в составе семи человек во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Волновалась в ту ночь хозяйка конспиративной квартиры Маргарита Васильевна Фофанова. Поджидает она Владимира Ильича.

Час ночи.

Нет Владимира Ильича.

Два часа ночи.

Подходит Фофанова к окну. Вглядывается в ночную темноту. Прислушивается, не раздаются ли шаги на улице.

Нет Владимира Ильича.

Подходит Фофанова к окну. Вглядывается в ночную темноту. Прислушивается, не раздаются ли шаги на улице.

Тикают, тикают часы на стене. Минутная стрелка неумолимо идет по кругу.

Нет Ленина.

Зря волновалась Фофанова. Все благополучно с Владимиром Ильичем. Затянулось заседание. Переночевал он в другом месте.

Извинялся он потом перед Фофановой:

— Не сердитесь, не сердитесь, Маргарита Васильевна. Вести у нас хорошие.

ПОЛК УВЕЧНЫХ ВОИНОВ

Временное правительство срочно стягивало к Петрограду войска. Получил приказ прибыть в Петроград и полк увечных воинов, который находился в Царском Селе.

Увечные — значит раненые, то есть те, кто пришел в полк из госпиталей.

Министром — председателем Временного правительства был в это время Керенский. Докладывают Керенскому:

— Увечные воины — народ надежный. Прошли окопы, прошли войну. Люди опытные и стойкие.

Готов полк увечных воинов к отправлению в Петроград.

И вдруг появился в полку большевистский агитатор. Молод, безус. Стал он выступать. Расшумелись вначале солдаты.

— Молоко не обсохло!

— Яйца курицу учат!

Однако оказалось, что агитатор хоть и молод, но сам из бывших солдат. И тоже, как все, из раненых.

Притихли воины, слушают.

Скажет агитатор слово — и тут же:

— Переходите на сторону революции.

— Так мы же увечные,— говорят солдаты.

— Идти на помощь Керенскому вы не увечные, а для революции вы увечные,— не сдержался агитатор. Посмотрел он пристально на солдат, потом поднял руку, показал на свою голову и произнес:

— Вот вы на что увечные.

Чуть не испортил агитатор все дело.

Обиделись, конечно, солдаты. Снова раздались крики:

— Яйца курицу учат!

— Кончай!

— Долой!

Однако не уходит агитатор. Переждал, пока отшумели солдаты. Поднял агитатор снова руку к своей голове и опять повторил:

— Вот на что вы увечные.

И снова сорвались крики. Опять «долой!».

Но то ли устали шуметь солдаты, то ли заинтересовались, что будет дальше. Притихли солдаты. Слушают.

— Для кого вы стараетесь?— задавал вопрос агитатор. И тут же сам отвечал: — Все для тех же, что и раньше,— господ.

— Раны ваши во имя чего?— И снова ответ:— Чтобы новые богатства старым и новым буржуям добыть.

Понимают солдаты: правду говорит молодой оратор.

Затем агитатор заговорил про мир, про землю, про партию большевиков, про революционный Петроград.

— Так против кого же вы пойдете?— опять вопрос и опять ответ:— Против своих же, против таких же, как вы, солдат, против людей рабочих. Значит, против себя.

Расходились солдаты, переговаривались:

— Прав, хоть и молод, а прав.

Усмехались, показывая на свои головы:

— Увечные! И вправду увечные.

Отказался полк увечных воинов выступить в Петроград.

СО ВСЕХ СТОРОН

Идут, идут к Зимнему дворцу восставшие. Красногвардейцы, солдаты, матросы. Занимают вооруженные отряды боевые позиции.

Связной Колышкин получил задание разыскать матросов с учебного судна «Океан».

Вышел Колышкин к Дворцовой площади. И слева и справа вооруженных людей полно. Спрашивает:

— С «Океана» матросов не встречали?

— К Главному штабу ступай, там моряков полно.

Главный штаб помещался в огромном и длинном здании. Стояло оно почти напротив Зимнего дворца, полудугой огибало Дворцовую площадь. Здание имело высокую арку. Через эту арку можно пройти с Дворцовой площади на главную улицу города — Невский проспект.

Направился Колышкин к Главному штабу. Верно, полно кругом моряков.

— Кто здесь с учебного судна «Океан»?

Переглянулись матросы. Послышались голоса:

— Мы из Кронштадта.

— Из Гельсингфорса.

Произносят названия кораблей.

— Не то, не то.

Видит Колышкин тут же отряды вооруженных рабочих. Заинтересовался, кто здесь. Слышит в ответ:

— С Путиловского.

— С Обуховского.

— С Выборгской стороны.

Идет дальше.

— Из Колпина мы.

— Из Сестрорецка.

— Из Шлиссельбурга.

Поражается Колышкин: «Отовсюду народ собрался!» Вот и арка Главного штаба. Видит Колышкин: прямо под аркой стоят пушки. Дула направлены на Зимний дворец. Тут же, слева и справа от арки, застыли броневики. Пулеметы на Зимний дворец направили.

Проходит Колышкин. Выкрикивает:

— Кто с «Океана»? Кто с «Океана»?

— Дальше, к Миллионной ступай. Там тоже морячков видали.

Торопится Колышкин к Миллионной улице. Это недалеко. И отсюда открывается вид на Дворцовую площадь, на Зимний дворец.

Действительно, и здесь люди в матросской форме. Только нет с «Океана». С других судов. А рядом с ними опять рабочие-красногвардейцы. И тут же солдаты. «Каких полков?»— заинтересовался Колышкин.

— Волынского мы полка.

— Павловского.

Отсылают и отсюда Колышкина:

— К Троицкому мосту ступай. Там морячков встречали.

Направился Колышкин к Троицкому мосту. Потом ходил к Адмиралтейству, к мосту Дворцовому.

Пришел. Оказывается, здесь находились красногвардейцы Васильевского острова и солдаты Финляндского полка. Направили они его к Александровскому саду. Верно, здесь моряки. Выясняет кто, откуда.

— Из 2-го Балтийского экипажа.

— Из Гвардейского экипажа.

— А рядом?— допытывается Колышкин.

— Из учебно-минного отряда.

— А дальше?

— Солдаты Кексгольмского полка.

Опять не то.

Нашел все же Колышкин тех, кого искал. Находились матросы с учебного судна «Океан» на Адмиралтейской набережной.

Оказалось, разыскивая «своих» морячков, Колышкин обошел вокруг Зимнего дворца.

«Силы-то сколько, силы!»— удивлялся Колышкин.

А к Зимнему дворцу подходили все новые и новые отряды. 25 октября к шести часам вечера он был блокирован восставшими со всех сторон.

НИ ПРИВЕТА, НИ ОТВЕТА

— Фекла!

— Домна!

— Лизавета!

Ни привета. Ни ответа.

Вот уже несколько лет продолжалась мировая война. Мужчин не хватало. В русскую армию начали вступать женщины. Возникли женские добровольческие батальоны. Такие батальоны получили наименование «ударных». А бойцов этих батальонов стали называть «ударницами». Один из таких батальонов был срочно переброшен в Петроград.

Переговариваются «ударницы»:

— В Петроград едем!

— В Петроград!

Всем приятно побывать в главном городе Российского государства.

Прибыли «ударницы» в Петроград. А тут еще одна новость. Поступил приказ явиться им на Дворцовую площадь.

И снова радуются «ударницы»:

— На Дворцовую площадь идем!

— На Дворцовую!

Дворцовая площадь — главная площадь Петрограда. Кому не интересно побывать на главной площади знаменитого города!

А за этой новостью и новая новость:

— На Дворцовой площади состоится парад.

Идет на Дворцовую площадь женский добровольческий батальон. Чеканят «ударницы» шаг.

Обманули «ударниц». Сказали им, что ведут их на парад, а привели охранять Зимний дворец и защищать Временное правительство.

К этому времени на Дворцовой площади юнкерами были сооружены из дров баррикады. Разместили «ударниц» за баррикадами. Идет перекличка:

— Фекла!

— Здесь!

— Домна!

— Здесь!

— Лизавета!

— Здесь!..

Все на месте. Батальон целый. Томительно тянется время. Вот-вот грянут бои на Дворцовой площади.

Понимают многие из «ударниц» — заманили их сюда обманным путем. Шли они в армию сражаться с врагами. А тут против своих же стрелять придется.

Вот уже и началась кое-где перестрелка.

Подумали, подумали женщины...

Снова на Дворцовой площади идет перекличка:

— Фекла!

— Домна!

— Лизавета!

Ни привета. Ни ответа.

— Ольга!

— Павла!

— Пересвета!

Ни привета. Ни ответа.

— Нина!

— Зина!

— Катерина!

Та же самая картина.

Сто «ударниц» из женского батальона сдались войскам революции.

«СОСЧИТАЕМ!»

Шел штурм Зимнего дворца. Вместе со всеми бегут Семен Филиппов и Кузьма Захаров. Филиппов — красногвардеец, рабочий с Путиловского завода. Захаров — солдат, фронтовик, в Петрограде совсем недавно.

Поражался Захаров, глядя на Филиппова,— все-то тот знает. Вот и про Зимний дворец. Еще когда стояли, ждали атаки, заговорили они о Зимнем.

— Зимний дворец имеет почти двести метров в длину,— сказал Филиппов.

— Да ну!

— Сто шестьдесят метров в ширину.

— Вот это да!

— Более тысячи комнат в Зимнем,— сообщил Филиппов.

Посмотрел Захаров с подозрением на Филиппова:

— Откуда знаешь? Считал?

Смутился Филиппов. Неожиданным был вопрос. Хотел он что-то ответить. Но в этот момент раздался выстрел «Авроры».

— Вперед!— прокричал Филиппов.

Вместе со всеми устремились они в атаку. Нелегкой была атака. Между отрядами восставших и Зимним дворцом пролегла огромная площадь. На ней были сооружены баррикады из дров. За ними укрылись юнкера. Открыли они огонь. Пришлось отойти атакующим.

Вернулись Филиппов и Захаров к старому месту.

— Кусаются,— сказал Филиппов. И вновь про Зимний:

— В Зимнем только одних дверей тысяча семьсот восемьдесят шесть.

Поражается Захаров огромным цифрам:

— Да, непросто такую махину взять.

Вот снова призыв к атаке.

— Ура!

— Ур-а-а-а!

Главное — надо добежать до баррикад. Возьмешь баррикады — путь к Зимнему дворцу будет открыт. Все ближе, ближе подходят восставшие к баррикадам. Вот уже рядом. Рывок. Снова рывок.

— Ур-а-а-а!

Влетели восставшие на баррикады. Опрокинуты юнкера. Но это еще не все. Надо добежать до ворот Зимнего дворца, проникнуть во двор. Надо ворваться в здание Зимнего.

Подбежали красногвардейцы, солдаты и матросы к воротам. Ворота закрыты. Начали люди на них нажимать. Многие стали карабкаться вверх. Ворота не выдержали. Створки их начали медленно расходиться.

Преодолев двор, восставшие ворвались в Зимний дворец. Сразу же оттуда грянули выстрелы.

Вместе со всеми в Зимний дворец вбежали Филиппов и Захаров. Большая мраморная лестница перед ними. Устремились они вперед.

— Во дворце сто семнадцать лестниц,— кричит Филиппов Захарову.

— Откуда знаешь?— опять о своем Захаров.— Ты что же, ходил, считал?

Улыбнулся Филиппов:

— Считал. Считал. Недолго ждать. Наш скоро Зимний. Желаешь, вместе с тобой пересчитаем!— и добавил:— Все сосчитаем, все! И здесь, и по всей стране!

Новый хозяин к власти в стране приходит.

РАССКАЗЫ О ПЕРВЫХ ДЕКРЕТАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Октябрьская социалистическая революция совершилась.

Власть капиталистов и помещиков была свергнута. Земля, фабрики, заводы — все богатства страны стали достоянием трудового народа.

Было образовано первое рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров. Председателем Совнаркома избрали Владимира Ильича Ленина.

Были приняты первые декреты Советской власти — Декрет о мире, Декрет о земле. Советская власть устанавливалась по всей стране. В самых разных уголках нашего обширного государства: на Украине, в Белоруссии, в Закавказье, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере началась новая жизнь.

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Жил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Здесь Данилка родился, вырос и всех жильцов знал наперечет и в лицо.

Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором — комнаты князя Пирогова-Пищаева. Еще этажом выше — тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Ардатов. Жильцы все именитые, важных чинов и званий.

Много разного было за последние дни, с той поры, как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принес Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну,— сказал он,— отныне ты— гражданин Российской Республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской Республики, не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник?

— Важнее,— улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше,— смеется отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к дружкам своим и приятелям. Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь. Я — гражданин Российской Республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал!

Побежал Данилка дальше, встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же. Наконец утомился, сел возле дома. Сидит, думает: и откуда это Ульянов-Ленин узнал про него — Данилку? Кто бы это мог Ленину рассказать?!

Думает и вдруг видит — мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевел дыхание и сразу же:

— Знаешь, кто я?! Я — гражданин Российской Республики!

Данилка даже икнул от неожиданности.

— Какой же ты гражданин?— произнес он с насмешкой.— Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.

— Про тебя,— присвистнул Кирюха.— Станут на тебя изводить бумагу.

Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и в переносицу— раз!

Началась драка.

— Я гражданин...— пытается перекричать Данилку Кирюха.

— Нет, я гражданин...— вопит на всю улицу рыжий Кирюха.

Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и разнял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чем дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов»,— прочли они заголовок.

Далее шло о том, что всякие важные звания, чины и титулы отныне и навсегда отменяются. Не будет больше ни дворян, ни купцов, ни тайных советников, ни статских, ни князей, ни графов. «Устанавливается одно, общее для всего населения России название — Гражданин Российской Республики»,— сообщалось в декрете.

Внизу была подпись:

«Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)».

— Так что, выходит, оба вы правы,— заявил парень.— И ты гражданин Российской Республики,— показал он на Данилку,— и ты,— показал он на Кирюху,— и я. Все теперь граждане Российской Республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей — всех вспомнил. Правильно Ленин сделал!

А что касается графини Щербацкой, князя Пирогова-Пищаева, тайного советника Горохова и статского советника Ардатова, то видимо, ленинский декрет им не понравился. Сбежали они за границу. Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец,— рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

ЧЬЯ ЖЕ ЭТО ЗЕМЛЯ?

Земли у Саврасовых было мало-мало. Одну ногу поставишь, а второй и ступить некуда. Зато едоков у Саврасовых — десять: Микишка Саврасов, мать и отец, трое братьев, трое сестер и старый-престарый дед Степан Тимофеевич.

Да не только так у одних Саврасовых. Деревня Копы́товка бедной была пребедной.

Зато рядом... Выйди на холм. Посмотри налево, направо. Повернись на все четыре стороны. Лежит она — вековая кормилица. Смотрит вздыб-

ленной зябью. Дышит привольным паром.

Чья же это земля?

Это помещика Перегудова. Один человек всей землей владеет.

Собрались мальчишки: Микишка Саврасов, Петька Неелов, Симка Непитов. Вышли на луг за околицу. В игры решили свои играть.

Из мальчишек Микишка самый в селе лобастый. В играх он — первый. В выдумках — первый. Вот и сегодня — небывалое что-то придумал Микишка. Посмотрел на ребят:

— Давайте так: Перегудова больше нет. Петьке земля досталась.

И дальше — приятелю в лоб вопрос: что бы он, Петька, с землею сделал?

Вылупил Петька глаза на друга. «Что бы он сделал?»

— Пахал!— важно ответил Петька.

Рассмеялся Микишка:

— Разве один прорву такую вспашешь! Жизни твоей не хватит.

Повернулся Микишка к Симке. И к этому с тем же вопросом.

Был Симка не умнее Петьки.

— Я бы ее продал.— Потом добавил:— Свистульку себе купил. А деду — медовых пряников.

— «Свистульку»!— передразнил Микишка.— Это ж земля!

Смутился Симка. Виновато глаза потупил. Притихли ребята. Ждут, что же Микишка скажет? Что бы сам он с землею сделал?

Посмотрел на друзей Микишка:

— Что? Я бы ее мужикам раздал.

Раскрыли Симка и Петька рты.

— Бесплатно?

— Бесплатно.

— Всем без обид?

— Без обид.

— Вот это да!— не сдержался Петька Неелов.

— Верно, верно! — кричал Симка Непитов.

Умно порешил Микишка. Уселись друзья на лугу, делят господскую землю.

Называют крестьян по дворам — не забыть бы кого случайно.

Всем досталась по разделу земля. Нет в Копытовке ни бедных теперь, ни богатых. Все равны. Хорошо.

Кончили мальчишки игру.

— Э-эх,— вздохнул Симка.

— Э-эх,— вздохнул Петька.

— Если б такое на самом деле.

И вдруг...

— Революция! Революция! Революция! Скинули в Питере власть богатеев...

— Рабоче-крестьянская, новая власть!

— Декрет о земле!

Всколыхнулась деревня Копытовка. Гудит, что улей в час медоноса.

От светлой радости бабы ревут навзрыд:

— Земелька, землица...

— Неужто декрет?

Приехал в село агитатор.

— Товарищи! Граждане! — поднял в руке бумагу.— Вот он, земельный декрет. Принят на съезде солдат и рабочих. По докладу Ульянова-Ленина. В два часа ночи, двадцать шестого сего октября. Землю — крестьянам,— громыхает оратор.— Конец Перегудовым. Да здравствует наша, Советская власть!

— Ура! — кричат мужики, веря и не веря в свершенное чудо.

Выйди на холм. Посмотри налево, направо. Повернись на все четыре стороны. Лежит вековая кормилица. Смотрит вздыбленной зябью. Дышит привольным паром.

Чья же это земля?

Это — Саврасовых, это — Нееловых, это — Непитовых. А это — Оглоблиных, Кожиных, Вяловых. А там, за бугром,— Горевых, Стоновых, Сажиных, Зоревых... По всей необъятной России стала народной земля.

МИР. ВСЕМ НАРОДАМ И СТРАНАМ МИР

Заждался отца Васятка. Далеко у Васятки отец — на войне, на германском фронте.

— Мам, а мам,— пристает мальчик к матери.— А что он там делает?

— Воюет, Васятка,— ответит мать.

Что же ответить сыну? Мал, глуп ведь еще Васятка.

Разве поймет, что это капиталисты и помещики погнали отца на войну. Хотят захватить они новые земли. Вот и воюет для них отец.

Ждет не дождется отца Васятка.

И тот все время о сыне думает. О доме своем, о жене, о далекой родной Ракитовке.

Четвертый год, как идет война. Большая война. Мировой называется. Сражаются русские, немцы, французы. Другие народы бьются. Льется потоком солдатская кровь.

Капиталисты и помещики гонят русских солдат на немцев. Богатеи немецкие гонят немецких солдат на русских. Идут друг на друга англичане, австрийцы, венгры, французы.

Солнце палит, грязь, непогода.

— В атаку! В атаку! В атаку!

Нет надежды на мир солдату.

Окопы, окопы, окопы. Горы убитых. Все больше и больше на свете сирот.

Герасим Ракитов, отец Васятки, четырежды ранен, дважды контужен, шрам от штыка на лице. Нелегкая участь солдата. Вздыхают в окопах солдаты:

— Увидим ли дом родной?!

«Доживу ли, увижу ль Васятку?» — думает с болью отец.

И вдруг как вспых среди ночи:

— В Питере власть у рабочих!

— Штурмом захвачен Зимний дворец!

— Мир! Мир! Всем народам и землям мир!

Это принят Советской властью знаменитый Декрет о мире.

...Катит, катит, бежит эшелон. Едет солдат Ракитов с фронта домой, едет в деревню свою, в Ракитовку.

Вот и родимый край. Вышел солдат из вагона.

Идет он от станции к дому. Дорога то вверх, то вниз, то балкой, то кручей, то ровным полем.

Поклонился солдат земле:

— Здравствуй, родимое поле!

Вот лес вековой на пути. Застыли сосны и ели. В богатырский обхват дубы.

— Здравствуй, батюшка лес!

Вот речка бежит Песчанка. Гладит берег прозрачной водой.

— Здравствуй, поилица-речка!

А вот и деревня сама Ракитовка!

— Здравствуй, Ракитовка! — скинул шапку свою солдат.

Пас Васятка козу у крайних домов за околицей. Видит — идет человек. «Кто бы такой?» — подумал.

— Васятка! Васятка! — кричит солдат.

Всмотрелся мальчонка зорчее.

— Тятька, тятенька!..— заголосил.

Помчался Васятка к отцу навстречу.

— Признал, признал...— Слез не сдержал Ракитов.

Идет он по отчему краю. По родимой своей Ракитовке. На руках Васятку несет.

И солнце светит ему. И небо ему улыбается. Все для него: и мир и земля, и Советская власть.

— Здравствуй, здравствуй, родимый край!

— Здравствуй, солдат Ракитов!

Помчался Васятка к отцу навстречу.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

«Ваше Величество» — так называли царя. Величество — значит главный. Главнее не может быть.

Не стало теперь Величества. Свергли царя. Свергли Его Величество.

И вдруг...

К отцу Пети Петрова Ивану Петрову явились его приятели, такие же, как и отец, рабочие-металлисты. Вошли они шумной группой.

— А мы за тобой, Ваше Величество,— обратились, смеясь, к отцу.

— Иду,— отозвался отец. Ушел он вместе с рабочими.

Петя стоял, как сраженный громом. «Вот кто, значит, теперь Величество. Хитрый отец — молчал!»

Побежал он на улицу. Встретил Катю Орлову. Шепчет Петя Кате на ухо: мол, знаешь, какое дело — отец у меня Величество.

Обидно Кате, что отец у Пети — Величество, а у Кати — простой рабочий.

Возвращается Катя домой. И вдруг...

Встречает Катя слесаря Громова. Остановился Громов и говорит:

— Поклон от меня отцу. Как там Его Величество?

Замерла Катя: ослышалась, видимо, Катя. Не может такого быть! А Громов опять свое:

— Смотри не забудь. Привет от меня Величеству.

Свернула Катя с дороги, помча-

В это время на заводе окончилась смена. Возвращались отцы домой.

лась к лучшей подружке — Наде Сизовой. Шепчет Катя на ухо Наде: знаешь, какое дело,— отец у меня Величество!

Умчалась от Нади Катя.

Обидно Наде, что отец у Кати — Величество, а у Нади — простой рабочий.

И вдруг...

Кто-то стучится в дверь. Бросилась Надя к двери. У порога стоит почтальон, протягивает Наде письмо.

— На,— говорит,— передай-ка Его Величеству.

— Кому?! — поразилась Надя.

— Отцу! — говорит почтальон.

Схватила Надя письмо. Не сидится Наде Сизовой дома. Вышла она на улицу. Побежала к Васе Козлову. Подлетела к знакомому дому. Что такое?!

Стоят у дома мальчишки, стоят у дома девчонки. Объясняет с крылечка Вася Козлов:

— Отец у меня Величество.

Смутилась Надя. Сколько же разных кругом Величеств? У Пети, у Кати, у этого Васи...

В это время на заводе окончилась смена. Возвращались отцы домой. Идут они по своей, по рабочей улице.

Шире, шире раздвинься, улица! Видишь, народ трудовой идет. Дорогу ему, дорогу! Дорогу Его Величеству!

КРАСНЫЙ ОРЕЛ

Шагает. Шагает. Шагает. Не остановишь Советскую власть.

В горном высоком ауле жил у Расула дед. Здесь только орлы летают. Здесь ветры свирепые бродят. Тут горы забрались под самое солнце.

Далеко отсюда сакля Расула. Внизу, в плодородной долине. Примчались в долину красные конники, принесли весть о Советской власти. Слушал рассказы Расул: про землю, про мир, про товарища Ленина. Очень ясно молодой командир про новую жизнь рассказывал.

Целый день ходил по пятам за джигитом Расул, об одном и том же по нескольку раз расспрашивал.

— Значит, больше царя не будет?

— Нет,— отвечает джигит.

— И богатых князей прогонят?

— Сами они сбегут.

Подружился Расул с джигитом. Кинжал самодельный ему показал, про деда ему рассказал.

Утром простились гонцы с крестьянами, помчались джигиты дальше.

О многом узнал Расул. А как же там дед? Он высоко в горах. Кто же ему обо всем расскажет?

И вдруг вспомнил Расул: дед у него следопыт, дед у него охотник. Он с птицами с детства дружит, орлиную речь понимает. Орел — вот кто расскажет про все старику, вот кто в горы в момент слетает.

Вышел Расул из аула к реке. Видит, сидит на скале у реки непокорный небесный житель.

Бросился мальчик к скале.

— Эй! — закричал богатырской птице.

Глянул орел на Расула.

Объясняет Расул орлу про землю, про мир, про товарища Ленина. Просит: лети побыстрее в горы — к деду, Абдулкеримом, мол, деда звать, расскажи ему важную новость.

Переступил орел с лапы на лапу, кивнул головой, расправил могучие крылья.

— Не напутай! — кричит Расул.— Передай ему слово в слово.

Взмыл орел в поднебесье.

Прошло три дня, и вот спустился в долину старый Абдулкерим.

Глянул Расул на деда: в бурке тот новой, в черкеске новой, улыбается внуку дед.

Ясно Расулу: выполнил просьбу орел. Бросился мальчик к деду:

— Это я ведь орла послал!

— Ты?

— Я, я,— не умолкает Расул.— Рассказал он про землю?

— Рассказал.

— А про мир?

— И про мир.

— А про товарища Ленина?

— И про товарища Ленина.

— Это все я,— торжествует Расул.— Правда, орел хороший?

— Правда,— ответил дед.— Хороший. И конь у него хороший.

Доволен Расул ответом. Однако подумал: «При чем же здесь конь? Эх, напутал что-то старый Абдулкерим».

— Настоящий орел,— повторил старик, даже грудь свою старую выпятил, подмигнув по-мальчишечьи внуку: — Красный орел.

Вовсе сбился с толку теперь Расул.

— Красный орел? Разве бывают красные?

— Бывают,— ответил дед.

Сокрушался потом Расул, как же он тогда у реки сам того не заметил. Может, солнце не так светило.

Стояла весна в Дагестане. Разносили джигиты повсюду великую весть.

ЕСЛИ ПО РЕЧКЕ ПЛЫТЬ

Мальчик Янка, мальчик Петрусь — два неразлучных друга. Ростом схожи, носами схожи. Даже лицами чем-то похожи.

Живут они где-то в белорусском глухом Полесье, среди непролазных болот и топей.

Крутились Петрусь и Янка у болотистой малой речки. Любят ребята спокойную речку. Если по речке плыть, можно добраться до Припяти. Припять впадает в Днепр. А Днепр — в далекое Черное море.

В глухой деревеньке великая новость: пришла к ним в Полесье Советская власть.

Вот рассказать бы про эту власть тем, кто живет на Припяти, тем, кто живет на Днепре, тем, кто живет на Черном далеком море.

Решили друзья отправиться в дальний путь. Соорудили поспешно плот, собрали еду в дорогу, оттолкнулись шестами от берега.

Плывут они речкой своей болотной. Петляет, как зайца след, среди камышей и осоки речка. Тянется низкий и топкий берег. Плывут на бревнах Петрусь и Янка, великую весть везут.

Повстречалась в пути деревня. Большая-большая. Не их деревеньке лесной чета. Сбегают к речке избы ровнехоньким рядом. Глянешь издали — словно не избы, а гуси идут к воде.

У речки толпятся гурьбой мальчишки. Видят мальчишек Петрусь и Янка, к берегу правят плот. Причалили. Ступили на землю.

Окружили пришельцев ребята: мол, откуда и что за народ?

Стоят, торжествуют Петрусь и Янка. Сверхсерьезный у каждого вид.

— У нас,— важно сказал Петрусь,— Советская стала власть.

— Уже неделю,— добавил Янка.

И давай про власть рассказывать. Про то, какая хорошая эта власть.

Рассмеялись мальчишки:

— Эка, расхвастались! Подумаешь — только неделю. У нас две недели Советская власть!

Смутились, конечно, Петрусь и Янка. Да что же делать, поплыли дальше. Речка все шире, шире и шире. Вот уже Припять, смотри, видна. Плывут мальчишки по спокойной ленивой Припяти, видят — стоит деревня. Десяток, не больше изб. Заторопились приятели к берегу. Вот где новость они расскажут.

И здесь встречают друзей мальчишки. Вышли на берег Петрусь и Янка.

— А у нас Советская власть,— важно сказал Петрусь.

— Уже неделю,— добавил Янка.

Рассмеялись мальчишки:

— Подумаешь! У нас уже месяц Советская власть.

Переглянулись Петрусь и Янка. Упрямы Петрусь и Янка: снова поплыли дальше. Кончились земли родной Белоруссии, Украины земля пошла. Потирают ребята руки. Вот мальчишки куда заплыли. Пусть завидуют на Украине тому, что свершилось у них в Белоруссии. Вот где ребята про все расскажут.

Смотрят Петрусь и Янка — лодка плывет навстречу. Два мальчика веслами дружно гребут.

Поравнялись лодка и плот.

— Кто вы такие? — из лодки кричат ребята.

— Янка.

— Петрусь.

— А вы кто такие?

— Марко.

— Пилипко.

— Куда вы, откуда?

— Из Белоруссии на Украину. А вы?

— С Украины к вам, в Белоруссию.

Довольны встречей Петрусь и Янка. Только раскрыли рты, про Советскую власть рассказать хотели, как вдруг:

— А у нас Советская власть! — закричали Пилипко и Марко. И сразу про власть докладывать.

Обомлели Петрусь и Янка. Смотрит Петрусь на Янку. На Петруся глазеет Янка. А Пилипко и Марко снова про Украину, про новую власть и жизнь.

— Мы с Украины не просто так,— не утихают Пилипко и Марко.— В Белоруссию весть мы везем великую.

Вот это да! Вот так дела! Вот ведь встреча в пути какая!

СКРИПКА

Гурген не умеет играть на скрипке, зато он имеет скрипку. Сурен умеет играть на скрипке, но он не имеет скрипки.

Живут они в городе Ереване, рядом с армянским крутым нагорьем. У Гургена отец — армянский богач. У Сурена папа — каменотес. Строит папа Сурена для богатых дома из камня, а сам в глинобитной ютится лачуге. Тот дом, в котором живет Гурген, также построил отец Сурена.

Проходят люди, смотрят на дом.

— Вот ведь прекрасный дом! Это богач Вартанян (то есть отец Гургена) прекрасный дом построил.

А дом ведь строил отец Сурена.

Мать у Сурена портниха. Золотые руки у мамы Сурена. Шьет для богатых она наряды, а сама в каких-то тряпицах ходит. Мама Сурена и для мамы Гургена нарядные платья шьет.

Идет по улице мама Гургена. Смотрит народ на ее наряды:

— Вот какие прекрасные платья жена Вартаняна шьет!

А шьет-то наряды мама Сурена.

Пригласил Гурген Сурена однажды к себе домой, разрешил поиграть на скрипке.

Проходят люди, слышат — играет скрипка.

— У этого богача Вартаняна очень талантливый мальчик,— рассуждают прохожие.

Играет Сурен — вся слава идет Гургену.

Вот ведь какое странное дело! Достается слава совсем не тем.

Но и сюда, в Закавказье, пришла Советская власть. Прогнали бедные люди богачей. В том числе и отца Гургена.

Новая жизнь в Закавказье. Не строит папа Сурена больше дома для богатых. Растут в Ереване новые здания: то больница, то школа, то детский сад.

Проходят люди, смотрят на здания:

— Это построил Сурена отец. Вот кто прекрасный мастер!

У мамы Сурена много теперь заказчиц. Работает мама в большой мастерской. Ходят женщины в новых красивых платьях.

— Это сшила Сурена мать! Это ей за наряды спасибо.

Принят Сурен в музыкальную школу. Проходят прохожие, слышат — играет скрипка. Остановятся люди, слушают скрипку:

— Это Сурен играет!

Новое нынче в жизни: кто своими руками трудится — слава за тем идет.

МАЛЬЧИК АКУТО

Где-то на Севере, на Крайнем далеком Севере, у ледовитого грозного моря, мальчик Акуто жил.

Пас он оленей. Огромное стадо. Тысяча с лишним голов. Только не мальчика это стадо, не отца его и не деда. Это шамана[1] старого стадо. Акуто и трое других бедняков чужих выпасают оленей. Боится Акуто шамана. Боятся другие шамана. Он главный у них богатей.

Слышал Акуто, что где-то за тундрой, за горами, покрытыми лесом, в том краю, что зовется Россией, скинули люди своих шаманов. Не шаманы, не богатеи, а люди простые стоят у власти.

«Вот бы такое и в тундре,— думает мальчик.— Не пас бы Акуто стада шамана. Да и стадо тогда не шамана бы было. Разделили б оленей среди таких, как дед и отец Акуто,— бедных, простых людей».

Мечтает о том Акуто. А между тем Советская власть уже подходила к тундре.

Оставил мальчик на день оленей. Побывал он в родительском чуме[2]. Повидал и родных и соседей. Разговоры везде об одном: у шамана отнимут стадо, скоро будут делить оленей.

И правда: прибыл к стаду старый шаман. А вместе с ним и два его младших брата. Зло посмотрел на Акуто шаман, приказал поднимать оленей. Замер от счастья Акуто. Значит, стадо погонят к чумам, значит, будут делить оленей. И вдруг не к чумам — от чумов погнали стадо. Понял Акуто: богатеи решили угнать оленей. Значит, не будут делить оленей. Значит, пропало огромное стадо.

Весь день уходили погонщики все дальше и дальше в тундру. Ночью хозяин дал людям отдых. Длинны на Севере зимние ночи. Заснули на нартах в теплых мешках богатеи. Не может заснуть Акуто. Плакать готов Акуто. Но вот улыбка прошла по лицу мальчишки. Озорством заблестели глаза. Что-то придумал, видать, Акуто.

...Утро. Проснулся шаман. Проснулись два брата.

«Что такое? — не может понять шаман.— Где же стадо? Где же олени? И где же Акуто?!»

Смотрит волчьим взглядом шаман вокруг. Старым глазам не верит.

Ясно шаману: угнал мальчишка оленье стадо. К чумам назад повел.

Вскочили два брата, вскочил шаман. Бросились они в погоню.

Мчится Акуто.

Мчат богатеи.

Вот все ближе, и ближе, и ближе, почти настигает мальчишку шаман. Не уйти от расправы Акуто. С кем ты тягаться решил, Акуто?

— Олешки, олешки! — кричит Акуто.— Олешки, олешки, быстрей!..

Мчится Акуто.

Мчат богатеи.

Нет, не уйти от шамана Акуто. Не увидеть родимого чума. Не спасти для людей оленей.

Вот уже рядом совсем шаман.

И вдруг... что это там заклубилось над тундрой? Что подняло над тундрой снег? Смотрит вперед Акуто. «Не сон ли мне снится?» — решает Акуто. С той стороны, оттуда, где остались родные чумы, мчатся навстречу люди. Верхом на оленях, в оленьих упряжках. Это идет спасение.

---

[1] *Шаман* — колдун-знахарь, как правило, человек богатый.

[2] *Чум* — переносное жилище. Верх чума покрыт оленьими шкурами.

Видит Акуто отца и деда, видит других людей. Заметил людей и шаман. Прекратил он свою погоню. Развернул побыстрей упряжку. Бросился ветром прочь.

Солнце поднялось над тундрой. Искрится под солнцем снег. Возвращаются к чумам люди. Стадо бежит по тундре.

Едет верхом на олене Акуто.

— Олешки, олешки! — кричит Акуто.— А ну, поживей!..

ХОЗЯИН БОЛЬШОГО АРЫКА

Далеко Бухара, за тысячи верст от Центральной России, в Средней Азии, под знойным, палящим солнцем.

Редко идут тут дожди, не хватает земле воды. Вода здесь дороже жизни. Чтобы землю поить водой, роют в степях каналы. Называют их здесь арыками. У богатых баев в руках вода. У богатых баев в руках арыки.

И вдруг... «Получите воду, простые люди!» Побежала вода на поля крестьян, напоила иссохшие земли.

Богатый бай Султан Алимкулов, хозяин большого арыка, лишился теперь арыка. Проклинает бай Алимкулов Советскую власть. Его воду — на крестьянские земли! Как же воду отнять у крестьян? Выпить, что ли ее из арыка? Выпил бы жадный бай, да невозможно такое сделать. Другое придумал бай...

Мальчишка Сабир Рахматов както вечером забрался к баю в абрикосовый сад. С кулак висят абрикосы. Такие большие только в этих краях родятся. И вдруг слышит Сабир шаги. Прижался к земле. Видит, идет хозяин. Шепчется с кем-то Султан Алимкулов. Различает Сабир слова. Речь об арыке, речь о плотине, о том, чтобы воду не дать крестьянам.

Ах ты, проклятый бай! Ясно Сабиру, в чем дело. Испортить плотину решил богач. Про абрикосы Сабир забыл, быстрее помчался к дому.

Отец у Сабира, Рахмат,— бедный дехканин, так в тех местах называют крестьян. И отец у отца, то есть Сабира дед, старый Куддус,— тоже дехканин. И старший брат у Сабира, Гуфур, тоже крестьянским делом занят. Вырастет мальчик Сабир, и он бухарские земли возделывать будет. Понимает Сабир беду: уйдет из арыка вода — погибнут поля крестьян.

Всполошил мальчишка деда, отца и брата. Те разбудили своих соседей. Собрались крестьяне, побежали к плотине. Просидели там целую ночь. Однако бай Алимкулов не появился.

— Придумал мальчишка,— решили дехкане.

— Я слышал, слышал! — твердит Сабир.

Только не очень Сабиру верят.

Поверил лишь дед Куддус. Новый спустился вечер. Снова дед с внуком пошли к плотине. Просидели вдвоем до утра. Зорче филина вдаль глядели. Шорох любой ловили, Алимкулова нет и нет.

Покачал головой Куддус. Да, ошибся Сабир, наверно.

— Я слышал, слышал,— твердит Сабир. Смотрит на деда. Ясно — не верит дед.

Рассказал про бая Сабир мальчишкам. Разгорелись глаза у ребят. Каждый героем себя считает. Каждому верится в то, что бая они поймают. Едва дождались ребята вечера.

Улеглись у плотины мальчишки. Замерли. Ждут.

Ждали ребята, ждали. Животы и бока отлежали. Не появился проклятый бай.

Три ночи ходили к плотине мальчишки. Три дня возвращались они ни с чем.

Обозлились ребята:

— Это Сабир придумал!

Чуть не побили друзья Сабира. Не верит ему никто.

Поверила лишь Халида. Правда, девчонка — плохая помощь. Однако что же Сабиру делать, если только одна Халида во всем поселке Сабиру верит?

Снова спустился вечер. Отправились вместе они к плотине. Просидели вдвоем до утра. Зорче филина вдаль глядели. Шорох любой ловили. Алимкулова нет и нет. Теперь и Сабира взяло сомнение. И, если сказать по правде, не будь при Сабире тогда девчонки, неизвестно, чем бы эта история кончилась.

А так — поймали они злодея. Вернее, его спугнули. Едва появился бай, такого наделали шуму — прежде всего Халида,— что дехкане, хотя и спали они за версту, немедля вскочили на ноги.

Схватили крестьяне бая. Прогнали крестьяне бая.

Струится вода в арыке. Поит крестьянские земли. Ходит мальчик Рахматов Сабир по селу. Хозяин бухарской земли, хозяин арыка ходит.

ЧИЧИКО И РУССКАЯ ДЕВОЧКА НИНА

Сдружились они — Чичико и русская девочка Нина.

Бегут они берегом моря.

— Чичико! Чичико! Чичико! — догоняет приятеля Нина. Голос долго звенит над морем.

Поднимутся дети в горы.

— Нино! Нино! Нино! — Чичико окликает Нину.

Спустятся дети в темное ущелье. «Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!..» — отдается эхом сто раз ущелье.

Уже год, как мальчик и девочка дружат. Если увидишь, идет Чичико,— обязательно рядом Нина. Если заметишь Нину, можешь глаза закрыть — и то Чичико увидишь. Дружат они — Чичико и русская девочка Нина.

А раньше? Даже смешно сказать. Раньше было совсем другое. Боялась Нина тогда Чичико. И Чичико сторонился Нины. Жили дети в одном поселке, а вроде бы в различных странах жили.

Да только ли дети?

Маленький горный поток делил поселок на две половины. В одной половине живут грузины, в другой поселились русские. Над русскими старший дворянчик русский. На той половине командует всеми какой-то грузинский князь. А самый главный над всем поселком — мордастый, носатый, пузатый урядник царский.

На Кавказе много различных народов: осетины, абхазцы, аджарцы, грузины, армяне, азербайджанцы, ингуши, кабардинцы, русские. Это еще не все. Не хотят богачи, чтобы жили люди простые в дружбе. Если в ссоре живут народы, легче командовать ими. Проще их угнетать. Легче с бедных три шкуры драть.

Пусть в ссоре живут народы. Пусть ненавидят один другого.

Пугают богатые бедных. Наводят на бедных страх.

Так и тут, в этом маленьком горном поселке. Пугают грузин русскими, пугают русских грузинами.

А сами? Сами мирно себе живут. Ходит дворянчик русский в гости к князю грузинскому. Ходит грузинский князь в гости к дворянчику русскому. А урядник царский — почетная личность и там и тут.

Все это было. Все это кончилось. В Москве, в Петрограде, в Баку, в Ереване, в Тбилиси — всюду стала Советская власть. Изменился теперь и горный поселок. Бежал куда-то дворянчик русский, сброшен навеки грузинский князь. А урядник царский, где он? В помине такого нет.

Дружат нынче в поселке люди. Не разделяет их больше горный поток. Нет ни этой, ни той половины. Ни этой, ни той стороны. Не боится Нина теперь Чичико. Чичико не пугается Нины. Неразлучны теперь Чичико и русская девочка Нина. Если увидишь, идет Чичико,— обязательно рядом Нина. Если заметишь Нину, можешь глаза закрыть — и то Чичико увидишь.

— Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!..— звенят голоса в поселке.

Дружат они — Чичико и русская девочка Нина.

С тех пор пробежали годы. Вечен призыв:

— Люди, дружите, люди, живите в мире!

РАССКАЗЫ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Сразу же после Октябрьской революции в России началась гражданская война. Разбились люди на два больших лагеря; на тех, которые были за Советскую власть (их стали называть красными), и тех, которые хотели восстановить старые порядки (белые).

Тяжелое время выпало на долю народов России. Гибли люди. Брат шел на брата, сын на отца.

Положением в России воспользовались иностранные государства. Их войска вторглись на территорию нашей Родины.

«ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ»

Над Петроградом тревожно кричали заводские гудки.

— Враг у ворот Петрограда!

— Враг у ворот Петрограда!

Это сразу же в первые дни Советской власти белые двинули свои войска на революционный Петроград.

Руководить обороной Петрограда были назначены испытанные большевики: Владимир Александрович Антонов-Овсеенко и Николай Ильич Подвойский.

Вечер. Революционный военный штаб. Склонились Антонов-Овсеенко и Подвойский над картой. Изучают, где и как расположены революционные войска, где, в каких местах находятся войска врагов революции.

Изучают Антонов-Овсеенко и Подвойский карту. Вдруг стук. Открывается дверь. В комнату входит Ленин.

— Владимир Ильич!

— Здравствуйте, — поздоровался Ленин.

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

Смутились Антонов-Овсеенко и Подвойский. Не ожидали прихода Ленина.

— Как с боевыми отрядами? Какие вести с Путиловского завода? — сразу же стал Владимир Ильич задавать вопросы.— Как с кораблями Балтийского флота?

Отвечают Антонов-Овсеенко и Подвойский Владимиру Ильичу.

Все новые и новые вопросы у Ленина. Какова общая готовность к борьбе с врагом? Как дела с транспортом, как с оружием? Где сейчас находятся вражеские соединения. Где и как расположились войска революционные?

Помрачнел чуть Подвойский. Заметил это Владимир Ильич:

— Вас что-то тревожит?

Помедлил чуть-чуть Подвойский и вдруг высказал Владимиру Ильичу обиду: мол, как понять Владимира Ильича, не означает ли приход товарища Ленина сюда в штаб недоверие к нему, к Подвойскому, или к Антонову-Овсеенко.

— Недоверие? — удивился Ленин.— Недоверие?! — И вдруг расхохотался.— Нет, не недоверие,— сказал Владимир Ильич,— а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти. Вы, что, возражаете? — неожиданно спросил Ленин.

— Нет, нет,— поспешно ответил Подвойский. Смутился. Искоса глянул на Антонова-Овсеенко. Оба теперь посмотрели на Ленина.

— Правительство рабочих и крестьян желает знать,— повторил Ленин,— обязано знать, как действуют его военные власти.

Снова пошли вопросы. Снова пошли ответы.

Доволен остался Владимир Ильич ответами. Возвращался к себе из штаба:

— Ну что же — прекрасно действуют наши военные власти.

С первого и до последнего дня вооруженной борьбы за Советскую власть Владимир Ильич Ленин внимательно следил за тем, что происходит на фронтах гражданской войны, был организатором и вдохновителем наших побед над врагами.

СОЗДАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Врагов Советской власти поддерживали иностранные капиталисты. Их войска начали интервенцию против молодого Советского государства.

На территорию нашей родины вторглись немцы, англичане, американцы, японцы, французы. 14 империалистических государств послали своих солдат в Россию.

Недоброе, злое, лихое время. Советская страна оказалась в кольце врагов.

С запада, с севера, с юга, с востока обрушились на нашу страну захватчики.

— Социалистическое отечество в опасности!

Для защиты завоеваний Октября

Владимир Ильич тоже приехал на этот смотр и выступил перед красноармейцами.

надо было создать свою, революционную Красную Армию.

В середине января 1918 года Советское правительство приняло Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Один из первых батальонов Красной Армии был создан в Петрограде. Перед отправкой на фронт батальону был устроен торжественный смотр.

Владимир Ильич Ленин тоже приехал на этот смотр и выступил перед красноармейцами.

— Приветствую в вашем лице,— обращался к красноармейцам Ленин,— тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут славную революционную армию.

Стоят в шеренгах красноармейцы. Замерли.

— И эта армия,— продолжал Ленин,— призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть...

Стоят красные бойцы. Слушают Ленина. Небывалая рождается армия — Советская, Красная.

БАКИНСКИЕ КОМИССАРЫ

Слева и справа лежат пески. Слева и справа простор пустыни.

Бежит паровоз по рельсам. Вагоны стучат на стыках. Гудки разрывают небо.

Стража сидит в вагонах. Километр, километр. Километр, километр. Все ближе минута страшная.

Продолжают иностранные интервенты терзать Россию. Юг. Закавказье. Средняя Азия. И сюда пришли оккупанты. Именно в те дни, когда в Закавказье и в Средней Азии хозяйничали английские войска, произошла одна из самых тяжелых трагедий гражданской войны — были расстреляны 26 бакинских комиссаров.

Советская власть в Баку установилась 31 октября 1917 года. Вскоре был создан Бакинский Совнарком — Совет Народных Комиссаров во главе со Степаном Шаумяном. Круто стала меняться жизнь Советского Азербайджана. В районе Баку — богатейшие залежи нефти. Бакинский Совнарком национализировал нефтяную промышленность, отнял ее у богачей, передал государству.

Город Баку стоит на берегу Каспийского моря. Баку — порт, в порту — пароходы и корабли. И они принадлежат богачам бакинским.

Бакинский Совнарком национализировал морской флот и передал его в руки народа.

Труженики Азербайджана стали получать землю. На заводах и фабриках был введен 8-часовой рабочий день.

Местным капиталистам, конечно, не понравились такие порядки. Они ждали момента, чтобы уничтожить Советскую власть. И такой момент наступил. 4 августа 1918 года Баку захватили английские войска. Советская власть в Баку была свергнута. Степан Шаумян и другие бакинские комиссары схвачены и брошены в тюрьму. Бакинским большевикам в последний момент удалось освободить из тюрем 26 бакинских комиссаров. Они сели на пароход «Туркмен» и отплыли из Баку. Все были уверены, что бакинские комиссары на свободе. Но получилось иначе. На пароходе «Туркмен» оказались враги. Они привели пароход на противоположный берег Каспийско-

го моря в город Красноводск. Красноводск находился во власти английских интервентов. Английские интервенты вместе с местными белогвардейцами и предрешили судьбу бакинских комиссаров.

Ночью их тайно посадили в поезд. Вывезли на 207-ю версту от Красноводска. Вытолкали из вагонов. Увели в пески.

Солдаты подняли ружья. Прозвучала команда. Бакинские комиссары были расстреляны.

ОБНОВЫ

Стояла весна 1919 года. С востока, из Сибири, с Урала, на молодую Советскую Республику шел адмирал Колчак.

Поражались в тот день в селе. Санька явился. Санька Кукуй. Служил Кукуй в армии Колчака. Забежал он в Зябловку на часок. Показаться отцу и матери.

Ботинками Санька хвастал. Полсела у избы собралось. Ботинки нерусские. Подошва в три пальца. Носок что бульдожья морда.

— Английские,— объяснял Санька.

— Ясно, не наши,— бросали крестьяне.

— Англицкие,— переговаривались бабы.

— Это еще не все,— говорил Санька.

Расстегнул солдатский ремень, приподнял рубаху, вытянул нательное белье.

— Французское,— уточнил Кукуй.

— Ясно, не наше,— бросали крестьяне.

— Хранцузское исподнее,— перешептывались бабы.

Достал Санька коробку папирос. Важно закурил. Дым к небу пустил колечками.

— Японские.

— Ясно, не наши,— все больше и больше мрачнели крестьяне.

Колчак — вот кто уничтожит Советскую власть, рассуждали иностранные капиталисты. Богатеи Англии, Франции, Японии и других стран стали помогать белому адмиралу.

Расхвастался Санька. От белья и папирос перешел к винтовкам.

— Винтовок у нас завались!

И верно. Только одни англичане передали Колчаку 220 тысяч новых винтовок.

— Пуль у нас! — продолжал Санька.— Куры не клюют.

И это верно. Около 300 миллионов патронов предоставили капиталистические государства армии Колчака.

— А пушек,— распалялся Санька,— не сосчитать.

Правда, сколько пушек получил Колчак, Санька Кукуй не знал.

Одни только французские капиталисты передали Колчаку 400 самых совершенных орудий.

Про пулеметы, про гранаты рассказывал Санька. Потом перешел на шепот. Сообщил как великую тайну:

— Самолеты для армии нашей прибыли...

Не врал колчаковец Кукуй.

И самолеты, и бронемашины, и много другого вооружения поставили капиталистические государства армии Колчака.

Не зря про Колчака в Сибири такую частушку сложили:

Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель омский.

Омский — это потому, что в сибирском городе Омске враги Советской власти провозгласили адмирала Колчака верховным правителем России. Здесь он возглавил белую армию.

Торопился Санька Кукуй в свою часть. Не смог задержаться надолго в родном селе.

Смотрят крестьяне вслед уходящему Саньке.

Кто про Колчака, кто про Саньку думает:

«Продал Россию, продал».

Даже родитель Санькин и тот Саньке вдогон прокричал проклятье и тут же с досады на сына — сплюнул.

НАУКА

Дом этот лучший во всей округе. Светлый. Высокий. При входе колонны. Стоит на взгорке. Окнами к солнцу.

— Что в этом доме?

Школа.

Бегают в школу дети. Среди многих — Манька, Сидорка, Хабибула.

Утро. Манька спешит за Сидоркой.

— Сидорка! Сидорка!

Выходит Сидорка.

Манька и Сидорка бегут за Хабибулой.

— Хабибула! Хабибула!

Выходит Хабибула.

Вместе торопятся дети в школу. Нравится очень школа. Сутки сидели бы в этой чудесной школе.

Знают ребята, откуда дом. Советская власть отдала для школы. Знают ребята и кто раньше владел этим светлым домом.

Спросите Маньку.

— Помещик Воронов,— ответит Манька.

Спросите Сидорку.

— Генерал Воронов,— ответит Сидорка.

Спросите Хабибулу.

— Граф Воронов,— ответит Хабибула.

Все они правы. Верные все ответы. Воронов — владелец чудесного дома — был и помещиком, и графом, и генералом. Свергли теперь помещиков. Нет больше графов. Испарился куда-то Воронов.

В бывшем помещичьем доме школа.

Ходят ребята в школу.

И вдруг ворвались сюда колчаковцы. Все ждали беды. Не ошиблись. Пришла беда.

Явились бывшие владельцы дома — сыновья генерала — молодые колчаковские офицеры.

Один офицер драгунский, то есть кавалерийский, второй офицер пехотный. Вместе с ними отряд солдат.

Запомнили дети тот страшный день. Устроили белые детям порку.

Хватали, тащили к лавкам.

Притащили Маньку. Привязали Сидорку. Лежит на лавке Хабибула.

Взлетают, как крылья, розги.

Прохаживается офицер драгунский:

— Хлеще, хлеще! — дает команды.

Прохаживается офицер пехотный.

— Так им, так им! — кричит пехотный.— Вбивай соплякам науку!

Усвоили дети науку эту. За что — Советская власть, за что — адмирал Колчак. Как дважды два на всю жизнь запомнили.

ХРАБРОСТЬ ИЛИ УМЕНИЕ

В сражениях против Колчака участвовала знаменитая 25-я дивизия, которой командовал Василий Иванович Чапаев.

Заспорили как-то чапаевцы: что в их командире Василии Ивановиче Чапаеве главное — храбрость или умение?

— Храбрость, храбрость! — кричат одни.

— Братцы, считай, умение.

Спорят бойцы. Не уступают друг другу.

Чапаевская дивизия громила белых в заволжских степях. Места здесь безлесные, ровные. Степь да степь на все четыре стороны. Видно на десять, пятнадцать верст — не подойдешь незамеченным.

Преградили белые путь Чапаеву.

Не терпится отважным бойцам ударить по врагу.

— Рано, не время,— охлаждает смельчаков Чапаев.

Пожимают бойцы плечами.

— Геройство наше, что ли, пропало?!

— Не верит в нас командир?!

— Чего только время напрасно тратим! Чего только ждем?!

— Дара небесного,— шутит Чапаев.

Дождались «небесного дара» — пал на землю туман. Построил Чапаев спешно полки, провел их ночью в тумане к самым позициям белых. Расставил: одних — налево, других — направо. Конных — в засаду. Пулеметы на слабый фланг. Сам занял место в центре, против главных вражеских сил.

Расступился с рассветом туман. Глянули белые — Чапаев под самым носом. Сидит на коне, привстал в стременах, к пешим бойцам:

— За мной!

Ринулся командир вперед. Грозной лавиной за ним чапаевцы.

Ударили навстречу красным бойцам пулеметы. В ста метрах всего враги, в метре — верная смерть. Рухнул конь под Чапаевым. Спрыгнул начдив на землю. Поднялся он в полный рост. Первым бежит в атаку.

Ударила пуля в прославленную чапаевскую бурку. Скинул бурку Чапаев:

— Так оно легче! За мной! Вперед!

Сбила пуля знаменитую чапаевскую папаху.

— В залог оставляю! — кричит Чапаев. И снова — вперед!

Врезались красные в ряды белых. Заметались в панике белые. Побежали налево — встречают их пулеметы красных. Не зря их поставил сюда Чапаев. Рванулись направо — мчит из засады полк красных конников. И это учел Чапаев.

Добивают врагов чапаевцы.

Кончился бой. Расположились бойцы на отдых. Снова начали спор.

— Говорили мы, что храбрость в Чапаеве главное,— уверяют одни.— Видали, как шел под пули?

— Нет, все же на первом месте умение,— стоят на своем другие.— Военным искусством Чапай владеет. Вон как все при атаке учел. Как время выбрал. Как всех по местам расставил. Умение, братцы, в начдиве главное.

Спорят чапаевцы. Не получается общего мнения. Кто же тут прав? Кто же не прав?

Не завершили чапаевцы спор.

Новые ждали дела чапаевцев.

ЧЕТЫРЕ ОРДЕНА ВАСИЛИЯ БЛЮХЕРА

В сентябре 1918 года была установлена высшая награда Советской республики — первый советский орден — орден Красного Знамени.

Первым из советских бойцов орденом Красного Знамени был награжден красный командир Василий Константинович Блюхер.

— Блюхер? Что за фамилия такая? — интересовались бойцы.

— Немец?

— Швед?

Не был Блюхер ни немцем, ни шведом. Русский он человек. Родился в Ярославской губернии. Происходил из крестьянской семьи. Настоящая фамилия его Медведев. Когда-то давным-давно помещик, у которого дед Блюхера был крепостным, дал Медведеву кличку Блюхер. Кличка оказалась звонкой, привязчивой. Закрепилась она за дедом и стала затем фамилией.

Слава Блюхера началась осенью 1918 года. Красные до похода армии Колчака сражались с белыми на Урале и в Заволжье. Осенью 1918 года здесь развернулись особенно жестокие бои. В них и отличился Василий Константинович Блюхер.

Под городом Оренбургом белые отрезали группу наших войск. Блюхер был назначен старшим над этой группой. Начался героический поход красных отрядов Блюхера по белым тылам.

Шли на соединение со своими. Трудно пришлось красным бойцам. Шли все время с боями. Выходили из боя — и снова бой. Шли в непогоду. Ветры, дожди трепали. Шли порой без воды, без хлеба. Несли раненых на руках.

Пробивались два месяца. Прошли тысячу пятьсот километров.

Успешно закончился небывалый рейд. Вывел Блюхер отряды к своим.

Орден Красного Знамени вручили Блюхеру в городе Вятке.

Знают бойцы, что на ордене, которым награжден Василий Блюхер, стоит номер первый.

— Первый — это тебе не сотый!

— Это даже тебе не пятый.

— Первый есть первый!

Гордятся они своим командиром.

После вручения ордена боевые товарищи Блюхера решили организовать для своего командира товарищеский ужин.

— Ужин? — переспросил Блюхер.

— Так точно, товарищеский.

— Отлично,— сказал Блюхер. Затем призадумался.— Нет, отменяется ужин.

— Как?

— Почему?

Обиделись боевые товарищи: отказывается от дружеского ужина Блюхер.

— Нет, не отказываюсь,— говорит Блюхер.— Переношу ужин,— Блюхер сделал паузу,— в город Пермь.

Как раз Красная Армия готовилась к штурму этого города. Освободили красные бойцы Пермь. Состоялся ужин.

Отважно сражался с врагами Блюхер. Вскоре он был награжден вторым орденом Красного Знамени. Затем — третьим. Затем — четвертым.

После окончания гражданской войны Блюхер занимал высокие командные посты в Красной Армии. Ему в числе первых ее командиров было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

В 1938 году жизнь Василия Константиновича Блюхера трагически оборвалась. Это были тяжелые годы

сталинского режима в нашей стране. В руках Сталина сосредоточилась огромная власть. Сталин был человеком жестоким, подозрительным, мстительным.

Нашлись люди, которые оклеветали Блюхера.

Прославленный герой гражданской войны был арестован и вскоре расстрелян.

КОМАНДАРМ ТУХАЧЕВСКИЙ

Красная Армия теснила Колчака на Южном Урале. Здесь действовали войска, которыми командовал Михаил Николаевич Тухачевский.

Разгромить Колчака на Южном Урале, взять города Златоуст, Челябинск, открыть дорогу красным войскам в Сибирь — такова задача у Тухачевского.

Разгромить. Открыть дорогу. Непростая это была задача. На пути у красных Уральские горы. Две дороги, два пути ведут через Южный Урал и Сибирь. Железная дорога вьется между горных уступов, ныряет в тоннели, бежит под навесом скал.

И вторая дорога — знаменитый старинный Бирский тракт. Сходятся эти дороги недалеко от города Златоуста.

Здесь, на этих дорогах, и укрепились белые.

Нет других путей для наступления Красной Армии.

Вызывают колчаковцы коренных уральцев, стариков, старожилов:

— Есть ли другие дороги?

— Нет,— отвечают старики и старожилы.

Перепроверяют слова колчаковцы. Верно, нет других путей. Ясно им: Урал неприступен для красных войск. Горы не сдвинешь с места.

Укрепляют белые свои позиции вдоль железной дороги, вдоль Бирского тракта. Сидят, дожидаются красных. Неприступны пути-дороги. Сложат красные здесь свои головы.

И вдруг:

— Красные!

— Где, в каком месте красные?!

Далеко в тылу у белых вдруг оказались красные.

Тухачевский решил обойти укрепления белых. Через Уральские горы, по горным тропам, уступам, над обрывами — по-суворовски провел он своих бойцов, пронес оружие.

Обрушились красные на тылы колчаковцев. Смяли. Разбили белых.

Бежали, отступали белые за реку, которая называлась Ай.

Шутили красные бойцы:

— «Ай!» — закричал Колчак.

Ворвались красные войска в Златоуст. Взяли затем Челябинск. Открылись для Красной Армии пути за Урал, в Сибирь.

Михаил Николаевич Тухачевский был одним из выдающихся полководцев гражданской войны. Ему так же, как и В. К. Блюхеру, в числе первых советских военачальников было присвоено звание Маршал Советского Союза. Так же трагически, как жизнь Блюхера, оборвалась и жизнь маршала Тухачевского. По несправедливому приговору он был расстрелян.

Сегодня мы низко склоняем голову перед памятью М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера и других жертв сталинского произвола.

КУРИЦУ ЯЙЦА УЧАТ

Весной 1919 года, в те дни, когда с востока на Советскую Россию шел адмирал Колчак, с запада против рабоче-крестьянской власти бросил свои войска генерал Юденич.

Красноармеец Тихон Свиридов был послан в разведку. Трое их послано: Тихон Свиридов, Трифон Вавилов и юный совсем боец по имени Вася Зайчик.

Задача разведчикам: захватить беляка, то есть кого-то из белых. Доставить пленного в штаб. Для получения о противнике сведений штабу нужен был срочно пленный.

Дождались разведчики ночи. Вышли в опасный поиск. Направляются в сторону белых. В трех верстах деревенька Лысая. Ночуют там белые. Ясно, у белых стоят дозоры. Кого-то из дозорных они и схватят.

— Лишь бы не пикнул!

— Лишь бы не крикнул!

— Мы его нежненько — по голове,— предлагает Василий Зайчик и на приклад винтовки глазами косит.

Идут бойцы к деревеньке Лысой. Молчат по дороге, каждый задумался о чем-то своем.

Тихон Свиридов — о своей деревеньке Коровий Брод.

Мать вспоминает. Как она там — Матрена Свиридова?

Отца вспоминает. Как он там — Дормидонт Свиридов?

Как братья? Как сестры? В руках у белых сейчас деревенька.

Дормидонт Свиридов — мужик из бедных. Гнула его судьба. Ломала. Вот Сидор Талызин, вот Пимен Загривок — эти другое дело. Сидор Талызин — кулак известный. Пимен Загривок владеет мельницей. Вот они, сельские богатеи. Как там у них дела?

Размечтался боец доро́гой. Вдруг выпадет так, представляет Тихон Свиридов, что именно их полку суждено пройти по родным местам. Войдет он в Коровий Брод.

«Здравствуй, маманя!»

«Здравствуй, папаня!»

«Сестры и братья — здрасте!»

Приблизились красные разведчики к деревне Лысой. Остановились. Замерли в темноте, в тишине. Наблюдают за деревенской околицей. Вот тут и должна быть охрана белых. И верно: видят бойцы — трое дозорных ходят.

— Ходят!

— Не спят!

— Шагают!

Трое. Лучше, конечно, если бы был один. А что, если схватить троих?

Заметили бойцы, что трое шагают рядом. Значит, главное — выждать момент удачи. Когда повернутся спиной беляки — это и есть момент.

Подкрались разведчики ближе к белым. Как повернулись спиной дозорные, набросились на них разведчики. По совету Васи Зайчика прикладами их пристукнули и тут же каждому в рот по кляпу.

Оттащили пленных от околицы. Пришли в себя белые.

Вот первый из них. Глянул Тихон и тут же ахнул: вот ведь судьба какая — Пимен Загривок у них в руках!

Вот пленный второй. Глянул Тихон и снова ахнул: вот ведь в жизни порой бывает — Сидор Талызин у них в руках!

Третий очнулся пленный. Глянул Тихон Свиридов да и застыл как мрамор — Дормидонт Свиридов, его родитель, у них в руках...

И отец на сына, словно на чудо, смотрит.

— Свят, свят...— закрестился старик Свиридов.

Ведут разведчики пленных в штаб.

Вот тут и должна быть охрана белых. И верно: видят бойцы — трое дозорных ходят.

Тихон Свиридов, как и быть-то ему, не знает. Наклоняется он к отцу:

— Как же это ты, папаня!

Молчит старик.

— Что же ты с белыми, батя, спутался?

— Цыц! — закричал старик.— Яйца курицу не учат!

Потом слегка отошел старик. Шагает, думает:

«И чего я вправду подался к белым, что я — Талызин, что я — Загривок? Видимо, черт попутал».

Чем ближе к штабу красных они подходят, тем больше светлеют мозги у старого:

— Ясно, что бес попутал.

А тут еще Тихон шепчет:

— Покайся в штабе, отец, покайся.

Разобрались, конечно, в штабе у красных, кто есть кто. Ясно: не враг Советской власти старик Свиридов. Отпустили его на все четыре стороны.

Да только он при сыне решил

остаться. Сам записался в Красную Армию. В обозном хозяйстве стал служить.

Доволен судьбой старик. Вот только нет-нет да и вспомнит сыну:

— Ну и паршивец: родителю в горло — кляп.

И еще об одном:

— Ну и время: курицу яйца учат.

МИЛЛИОН

Летом 1919 года разгорелось одно из самых ожесточенных сражений гражданской войны. С юга, с берегов Черного моря, начал поход генерал Деникин.

Белые захватили большую часть Украины, Крым, Северный Кавказ. Они шли на Курск, на Орел, на Воронеж. Главная цель у Деникина — взять Москву и уничтожить Страну Советов.

Белогвардейскому полку, который первым вступит в Москву, обещан миллионный приз.

Наделал шуму в деникинской армии этот приз. Командиры полков спокойного сна лишились.

Полковник Ордын-Нащокин одним из полков командовал. Ордын-Нащокины — дворяне. Еще при первых царях Романовых, при царе Михаиле Романове и Алексее Михайловиче, вошел в известность их древний род. Есть что вспомнить полковнику Ордын-Нащокину, есть чем гордиться. Служил он при царе Николае II в Петербурге в гвардейском полку. Был в Зимнем дворце обласкан. Даже с братом царя дружил.

Кому же, как не ему, не Ордын-Нащокину, первым вступить в Москву? Вступить и приз получить миллионный.

Полковник князь Шуйский тоже полком командовал. Кто же не знает Шуйских?!

Вот уж древний, не то что дворянский — боярский род. Еще до царей Романовых в силу они вступили. Давний предок Шуйских — Василий Шуйский сам был русским царем. Правда, совсем недолго.

Так кому же первым вступить в Москву? Конечно, ему, полковнику Шуйскому, его полку. Кому получить миллион? Конечно, ему, потомку Василия Шуйского.

Полковник Прохоров тоже полком командовал. Не такого Прохоровы древнего рода, как Шуйские, как Ордын-Нащокины. Даже не дворяне Прохоровы. Не дворяне, зато богаты. Фабриканты они, заводчики. Миллионеры. Новая сила России. Представляет Прохоров обещанный миллион:

— Денежка денежку любит. Миллионы идут к миллионам.

Кому, как не ему, не Прохорову, первым войти в Москву. К миллионам миллион прибавить.

Немало полков у Деникина. Немало полковых командиров.

Все достойный народ, значительный. Спорят командиры белогвардейских полков — кому же первым вступить в Москву. Спорят. Уверены — быть им в Москве, быть им в Кремле, быть им на Красной площади.

Много прошли километров деникинцы. Вот взят Курск. Вот вступили они в Орел. Немного совсем до Москвы осталось.

Дошли до Орла деникинцы. Двинулись дальше на Тулу. Вдруг остановка.

— В чем дело?

— Нам же в Москву!

— Нас ожидает приз!

Однако не смогли они дальше Орла продвинуться. Здесь, под Орлом, и разгорелись основные бои с Деникиным.

Остановился Деникин. Остановились полки. В мечтах миллион остался.

ЯН ФАБРИЦИУС

Еще в молодые годы друзья называли Яна Фабрициуса «Железный Мартин».

И вот:

— Железный Мартин!

— Железный Мартин прибыл!

Это передавалось среди белых солдат. Не только наши бойцы, но и наши враги не раз уже слышали о красном командире Яне Фабрициусе. Немало всяких легенд среди белых солдат о бесстрашном краскоме тогда ходило. И будто бы пули его не берут. (Хотя на самом деле семь раз был ранен в боях Фабрициус.) И о том, что не знает в боях поражений. (Что верно, то верно.) И о том, что небывало меткий стрелок Фабрициус. (И снова верно.) И даже о том, что будто бы вовсе не рядовой он в прошлом солдат (как было на самом деле), а бывший царский полковник. Любил его царь, а затем разжаловал. В Сибирь сгоряча отправил.

Действительно, немало лет в Сибири провел Фабрициус. Вот так сложилась его биография. Родился Ян Фабрициус в Латвии, в семье батрака, крестьянина. Здесь он учился, работал, вступил в партию большевиков. В Риге, в Виндаве (теперь это город Вентпилс) вел революционную работу.

За революционную работу и погнали его в Сибирь. Побывал он на суровой сибирской каторге. А затем был оставлен на вечное здесь поселение. Многому научился в Сибири Фабрициус. И на охоту ходить, и метко стрелять, и людей уважать, и не бояться сибирской стужи.

Ян Фабрициус был среди тех, кто с первых же дней создания Красной Армии стал одним из ее командиров. Сражался с немцами под Гдовом, у Пскова, в Эстонии, в Латвии. Бился с войсками Юденича. Прибыл теперь под Орел. Начал бои с Деникиным.

Всю гражданскую войну прошел Ян Фабрициус. Отличался он исключительной смелостью. Лишь четыре человека за всю историю гражданской войны были удостоены четырех орденов Красного Знамени. Это Ян Фабрициус, Иван Федько, Василий Блюхер, Степан Вострецов. Среди этой когорты отважных Ян Фабрициус был первым. То есть именно ему первому в нашей стране было вручено четыре ордена Красного Знамени.

КОМАНДИР ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛКА

Многие прославились в боях с Деникиным. Среди отважных — и Лайош Гавро.

— Лайош Гавро?

— Что за имя? Откуда фамилия?

Лайош Гавро по национальности венгр. Командовал он Интернациональным полком. Не только венгры, но и чехи, и словаки, и немцы, и поляки боролись за Советскую власть в составе этого полка.

Вступит во время похода полк в деревню. Размещаются красноармейцы на ночлег. Поражаются сельские жители:

— И немцы?

— И немцы,— отвечал Лайош Гавро.

— И чехи?

— И чехи.

— И словаки?

— И словаки.

— И поляки?

— И поляки.

— Целый Интернационал!

— Потому и полк Интернациональный,— отвечает Гавро.

С любопытством посматривали крестьяне на красноармейцев-интернационалистов. Ребята сбивались в кучки, гадали, кто из пришедших чех, кто словак, кто поляк. Друг дружке потом докладывали:

— А у нас в избе на постое немец.

— А у нас два поляка.

— А у нас и венгр, и словак.

Сельские старики и те не безучастны к приходу интернационалистов. Сами солдатами были в прошлом. Обращаются к Лайошу Гавро:

— Как же команды они понимают?

— Понимают! Отлично, отцы, понимают,— отвечает Лайош Гавро.— Без промаха беляков бьем.

Не один Интернациональный полк был в Советской России в годы гражданской войны. Сражались интернационалисты на Восточном фронте против Колчака. Бились в других местах. Сражались и здесь, на юге, против Деникина.

Когда войска генерала Деникина наступали, полк Лайоша Гавро держал оборону в районе Киева.

Опасались белые встреч с интернационалистами. Знали и про Интернациональный полк, и про его командира Лайоша Гавро.

— Здесь Лайош Гавро! Здесь Лайош Гавро! — передавалось среди деникинцев.

Когда разбили Деникина под Орлом, когда погнали на юг деникинские войска, Интернациональный полк Лайоша Гавро вновь оказался под Киевом.

— Здесь Лайош Гавро? Лайош Гавро! — вновь с тревогой передавали друг другу белые.

Не зря опасались белые. С напором, умело сражались интернационалисты. В числе первых ворвались в Киев.

Любил Лайош Гавро свой многонациональный полк, своих бойцов-интернационалистов, ценил братство, отвагу, революционный пыл.

Двумя орденами Красного Знамени был награжден Лайош Гавро за свои подвиги в борьбе за Советскую власть в России.

Во всех частях Красной Армии знали имя отважного красного командира-интернационалиста, называли: «Товарищ Гавро».

БРАТУХА

Упорные длительные бои между красными и белыми шли на Дону. Заволновались, забушевали донские степи, загуляли между Донцом и Доном свинцовые сквозняки. Раскололся Дон на левых, на правых, на красных, на белых, на тех, кто за власть Советов, на тех, кто Советам смертельный враг.

Места здесь привольные. Дали широкие. Люди отважные. Кони быстрые. Несутся в степи кавалерийские команды:

— В лаву стройся!

— Марш, марш, вперед!

— Пики к бою!

— Шашки вон!

Сбиваются всадники в жарких схватках. Пыль от лошадиных копыт столбом.

Был у красных в конном полку боец Иван Прищепа. Все братом хвастал. Потерпят красные в бою поражение:

— Э-эх, не было тут братухи.

Одержат победу красные:

— Э-эх, был бы братуха, успех — вдвойне.

Другие с вопросом к Прищепе:

— Где же такой герой?

— У красных,— твердит Прищепа.

Ошибался казак. У белых служил братуха.

И вот как-то сшиблись братья в одном бою.

— Петр! — закричал Иван.

— Иван! — отозвался Петр.

Видит Иван, что у белых Петр. Видит Петр, что Иван у красных.

— Братуха, братуха! — кричит Иван.

— Волк тебе брат,— отвечает Петр.

Бой всадников — жуткий бой. Сходятся кони: морда к морде, узда к узде. Сходятся люди: сабля к сабле, плечо к плечу. Лошади в хрипе. В неистовстве всадники. Сабли разят, как молнии.

— Братуха, братуха! — кричит Иван. Отводит удары брата.

— Черт тебе брат,— отвечает Петр. И новый удар наносит.

Кончилась схватка красных и белых. С рассеченным плечом вышел из боя Иван Прищепа.

Не вспоминал с той поры он брата.

— Где ж твой братуха? — спрашивают бойцы.— Почему забыл? Слова о нем не скажешь?

Промолчал про недобрую встречу Иван Прищепа. Промолчал, что сразил он в кавалерийской стычке метким ударом брата.

Случалось тогда порой такое и на Дону, и в других местах. Не сходились во взглядах люди. Брат шел на брата. Отец на сына. Сложное было время.

ЖЕСТОКОЕ ВРЕМЯ

Наступает Красная Армия. Теснит Деникина. Движется вперед. Да не все просто. Не все как на ровном поле.

Немало силы еще у белых. Огрызаются белые. Сами идут в атаки.

Продвигаясь к Ростову, под удар конницы белых попала одна из красных бригад. Сражались упорно красные. Да силы неравные. Всю злобу свою белые на красных бойцов обрушили.

Врезались белые в цепь бригады. До последнего, до последних сил сражались красные. 900 человек погибло. Сто израненных были схвачены белыми в плен.

Построили белые красных бойцов. Ненавидят они больше всего комиссаров, больше всего большевиков, больше всего командиров.

Решили белые расстрелять большевиков и комиссаров.

Требуют от бойцов:

— Кто большевики?

— Кто комиссары?

Молчат бойцы.

Пригнали белые пленных на станцию Приволье.

Снова ведут допрос:

— Кто большевики?

— Кто комиссары?

Дали клятву бойцы молчать.

И вдруг вышел вперед один. Неужели нарушит клятву?!

Глянул боец на небо, на синь, на даль. Глянул гордо на белых:

— Все большевики, все коммунисты!

Рассвирепели белые. Направили на красных винтовки. Выскочил вперед офицер, закричал:

— В последний раз спрашиваю: кто большевики, кто комиссары?

— Все большевики! — как эхо прокатилось в ответ.

— Пли! — закричал офицер.

Расстреляли белогвардейцы красных. Всех до одного. Всех сто человек.

Нет теперь станции Приволье. В память о погибших здесь красных бойцах станцию назвали Красная Могила.

Не утихает гражданская война. Гибнут красные. Гибнут белые.

Суровое время. Жестокое время. Кровавый след по России стелется.

ВЫСШИЙ ЗАКОН

Разбит на востоке адмирал Колчак. Разбит на западе генерал Юденич. На юге Красная Армия разгромила войска Деникина.

Казалось, вот-вот — и конец войне. Однако иностранные капиталисты еще раз попытались уничтожить первое в мире рабоче-крестьянское государство.

Новые силы брошены против Советской России. Главная сила в них — войска генерала Врангеля.

Вновь задули свинцовые ветры. Вновь зашагала смерть по полям России.

Стоял сентябрь 1920 года. Армии генерала Врангеля наступали с юга, из Крыма.

Командующим Южным фронтом был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Его срочно вызвали в Москву на важное заседание.

Фрунзе торопился, но опоздал. Когда он прибыл в Кремль, заседание уже началось. Председательствовал Владимир Ильич Ленин.

Приоткрыв дверь в зал заседаний, Фрунзе в нерешительности остановился.

— Проходите, товарищ Фрунзе, проходите. Садитесь,— проговорил Владимир Ильич.

Фрунзе тихонько прошел в комнату и сел на свободный стул.

Вскоре ему передали крохотную записку: «Точность для военного человека — высший закон! Почему опоздали?»

Записка была от Ленина.

Когда заседание окончилось,

Фрунзе подошел к Владимиру Ильичу.

— Владимир Ильич...

— Не объясняйте,— остановил его Ленин.— Все знаю. Мне уже доложили — опоздал поезд. Не сердитесь на меня за записку.

— Да что вы...

— Вот и хорошо,— Ленин взял Фрунзе под руку.— Михаил Васильевич, скажите, когда вы собираетесь приступить к операции по разгрому Врангеля, хотя нет, это не главное: когда вы смогли бы ее завершить?

Фрунзе знал, что беспокоит Владимира Ильича. Приближалась зима — неужели еще одна военная зима, тяжелая военная зима?

Ленин стоял и терпеливо дожидался ответа.

— К декабрю, Владимир Ильич,— наконец произнес Фрунзе.

— К декабрю? А успеете?

— Успеем, Владимир Ильич. Нужно успеть,— тихо проговорил Фрунзе.

— Нужно. Вы не представляете себе, как нужно,— так же тихо ответил Ленин.

И вот Южный фронт. Вооруженные танками, самолетами, пушками, белые рвутся на север.

Владимир Ильич внимательно следит за обстановкой. В кабинете у Ленина висит карта. Он не только в курсе боевых действий, но и постоянно наблюдает за тем, как идет переброска подкреплений и воинских эшелонов. Он требует: немедленно дать на помощь Южному фронту знаменитую Первую Конную армию. Настаивает на срочном создании Второй Конной армии. Добивается переброски на Каховку лучших, сибирских дивизий.

И так же, как в прежние годы:

— Как со снарядами? Как с патронами? Хорошо ли бойцы одеты? Какой у бойцов паек?

Даже ночью он продолжает диктовать телеграммы.

В ответ на заботу Ленина Южный фронт рапортует делом: «Наступление белых приостановлено! Врангель поспешно отходит в Крым!»

Войска Фрунзе подошли к Перекопу. Разбили Врангеля в главном бою. Сбросили белых в море.

К середине ноября, на две недели раньше того срока, о котором говорил Михаил Васильевич, Крым становится вновь советским. «Южный фронт ликвидирован»,— телеграфировал Фрунзе Ленину.

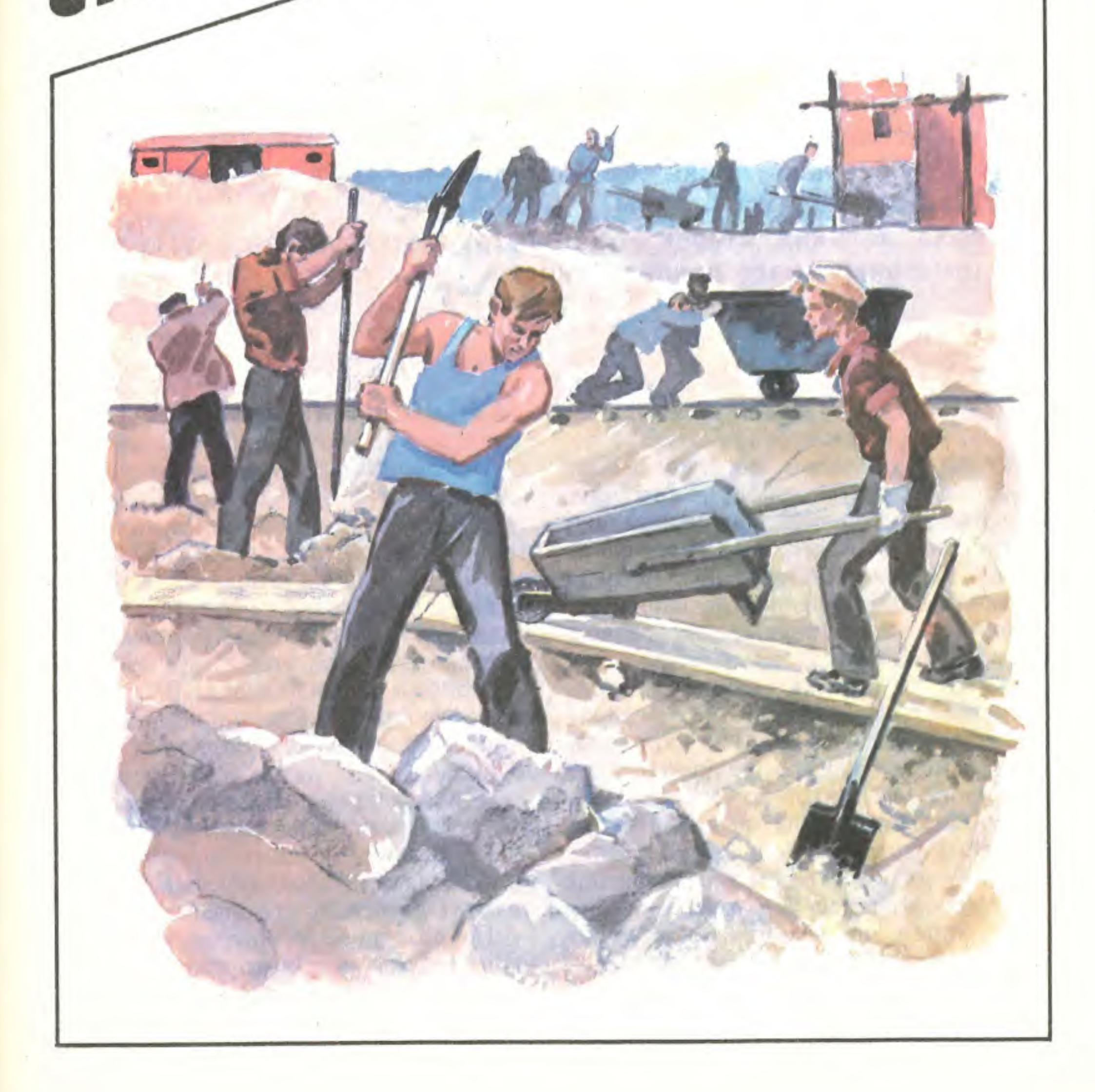
Вскоре командующий Южным фронтом опять повстречался с Владимиром Ильичем.

— Поздравляю,— проговорил Ленин.— Сдержали слово. Не подвели. Уложились блестяще в сроки.

Фрунзе улыбнулся, полез в карман и протянул Владимиру Ильичу крохотную бумажку.

«Точность для военного человека — высший закон!» — прочитал Ленин свою записку.

РАССКАЗЫ О ЗНАМЕНИТЫХ СТРОЙКАХ

Рабочие и крестьяне, взявшие в октябре 1917 года власть в свои руки, мечтали видеть Советскую Родину передовой, экономически сильной державой.

Для этого надо было много работать. Построить новые заводы и фабрики, открыть новые шахты, возвести новые электростанции, проложить сотни километров новых железнодорожных путей.

Прошло несколько лет. Страна залечила раны, нанесенные мировой и гражданской войнами. Начались годы первых пятилеток. По всей стране развернулось огромное промышленное строительство. Вот лишь некоторые из наиболее крупных сооружений той бурной строительной поры: Магнитогорский металлургический комбинат на Урале, Днепрогэс — гигантская электростанция на Днепре, Турксиб — железная дорога, соединившая Сибирь и Среднюю Азию, Комсомольск-на-Амуре — новый город на Дальнем Востоке страны.

Эпоха великих строек — наши трудности и наши успехи — вот тема очередного раздела книги.

СРОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Терялся Сулимов в догадках. Жил и работал он в городе Златоусте, и вдруг — срочное предписание из областного города Свердловска: сдать товарищу Сулимову Андрею Ивановичу немедленно все свои служебные дела и с первым же поездом выехать в Свердловск.

«Что же такое?» — силится представить себе Сулимов.— «Немедленно сдать дела». Да разве их сдашь немедленно: Сулимов не студент, не школьник, не какой-то там мелкий служащий, руководит он в Златоусте большим хозяйством. Как же так, чтобы — раз, и хозяйство бросить?!

«Что же такое?» — думает Сулимов. Зачем вызывают так срочно в Свердловск? Будут бранить? Недовольны работой? Кто-то жалобу на Сулимова написал?

Не знает Сулимов вины за собой. Совесть чиста, как снега на полюсе.

«В чем же дело?» — гадает Сулимов. Предписание есть предписание. Пришлось Сулимову сдать дела.

Сел он в поезд. Тронулся поезд. Гудит. Пыхтит. Едет Сулимов в Свердловск.

Прибыл в Свердловск. Вызывают его к начальству.

— Здравствуйте, товарищ Сулимов.

— Здравствуйте!

— Рады вас видеть.

И дальше слышит Сулимов хорошие слова в свой адрес. Ясно Сулимову: не ругать его вызвали.

Похвалили Сулимова за его хорошую работу в Златоусте. Тут же в кабинете находился незнакомый Сулимову человек.

— Знакомьтесь,— говорят Сулимову и показывают на незнакомого человека.— Представитель Магнитостроя.

Прошла минута, и узнал наконец Сулимов, зачем его вызвали в город Свердловск.

— Есть предложение откомандировать вас на строительство Магнитогорского металлургического завода,— сказали Сулимову.

Знал уже Сулимов, что Советским правительством недавно принято решение на Урале в районе горы Магнитной, у станицы Магнитной, приступить к строительству огромного завода. Знал, да никак не думал, что это постановление и его коснется. А тут вот как все повернулось: собирайтесь, товарищ Сулимов,— вас стройка огромная ждет.

ПЕРВЫЙ ГОД

— Раз, два — ухнем! Раз, два — ухнем!

Это люди в упрямую землю вбивали колья.

— Раз, два — взяли! Раз, два — взяли!

Это люди натягивали брезентовое полотно.

На Магнитке устанавливались первые палатки. Одна выросла, вторая, третья. Палатки большие, вместительные. Нары стоят в палатках. Оконца налево, направо смотрят.

Приезжают на Магнитку все новые и новые строители. Не хватает для всех засыпных бараков. Вот и стали в степи возводить палатки. Все больше палаток, все больше. Вырос целый палаточный городок. Свои здесь кварталы, свои здесь улицы.

Суровым для строителей выдался первый год. Морозы ударили ранние. Стужа стояла лютая. Три с половиной тысячи первых строителей Магнитогорска зимовали в тот год в палатках.

В числе других и Егор Смертин. Крепким был с виду. Веселый нравом. Избрали его старшим по палатке. Много забот у старшего.

Морозы в ту зиму доходили до сорока градусов.

Войдет с мороза Смертин в палатку:

— Хорошо, хорошо. На морозе кровь веселей играет.

Завывали кругом метели.

— Ну и проклятье,— кто-нибудь скажет.

— Песни степные,— Смертин отшутится.

Выпадали снега метровые.

Улыбнется опять Смертин:

— Э-эх, красота какая!

Соберутся в палатке люди. Железная печка стоит в палатке. Называют ее «буржуйкой». Целые сутки гудит «буржуйка». Однако прок невелик от подобной печки. Стань ты с ней рядом — словно бы в Африке. Сделай шаг от «буржуйки» в сторону — словно бы прибыл на Северный полюс.

Редко кто ропщет из строителей. Понимают: с чистого поля начинается стройка. Не приготовили здесь хором.

В шапках-ушанках ночуют люди. В полушубки, в тулупы, в фуфайки зарываются, словно в норы.

— Ближе друг к другу,— командует Смертин.

Прижимаются люди теснее друг к другу. Согревают телами один другого.

Завывает метель снаружи. Карусель бесконечную кружит. Стужа волком голодным шарит.

Не для робких зимовать на ветру в палатке. Врывается ветер под брезентовый полог:

— Кто там на нарах?

— Герои Магнитки!

Насупил брови свои мороз. Ветер гудит и пляшет.

— Осилим упрямцев.

— Сломим упорных.

Разбушевалась кругом стихия. Крепчает мороз. Сам до костей промерзает.

Устали мороз и ветер.

— Вот так парни! — сказал мороз.

— Вот так люди! — присвистнул ветер.

— Кто там на нарах?

— Герои Магнитки!

Современный Магнитогорск — большой, цветущий, красивый город. Трудно даже себе представить, что начинался город с бараков, с землянок, что Магнитогорск той поры — это город сплошных палаток.

Прошли годы, однако и сейчас в городе в самом центре стоит палатка. Не страшны ей ветры, морозы, заносы. Из бетона палатка. Это благодарная память тем, кто первым приехал тогда на Магнитку. Это палатка-памятник.

ПРАВЫЙ БЕРЕГ, ЛЕВЫЙ БЕРЕГ

Братья Зуевы — Иван и Кузьма — с Оки, из-под города Мурома, из села Карачарова. Вместе на Магнитку, на стройку прибыли.

Нашелся на стройке один всезнайка:

— Карачарово? Карачарово? На Оке? Под Муромом? Стой! Стой! Карачарово?! Да не родина ли это знаменитого былинного богатыря Ильи Муромца?

Улыбаются братья:

— Так точно. Родина!

Прозвали на стройке Зуевых Муромцами. Глянешь на братьев — и верно, богатыри. Плечи широкие. Рост высокий.

Подсчитали ученые, что Магнитогорскому заводу для нормальной работы понадобится в сутки 70 миллионов ведер воды. Где же взять для завода такое море? Правда, рядом река Урал. Однако здесь в районе Магнитки ее верховья. Ширина реки невелика. А летом в сухую пору и вовсе Урал мелеет. Станешь на разных его берегах — чуть ли не за руку поздороваться друг с другом можно.

Не будет воды. Не сможет завод работать. Выход один. Перегородить Урал плотиной, создать искусственное озеро, вместительный водоем.

Произвели инженеры нужный подсчет. Километр — вот длина плотины.

На строительство плотины и попали братья Зуевы.

Начали строить плотину сразу с двух берегов, с правого берега, с левого берега.

Предложили строители между бригадами, работающими на разных берегах, устроить социалистическое соревнование. Бригад несколько. Получилось так, что братья Зуевы оказались в разных бригадах. Иван — в одной из тех, что работали на левом берегу, а Кузьма — в одной из тех, что сооружали плотину на правом.

Закончились первые пятнадцать дней работы. Напряженных, тяжелых дней. Простые лопаты, деревянные тачки — вот почти и все, чем владели

тогда строители. Подвели люди первые итоги соревнования. Победителями вышли те, кто работали на левом берегу Урала.

Для победителей ввели Красное знамя. Установили знамя на левом берегу. Развевается знамя на ветру, полощется.

Довольны победители, шутят:

— Это потому, что у нас есть Муромец!

Обидно тем, кто работал на правом берегу:

— И у нас есть Муромец!

Приналегли они на работу. Прошло десять дней. Снова комиссия проверила итоги соревнования. Вышли на этот раз вперед строители правого берега.

Перекочевало знамя с левого берега теперь на правый. Развевается знамя на ветру, полощется.

Растет плотина. Соревнуются между собой строители. Взвивается Красное знамя то на правом, то на левом берегу.

Трудятся герои, не зная устали. Бригада Виктора Колмыкова, бригада Нурзулы Шайхутдинова, бригады Романова, Губарева, Сагадеева, Сабунаева. Растет плотина не по дням, а по часам.

Растет плотина. Соревнуются между собой строители. Взвивается Красное знамя то на правом, то на левом берегу.

В два приема сооружали плотину: осенью 1930 года и весной 1931 года. За 148 рабочих дней поднялась плотина-гигант на пути Урала.

Смотрят люди на героев-строителей:

— Ильи Муромцы! Настоящие богатыри!

РАСПОРЯЖЕНИЕ СВЫШЕ

На Магнитострое шло сооружение Центральной электростанции. Начался монтаж первой турбины. Напряженными, горячими были дни.

Приступила первая бригада к работе. Интересуются монтажники, кто из инженеров будет у них ответственным по монтажу:

— Кто с нами?

Отвечают:

— Инженер Владимир Фастовский.

Отработала, сменилась бригада, пришла другая. Интересуются и здесь монтажники, кто из инженеров будет у них ответственным по монтажу:

— Кто с нами?

Отвечают:

— Инженер Владимир Фастовский.

Третья бригада приступила к работе.

— Кто с нами?

— Инженер Владимир Фастовский.

Отработал Фастовский три смены подряд. Немного передохнул. Вновь отработал три смены. Снова отдых, и снова — три смены.

Да и не только один Фастовский. Многие инженеры, техники, бригадиры, простые строители по 20, по 30 часов не покидали своих рабочих мест. Начальнику строительства даже пришлось отдать специальное распоряжение, запрещающее столь длительные переработки.

Не помогло распоряжение.

Явился на стройку электростанции какой-то важный администратор. Тоже заговорил о распоряжении.

— Чье, чье распоряжение? — спрашивают нарушители.

— Самого начальника строительства товарища Гугеля.

— А у нас есть распоряжение свыше,— отвечают строители.

— Какое распоряжение?! Чье? Откуда? — поразился администратор.

Улыбаются строители.

— Так чье распоряжение? — допытывается администратор.

Не выдержал тут монтажник Валерий Носик. Наклонился к администраторскому уху.

— Чье распоряжение? Собственной совести!

Не расслышал, не понял администратор:

— Какие повести?

— Распоряжение человеческой совести,— уточнил Носик.

По расчетам специалистов на монтаж турбины отводилось три месяца. Строители электростанции выполнили эту работу в три раза быстрее — за тридцать дней.

Не жалеют люди труда, усилий. Понравилось строителям выражение «распоряжение свыше».

Чуть что:

— Распоряжение свыше! Распоряжение свыше!

Распоряжение совести — выше не может быть.

ПАМЯТИ КРУТЯКОВА

Не все так просто. Не все так гладко...

На Магнитогорском металлургическом комбинате сооружалось четыре домны. Одну из них строители называли «Комсомолкой». Называли так потому, что возводили ее магнитогорские комсомольцы. Такого права молодые комсомольцы добились упорным своим трудом.

В числе строителей «Комсомолки» был и комсомолец Михаил Крутяков.

На одном из верхних ярусов домны на сорокаметровой высоте шел монтаж тяжелых металлических листов. Поднимали монтажников на высоту в специальных устройствах — люльках. Внизу на земле находилась лебедка, которая с помощью троса и тянула люльку вверх. Вот и Михаил Крутяков в тот день работал, находясь в одной из таких люлек-корзин. Был он клепальщиком. Соединял металлические листы. Рядом в такой же люльке расположился второй рабочий.

День был летний, солнечный, тихий. И вдруг пробежал ветерок. Пять гор окружают Магнитогорск. На востоке, за горой Атач, чуть потемнело небо. Все гуще, все темнее на небе краски. Все сильнее, сильнее ветер.

Знают опытные люди — будь осторожен в такие минуты. Если насупила брови гора Атач, это предвестник бури.

Еще злее ударил ветер. В бешеной ярости заметался. Забеспокоился сосед Крутякова. Сорокаметровая высота не для встречи с бурей.

— Миша! — закричал.— Миша!

Предлагает спуститься вниз. Впрочем, и сам Крутяков сознает: да, конечно, надо бросать работу.

— Хорошо,— сказал Михаил,— спускайся. Я следом.

Сказал, что будет спускаться, однако чуть задержался. Не успел он полностью укрепить новый лист. Охватило его беспокойство. Неладное может случиться. Не удержится, сорвется вдруг тяжелый лист под напором ветра. Много беды наделает. Схватил Крутяков клепальный молоток. Ставит новые заклепки, торопится. Про себя приговаривает:

— Еще одну, еще одну, еще одну...

Справился Михаил Крутяков с работой. Доволен. Радостно улыбается.

В эту минуту с новой силой ударил ветер. Качнулась люлька в одну сторону, в другую. Еще раз качнулась. Казалось, на секунду замерла, остановилась. И вдруг... Не удержалась на тросе люлька: сорвал ее ветер — рухнула камнем вниз.

Оборвалась жизнь комсомольца Михаила Крутякова.

Горевали в те дни на Магнитке. Дали молодые строители клятву в память о своем погибшем товарище точно в срок завершить сооружение комсомольской домны. Сдержали комсомольцы свое слово.

Поднялась до самого неба домна. Трудовой памятник Крутякову.

ГРАБАРКА, КАТЕРИНА И МАГНИТ

Грабарка — это телега. Особая. Удобная для перевозки земли. Устроена она так, чтобы при разгрузке ее было легко опрокидывать. Незаменимыми на земляных работах были в те годы грабарки. Даже специальная профессия существовала — грабари.

Вот и Исай Каширин тоже был грабарем. Тоже имел телегу-грабарку. Лошадь имел. Звали ее Катя, Катерина. На редкость смышленой была Катерина.

Не ржет по глупости.

Не лезет, куда не надо.

Сама знает, когда надо подать вперед или чуть назад грабарку.

Знает, где надо остановиться, чтобы пропустить на узкой строительной дороге встречного.

Появился Исай Каширин впервые со своей Катериной на Магнитке летом 1929 года, еще в самом начале строительства Магнитогорского комбината. Только стали на Магнитке возводить первые бараки-домики, только подвели железную дорогу от станции Карталы. Заложили первый завод Магнитки — кирпичный. Здесь на расчистке участка под кирпичный завод и работал Исай Каширин со своей Катериной.

Как правило, грабари приезжали работать на Магнитку лишь на летний сезон. Так и Исай Каширин. Отработал он здесь все лето, до осени, а затем появился вновь лишь весной следующего, 1930 года.

Тут и случилась у Катерины радость — родился у лошади жеребенок. Встал на хрупкие ножки. Глянул на белый свет, на людей. Заржал. Был он первенцем на Магнитке.

— Появился. Здравствуй! — сказали люди.

Сообща думали об имени. Назвали его Магнит.

Семенил он за грабаркой, за Катериной. Когда заканчивалась работа и грабари располагались в степи на ночлег, резвился в поле между телегами.

— Ну и ну,— поражается Исай Каширин.— Жеребенок в лошадь еще не вырос, а тут такой гигант отмахали. Чудеса!

Смотрит Исай Каширин на Магнита:

— Через два года будет новый работник. Будет!

Быстро промчалось лето 1930 года. На Магнитке было закончено строительство кирпичного завода. Началось возведение плотины через реку Урал. Развернулись земляные работы на площадке Центральной электростанции. Состоялась закладка первой доменной печи. Поползли вверх стены первого капитального дома.

Наступила опять осень. Покинули Исай Каширин, Катерина и Магнит Магнитку. Появились здесь вновь лишь будущей весной. Подрос заметно за это время Магнит. Смотрит на Магнита Исай Каширин:

— Еще год, сам здесь работать будешь.

Боевым выдался на Магнитострое 1931 год. Было закончено строительство плотины через реку Урал. В октябре дала первый ток Центральная электростанция. Полным ходом сооружалась рудодробильная фабрика. Росли коксовые батареи. Ввысь потянулась и первая домна, а следом за ней вторая — «Комсомолка». Расчищались площадки для строительства следующих домен — третьей и четвертой.

Вновь наступила осень. Вновь простился с Магниткой Исай Каширин. Прибыл сюда весной 1932 года. Прибыл. Глянул по сторонам и не узнал Магнитки. Разрослась Магнитка. Расстроилась. Куда ни повернешь голову, везде заводские громады высятся.

А вскоре и вовсе Каширин ахнул. Пока он отсутствовал, на Магнитострое не только завершили возведение первой домны, но и первая домна дала металл.

Смотрит Каширин по сторонам, смотрит на свою грабарку, на Катерину, на Магнита.

— Ну и ну,— поражается Исай Каширин.— Лошака опередили. Жеребенок в лошадь еще не вырос, а тут этакий гигант отмахали. Чудеса! Посмотрел еще раз на Магнита:

— Обскакали тебя, Магнит.

СЛУЧАЙ НА ДНЕПРОГЭСЕ

Из Центральной России с севера к югу, к южному, к теплому, к Черному морю несет свои воды красавец Днепр. Бежит, бежит. То к лесу прижмется, зашепчется с лугом, то проплывет полями. Бежит, бежит, торопится к югу Днепр.

Пробежал он Россию:

— Привет, Белоруссия!

Пробежал Белоруссию:

— Привет, Украина!

Все реже, все реже теперь леса. Все ближе и ближе море.

Здесь, в южной части Днепра, у знаменитых Днепровских порогов, советские люди решили построить гигантскую электростанцию.

Бригада Прасковьи Канцелярист была одной из наиболее прославленных на Днепрострое. Собрались в бригаде девушки. Крепкие, веселые. Работа у них ответственная — бетонщицы.

Приехала на Днепрострой и Клава Сметанкина.

Посмотрели на Клаву, сказали:

— Есть у нас Паша Канцелярист. К ней пойдешь работать.

И вдруг Клава:

— Не пойду.

— Как не пойдешь?

— Не пойду,— повторяет Клава.

Не сообразила Клава, что «Канцелярист» — это фамилия. Решила, что

Паша, к которой ее посылают, работает в канцелярии. Значит, и ее, Клаву, посылают на работу с письмами и бумагами. Клава же хотела трудиться на настоящей стройке.

— Не пойду! — убежденно сказала девушка.

— Ну смотри.

Подобрали другую работу Клаве. Послали к Анне Потаповой. А Потапова как раз ведала делами учета. Разные толстые тетради и учетные книги у нее, различные бланки и накладные.

Дает Потапова Клаве карандаш, тетрадку, говорит: пойдешь в бригаду к бетонщицам, запишешь последние показатели.

— Вот так попала! — ужаснулась Клава. Мечтала она работать на самых главных участках гигантской стройки, а тут — на тебе! — вроде посыльная.

Взяла карандаш, тетрадку, пошла к бетонщицам.

Встретили ее в бригаде хорошо:

— А, новенькая!

— Ну, пиши, пиши!

Записала Клава разные сведения: сколько замесов бетона за смену произвела бригада, сколько намечено было по плану, сколько за смену выполнено.

— Давай распишусь,— сказала одна из бетонщиц, видимо старшая.

Потянулась к карандашу, вывела — Прасковья Канцелярист.

Глянула Клава, не сдержалась — ойкнула.

— Что с тобой? — спрашивает Паша Канцелярист.

— Да так,— ответила Клава. И снова ойкнула. Засуетилась. Взяла тетрадку. Побежала назад.

Отнесла она карандаш и тетрадку Анне Потаповой. Заспешила к тем, кто определял ее на работу:

— Согласна, согласна,— посылайте в бригаду к Прасковье Канцелярист!

Поражаются люди, что за чудная такая девчонка.

— Смотри, вновь не передумаешь?

— Нет, нет, не передумаю.

Стала она трудиться там, где сложнее, там, где труднее, где хотела Клава.

«КОЗА»

Стройка есть стройка. Существуют тут свои термины и словечки. Новенький не сразу, что к чему, и поймет.

Прибыл на Днепрострой Иван Горелов. Посмотрели — парень крепкий, плечистый. Говорят ему:

— Будешь с «козой» ходить.

Опешил Горелов. Думает — шутят. Даже хотел обидеться.

— С «козой»,— вполне серьезно говорят Горелову.— А потом посмотрим.

Поразился Горелов: «Здесь на стройке коза?!» Спрашивает:

— Что с ней делать?

— Как что? Таскать.

— Как таскать?

— Как? На плечах,— отвечают Горелову.

Был он от природы человеком скромным и застенчивым. Не стал выспрашивать подробностей. Направился туда, куда был назначен,— к десятнику-строителю Сергею Александровичу Сизову.

— С «козой» ходил? — спрашивает Сизов.

— Ходил,— отвечает Горелов.

— Вот и прекрасно.

— Три года ходил,— уточняет Горелов.— Давно, правда, в детстве. Коза у нас ненасытная была. Все в чужие огороды лезла. Бодливая. С норовом.

Поднял Сизов на Горелова глаза. Понял, что Иван Горелов со строительными делами раньше связан не был. Смотрит на молодого парня. Хохочет.

Объяснил Сизов Горелову про строительную «козу». Оказывается, это такое особое приспособление, специальный станок для переноски кирпича. Надевается «коза» на плечи. На нее и накладывается кирпич.

Труд строителей в те годы был очень нелегким. Рабочие, которые переносили на своих плечах кирпичи, зачастую поднимались с ними на большую высоту. Изнывает после такой работы спина. Гудят, гудят плечи. Пришлось хлебнуть тяжелого труда и Ивану Горелову.

Однако прошло время, и на Днепровской стройке стали появляться подъемные краны. Один. Второй. Затем сразу несколько. А вскоре уже и десятки подъемных кранов работало на Днепрострое. Ивана Горелова послали на курсы. Закончил. Стал работать машинистом подъемного крана. Ловко это у него получалось. Даже сам десятник Сергей Александрович Сизов восхищался. Подойдет, спросит:

— Ну, как «коза»?

Посмотрит Иван Горелов на мощную подъемную машину, по металлу рукой похлопает.

— Отличная «коза»,— ответит. Рассмеется, добавит: — Послушная и не бодливая.

НЕРОДИГРЕЧКА

Разные бывают у людей фамилии. Был на Днепрострое бригадир по фамилии Неродигречка. Возглавлял он бригаду каменотесов. Бригада отличная, передовая. Все время на виду. На виду и бригадир со своей фамилией.

Только и слышно:

— Неродигречку к прорабу!

— Идите к Неродигречке.

— Поздравляем с успехом, товарищ Неродигречка!

Свои привыкли. Однако для приезжих, для новых странно звучит фамилия. Сразу вопросы:

— Откуда пошла фамилия?

Объясняет Неродигречка. Сам он здешний, с мест приднепровских. Любит Неродигречка родимый край. Солнца здесь много. Места привольные. Да вот беда — ветры гуляют знойные. Не хватает воды полям. Если дожди задержатся, где-то в пути просыпятся,— гибнет здесь гречка, гибнет здесь просо. Выгорают пшеница, рожь. Видать, несладко здесь пришлось бригадировым предкам. Неспроста объявилась такая фамилия. Есть и другие в этих местах фамилии — Неродипросо, Неродирожь...

Не один, выходит, на свете Неродигречка. Нижнее Приднепровье — ненадежный, не всегда урожайный край.

Когда создавался проект Днепровской гидроэлектростанции, люди и об этой проблеме думали. Поднимется плотина. Поднимется вода в Днепре. Создастся целое Днепровское море. Пойдут от моря каналы в степь. Побежит по каналам вода на поля и колхозные земли.

Так и получилось, когда построили Днепрогэс. Не только электрический ток устремился по проводам на заводы и фабрики. Но и днепровская вода пришла на поля Приднепровья.

6. Зак. 2515 С. П. Алексеев

Стояли, смотрели на дело человеческих рук строители. Кто-то сказал:

— Быть урожаю.

И сразу другие:

— Роди гречка!

— Роди просо!

— Роди рожь!

— Наливайся соком пшеничный колос!

Тут же со всеми стоял Нероди-гречка.

Повернулись строители к бригадиру:

— Срочно меняй фамилию.

АНТИП И АГРИППИНА

На окраине большого села километрах в десяти от Днепра на старой, когда-то громом разбитой липе жил аист. Даже имя имел — Антип. Была у него аистиха. Звали ее Агриппина.

Выводили они аистят. Важно ходили по недалекому лугу. Протекал там ручей. Рядом болотце было. В болотце лягушек — хоть океан пруди.

Нравились Антипу эти места. И Антип с Агриппиной всем очень нравились.

Оберегали их на селе. Считали, что аистиная семья приносит всем селянам и удачу и счастье.

Когда наступала весна, все с нетерпением ожидали прилета аистов. Ждали и в ту весну. Ждут. Ждут. Не прилетает что-то Антип. Не появляется Агриппина.

Что такое?! Волнуются на селе. Может, в заморских странах с ними беда случилась? Может, в пути кто-то обидел птиц?

Мальчишки на небо в сто глаз смотрели. Старая Ковбасиха — местная ворожея — даже на картах про них гадала.

Прилетят — выходило по картам. И верно: прилетели аисты.

Радость на всем селе:

— Прилетели!

— Прилетели!

— В гнезде. На месте!

Сразу вопросы к Антипу и Агриппине:

— Где пропадали?

Скосил Антип свою голову. Простучал что-то клювом. Приподняла Агриппина крылья. Что-то в ответ прохлопала.

Только не поняли люди ответа. Так и осталось неясным, где пропадали.

Быстро промчалось лето. Вывели аисты птенцов. На крыло поставили, то есть научили летать молодых. Стали готовиться к отлету в теплые страны.

Кричат им мальчишки вслед:

— Не задерживайтесь!

— Возвращайтесь!

— Дороги счастливой! Ждем!

Снова весна настала. Забурлили ручьи и реки. Зелень щедро повсюду брызнула.

Ждут на селе Антипа и Агриппину. Снова мальчишки на небо в сто глаз смотрели. Потеряли надежду люди. С самым худшим уже смирились. И вдруг:

— Прилетели!

— Глядите, по лугу ходят.

И верно: ходят, любуются лугом аисты.

Что же случилось с птицами?

В небе у крылатых свои дороги. Так и у Антипа и Агриппины. Возвращаясь к родному гнезду, долетали они до Днепровских порогов. Брали отсюда резко налево. Еще около часа крылом махали. И вот оно, рядом, село знакомое. Вот он, родимый дом.

Так было всегда. Однако в прошлом году... Подлетают птицы к знакомым местам. Вот он, Днепр. Вот знакомые берега. Вот будут сейчас пороги.

Смотрят птицы. Нет никаких порогов. Исчезли пороги. С левого берега, с правого поперек Днепра какие-то странные стены тянутся.

Не признали аисты места, где надо им повернуть налево. Дальше ушли на север. Плутали, плутали. Затем вернулись. С трудом разыскали гнездо родное.

Через год опять непонятное ожидало аистов. Закончено было сооружение Днепровской плотины. Разлился Днепр настоящим морем. Подлетают аисты — море. Сбились с пути, выходит. И снова они плутали. И снова: где же родные места — гадали.

А когда прилетели Антип и Агриппина еще через год, то и вовсе чудеса ожидали аистов. Вечер опустился над селом, над полем, над лугом. Уселись в гнезде Антип и Агриппина. Шеи свои убрали. Только собрались прикрыть глаза. Как тут... Сотни солнц вдруг кругом ударили. То зажегся в домах электрический свет.

Привстали птицы в гнезде. И справа огни, и слева.

— Чудеса! — поражается Антип.

— Чудеса! — поражается Агриппина.

Да что Агриппина, да что Антип! Все поражались. Все ликовали. Был общий праздник по всей стране.

Стоял май 1932 года. Днепровская гидроэлектростанция дала первый промышленный ток.

Бежит, бежит ток по проводам. Несет радость советским людям.

ПЕРВЫЙ ШАГ

1927 год. Далеко в Сибири и в Средней Азии начали строить железную дорогу. Знаменитый Турксиб. Если расшифровать это слово, получается Туркестано-Сибирская железная дорога.

На севере Сибирь, на юге Средняя Азия. Строят дорогу сразу с двух направлений. Тянут с севера на юг. Тянут с юга на север. Видны плакаты:

«Даешь север!»

«Даешь юг!»

Для многого нужна здесь железная дорога. Сибирь и Средняя Азия — совсем не похожие друг на друга части нашей страны. В Средней Азии жара. В Сибири холодно. Хлопок растет на юге. Зерно, хлеб хорошо вызревают в Сибири. В Средней Азии есть уголь, есть олово, медь, другие цветные металлы. Сибирь богата и хлебом и лесом. А в Средней Азии леса нет. Зато здесь много много пастбищ, много скота, шерсти и мяса. Очень важно соединить Сибирь и Среднюю Азию железной дорогой.

Туркестано-Сибирскую железную дорогу с севера на юг стали вести от города Семипалатинска. Город Семипалатинск стоит на реке Иртыше. Через Иртыш надо было построить железнодорожный мост.

Дружно здесь приступили к работе.

Местные мальчишки бегали к берегу Иртыша:

— Растет!

— Растет!

Действительно, вырастал через Иртыш мост. Но это был пока мост временный. Назывался он эстакадой. Будет готова эстакада, с ее помощью и начнется строительство главного моста.

Сооружение эстакады закончилось осенью 1928 года. Построена эста-

када. Радуются люди. Первый шаг сделан.

И вдруг... Места под Семипалатинском довольно спокойные. Нет здесь вулканов. Не проносятся здесь тайфуны. Не возникают страшные землетрясения. Равнинный, спокойный край.

И все-таки нет-нет да сорвется вдруг ветер. Вздыбит воду на Иртыше, заплещет Иртыш, как море.

Вот и тогда. Уровень воды в Иртыше неожиданно начал повышаться.

За пять часов вода поднялась на два метра. Залила берега. Ветер усилился. Волна увеличилась, сорвала с причалов паромы. У берегов стояли баржи, груженные зерном. И их подхватили волны. Стояли лодки, плоты, баркасы. Оторвало и их от берега.

Все это устремилось вниз по течению, приблизилось к эстакаде. Наступила ночь. Неожиданно перевернулся какой-то плот. У эстакады создался затор. Как грозные льдины весной в ледоход, стали давить на эстакаду плоты и баржи.

— Эстакада в беде!

— Эстакада в беде!

Забегали люди. Ночь. Темнота. Как же помочь мосту?

И вдруг:

— Взорвать эстакаду!

Жалко, конечно, взрывать эстакаду. Да выхода нет другого.

Взорвали подрывники часть эстакады. Рассосался затор у моста. Прошли через образовавшийся в эстакаде проход и плоты, и паромы, и баржи.

Вздохнули все с облегчением. Прошло немного времени — восстановили строители эстакаду. С еще большей энергией стали строить Иртышский мост.

Удача не вечно шагает рядом. Лишь сильный духом в пути побеждает.

ЗЛОЕ МЕСТО

С юга, из Средней Азии, идет строительство железной дороги. Сложные перегоны железнодорожного пути здесь прошли через горы.

Преодолели строители горы. По ровному месту легла дорога. Кончились горы, пошли пески.

Думали люди: прорвемся сквозь горы — там, на равнине, сама собой побежит дорога.

Не все представляли, что такое в этих местах пески.

Район песков на трассе Турксиба тянулся на многие и многие километры. Наиболее сильные из них были в том месте, где по плану строительства железная дорога ближе всего подходила к озеру Балхаш.

Пески. Ходить трудно. Работать трудно. Лошади еле тащили телеги, груженные шпалами. Машины зарывались в песок по оси. Голо, пустынно, мертво кругом. «Злое место» — назвали этот район строители.

Самое неприятное начиналось тогда, когда подымался ветер. Срывался он неожиданно. Дул с небывалой силой. Вдруг становилось кругом темно. Это поднимались песчаные бури. Ветер валил с ног. Песок набивался за шиворот, в рот, в нос, в уши. Песчинки неслись, как пули. Порывы ветра ударяли, как ядра.

Памятны строителям эти бури. Особенно тем, кто работал на возведении железнодорожных насыпей.

На участке дороги, проходившем недалеко от реки Аксу, вот какая однажды произошла история. Завершили строители здесь работы. Подготовили в нужные сроки насыпь. Уложили укладчики полотно.

Довольны строители. Докладывают:

— Работы на участке завершены.

Приехала комиссия принимать работу. Идут члены комиссии вместе с бригадиром Самохиным. Торжествует Самохин. Доволен, что в срок управились:

— В сроки управились. Не насыпь — игрушка! Продержится сотни лет.

Подходят к насыпи. Что такое?!! Осела дорога. Перекосились рельсы. Шпалы торчат, как ребра. Выдул ветер песок из-под шпал. Была и пропала насыпь.

Забегал бригадир Самохин.

— Ах, батюшки! Ах, батюшки! — взмахивает руками.

Пришлось снова строителям лопаты, носилки в руки брать. Работали по-ударному. Восстановили разрушенный участок быстро. Доложили начальству:

— Все в порядке. Восстановили.

А ночью снова вскипел буран. Мотался три дня по стройке. Стих ветер. Пришли на участок смотреть строители. Смотрят — снова пропала насыпь. Перекосились рельсы. Снова шпалы торчат, как ребра.

Снова Самохин всплеснул руками. Снова схватился за голову. Повернулся к востоку, туда, откуда срывался обычно ветер, погрозил кулаком. Чуть не заплакал тогда Самохин.

Вновь закипела кругом работа. Укрепляли насыпь бревнами, укрепляли камнями. Трамбовали. Утюжили. Трудились, трудились, трудились. Сто раз пропотели. Восстановили насыпь. Уложили, выровняли полотно.

Ожидают строители нового ветра. Явился ветер. Ударил в насыпь.

Держится насыпь.

— А ну, сильнее! — кричат рабочие.— Давай сильнее!

Сильнее ударил ветер.

Держится насыпь.

— Сильнее! Сильнее! — кричит бригадир Самохин.

Еще сильнее ударил ветер.

Держится насыпь.

— Не насыпь — игрушка! — кричит Самохин.

Ревела, металась, кричала буря. С яростной силой на всех бросалась.

Устояла, не дрогнула насыпь.

— Как камень, насыпь,— сказали люди.

— Как камень — люди,— сказал Самохин.

ТОКЕН И БЕКЕН

Тысячи людей работали на Турксибе. Вот и Токен. Вот и Бекен. Токен Садыкбеков и Бекен Садыкбеков — родные братья. Из далекого казахского аула прибыли на Турксиб. Многие тогда и из разных мест самого Казахстана, и из соседней Киргизии, и из соседнего Узбекистана, и даже из Туркмении, и даже из Таджикистана, да и со всей страны приезжали сюда на стройку — кто укладчиком железнодорожного полотна, кто каменщиком, кто плотником, кто просто чернорабочим. Братья Садыкбековы приехали землекопами.

В работе они словно одной веревочкой связаны. Отличились оба на стройке. Бросит лопату земли Токен. Бросит лопату земли Бекен. Бросит десять лопат Токен. Бросит десять лопат Бекен. Накидал гору земли Токен. А вот и вторая гора. Это гора Бекена.

И тут же рядом те, кто ровняет насыпь. И тут же рядом те, кто прокладывает железнодорожное полотно.

С отдельных капель река начинается. В общее дело наш труд вливается.

Строительство железной дороги приближалось к населенному пункту Лепсы. Здесь строители Турксиба и решили устроить спортивный праздник. Состязались с местными жителями в беге, в прыжках в длину, в метании диска, в том, кто дальше бросит гранату. Состоялась и футбольная встреча.

Интересным получился спортивный праздник. Особенно отличились строители Турксиба во время соревнований по прыжкам в длину.

Дальше всех прыгнул Токен. Дальше всех прыгнул Бекен. И другие, словно на крыльях, вперед летели.

— Так это ж понятно! — смеются лепсовцы.— Вы же отличные прыгуны. Вон как с дорогой прыгнули!

И это верно. Раньше положенного по плану срока пришла железная дорога в поселок Лепсы.

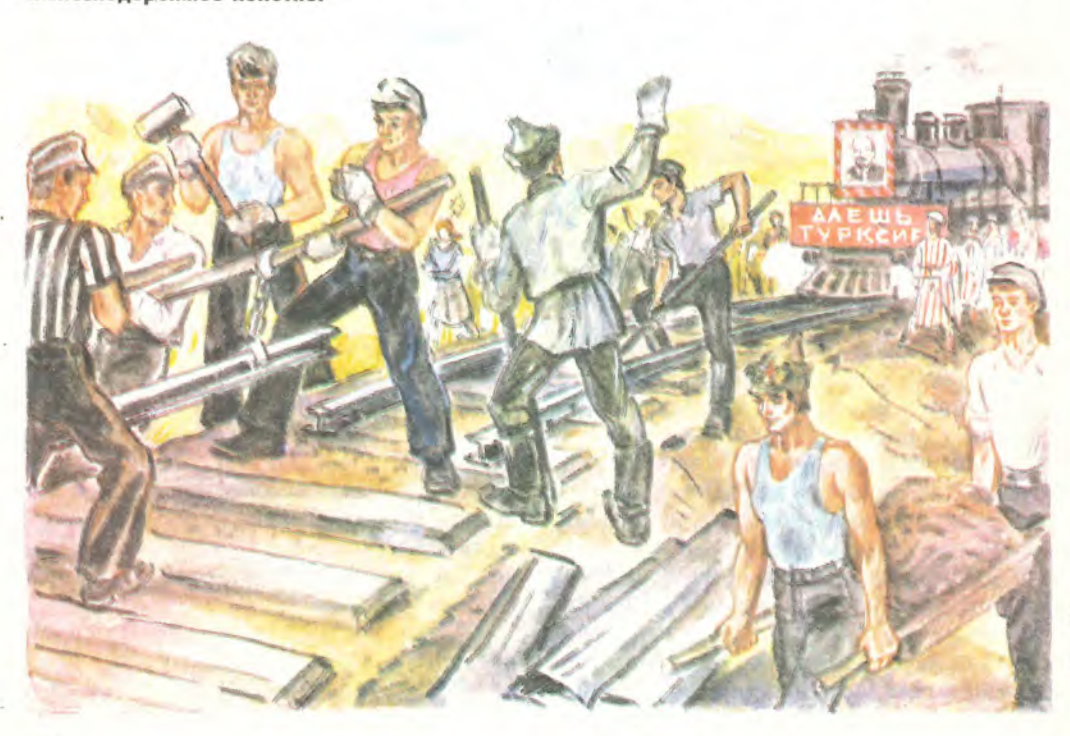
Пришла она и в другие города и поселки Сибири и Средней Азии. А вот и самый известный из них — Айна-Булак. Здесь, в Айна-Булаке, встретились Северный и Южный участки Турксиба. Здесь соединилось железнодорожное полотно.

Завершилось строительство. Побежали поезда с севера на юг. Побежали с юга на север. Повезли они важные грузы.

Бежит, бежит по новым путям паровоз. То подъем, то уклон, то подъем, то уклон, то по ровному месту стучат колеса.

1931 год. Вступила в строй Туркестано-Сибирская железнодорожная магистраль.

Здесь, в Айна-Булаке, встретились Северный и Южный участки Турксиба. Здесь соединилось железнодорожное полотно.

НЕОБЫЧНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Город Хабаровск. Река Амур. 1932 год. Месяц май.

Людно было в тот день на берегу Амура. Пароходы «Коминтерн», «Колумб» и баржа «Клара Цеткин» стоят у пристани.

Вниз по Амуру отправляется первый отряд комсомольцев. Едут молодые строители возводить на Дальнем Востоке страны новый город.

Людно сейчас на пристани. Из разных республик, из разных городов страны собрались здесь комсомольцы. Идет на суда посадка.

Завершилась посадка. Тронулись пароходы. Плывут вниз по Амуру. Среди комсомольцев Иван Ермаков. Он в числе тех, кто плывет на «Колумбе».

— Колумб, Колумб,— вспоминает знаменитого мореплавателя, знаменитого открывателя новых земель Иван Ермаков.— Символическое для парохода название.

Поднялся Иван Ермаков на верхнюю палубу, прошел на нос парохода. Стал, смотрит вперед. И вот он уже не Ермаков Иван, а сам капитан Христофор Колумб. Смотрит, смотрит Иван Ермаков. Даже ладони дудочкой на манер подзорной трубы делает, руки к самым глазам подводит.

А рядом другие стоят Колумбы — Федор Мухин, Федор Бердин, Алексей Смородов, Костя Зангиев, Леонид Качаев. Тоже смотрят вперед, тоже руки дудочкой к глазам прикладывают.

Едут комсомольцы в новые края осваивать новые земли.

Идет, идет по реке пароход. Поворот, поворот. Что-то там впереди?

Поворот, поворот. Снова изгиб реки.

Несет свои воды могучий Амур. Держит путь к краю дальневосточной земли, к Тихому океану.

Идут, идут пароходы. И вдруг. Что это там впереди?

Льды!

Месяц май. Весна только-только в эти места приходит. Амур еще весь не вскрылся. Забили льдины Амур от берега до берега. Медленно движутся грозной массой.

Пришлось пароходам сбавить ход. Тащатся вслед за льдами.

Стоят комсомольцы, смотрят вперед. Поворот, поворот. Что-то там впереди?

Поворот, поворот. Снова изгиб реки.

За километром идет километр. За часом — час. Несколько дней продолжалось плавание. Прибыли пароходы к нужному месту. Причалили к берегу. Высокий берег. Несколько домов. Это село Пермское. За селом сопки. Тайга.

Первым к берегу подошел «Колумб».

Спускаются на берег комсомольцы.

— На «Колумбе» колумбы прибыли.

Высадились энтузиасты на приамурский берег, стали строить палаточный городок.

Быстро пошла работа. Расчищают комсомольцы прибрежный участок, ровняют место. Поднимаются одна за одной палатки.

Если присмотреться — на каждой что-то написано. На одной — «Одесса», на другой — «Ленинград». Вот и другие: «Киев», «Нижний Новгород», «Запорожье», «Кривой Рог», «Краснодар», «Ростов-на-Дону», «Харьков», «Смоленск».

Что это за надписи? Почему здесь такие названия? Это названия городов, из которых приехали сюда комсомольцы.

Растет, растет палаточный городок. Пополняется необычная география.

И НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ...

Для любого строительства нужен лес. Лес для Комсомольска рубили на правом берегу Амура. Комсомольск же строился на левом его берегу. Лес доставляли по воде.

Но вот наступила зима. Амур замерз. Как же переправить строителям лес?

Конечно, нужны машины. Нужны тракторы. Нет пока на строительстве нужного количества машин, нет тракторов. Нет саней, нет даже лошадей.

Что же делать? Казалось, выхода нет.

И вдруг:

— Есть выход! Есть!

Предложили комсомольцы прорубить канал во льду Амура. По каналу и переправить бревна.

— Канал!

— Во льду?!

Идея смутила многих.

Однако подумали люди. Выхода другого действительно нет.

— Рубить канал, рубить — и никаких гвоздей! — кричал Витя Смородин.

Энтузиаст он, паренек восторженный.

Рассчитали комсомольцы длину канала. Получилось девять с половиной километров. Решили пробивать его шириной в один метр. Глубиной в восемьдесят сантиметров.

Февраль. Стужа. Мороз. Вышли комсомольцы на лед Амура. В руках кирки, ломы, лопаты. Приступили к работе люди.

Шесть дней и ночей не прекращался упорный труд. Наступило утро седьмого дня.

— Ура! — пробили канал комсомольцы.

Первые бревна шлепнулись в воду.

— Наша взяла! Наша взяла! — кричит Витя Смородин.

Ненадежна погода здесь, на Амуре. Особенно в феврале. Ясно, ясно, и вдруг налетит ветер, наползут облака. Посыпет снег. Загудит вокруг. Заметет. Засвистит. И вот уже пурга лютует и пляшет по всей округе.

Так сложилось и в тот день. Только пробили комсомольцы канал. Только поставили в деле точку. Тут как тут — коварный дальневосточный ветер. Тут как тут — дальневосточная пурга. Запорошило, замело все вокруг. Стал снег набиваться в канал. Вычерпывают люди его лопатами. Не поспевают. Ко всему начал увеличиваться мороз. К утру канал замерз.

Пришлось людям все начинать сначала. Пробили вторично канал комсомольцы. Снова шлепнулись бревна в воду.

И снова злым роком пурга явилась. Кружила. Плясала. Людям в лицо смеялась.

В третий раз пришлось приниматься за труд комсомольцам. Осилили все же они и мороз, и пургу, и снег.

Заработал канал. Стали комсомольцы цепочкой вдоль канала. Толкают баграми бревна. 210 бревен переправили в первый день. Более шестисот во второй, более чем по тысячи в третий и в другие дни. Идет

бревно за бревном. Получай, Комсомольск, строительный лес для города.

Стоит с багром в руках в общей цепочке и Витя Смородин, толкает бревна.

— Шагайте, шагайте,— покрикивает.— Шагайте. И никаких гвоздей!

НАДЕЖНОЕ СРЕДСТВО

Лето. Цветет, благоухает, поет тайга. На сотни километров, за три горизонта зеленым ушла разливом. Заговорила листвой и травами.

Но чу! Притаился здесь злейший враг — комары, гнус, таежная мошкара. Тысячи их.

Нет от врагов спасения. Атакуют со всех сторон. Впиваются в руки, в шею, в лицо. Набиваются в ноздри, в уши. Жалят в веки. Жалят в губы. Лезут за шиворот. Лезут под рукава. Готовы прокусить и одежду, и обувь, пронзить и стекло, и сталь.

— Уймитесь!

— Уймитесь!

Нет от врагов спасения.

Ты на работе — кружат над тобой комары.

Ты в походе — кружат над тобой комары.

Ты на привале — кружат над тобой комары.

Спишь, читаешь, сидишь, гуляешь — нет от врага защиты.

Кружат, кружат над тобой комары. Совершают кровавую пляску.

Был комсомольский бригадир старожил на стройке.

— Подумаешь — гнус, мошкара!

— Как так — подумаешь?!

— А чего их бояться,— сказал бригадир.— Хотите рецепт?

— Хотим!

— Смотрите.

Приступил бригадир к работе. Спорится все у него в руках. Рубили как раз тайгу. Взмах топором, еще взмах, еще взмах. Ложатся, словно трава под косой, стволы. Залюбуешься, глядя на эту ловкость.

Налетели на бригадира комары. Окружили, повисли облаком. Жужжали, жужжали. Кусали, кусали. Не обращает на них бригадир внимания.

Налетели мошка и гнус. Повисли на бригадире живыми хлопьями. Кусали, кусали. Не обращает на них бригадир внимания.

Пискнул главарь комариный:

— Не тот экземпляр.

Пискнул главарь мошкариный:

— Какой-то чудной попался.

— Не интересно,— пискнул начальник гнуса.

Отступили таежные разбойники. Полетели терзать других, бояк и нерадивых кушать.

ГЛАВНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Переживал Дима Матвеев. Приехал он на Дальний Восток, да нет у него никакой специальности.

Разводит руками:

— Нет никакой специальности.

Был он совсем молод еще. Любили его строители. Отзывчивый он, заботливый.

Обратили на него внимание еще в поезде. Кушали как-то все в пути. Развернули парни и девчата свои дорожные кульки. Развернул и Дима.

Мама ему в дорогу и котлет нажарила, и яиц отварила, и огурчиков соленых положила, и булочки напекла.

Кушает Дима, видит — сосед нет-нет да посмотрит в его сторону. Понял Дима — нет, видимо, у соседа с собой еды, а кушать хочется. Протянул Дима ему яйцо. Протянул огурец, котлету.

— Кушай.

Сует и булочку.

— Не стесняйся. Кушай.

Заметили другие, как угощает соседа Дима, спрашивают:

— Друг?

— Нет.

— Знакомый?

— Нет.

— Земляк?

— Нет,— отвечает Дима.— Просто так. Просто всем надо кушать.

Потом, когда ехали уже из Хабаровска в Комсомольск-на-Амуре на пароходе, обратили другие внимание на такую картину.

Холодно было. Ветер гулял над Амуром. Ежились все от холода. Вот и худенький какой-то парнишка. Кашляет. Подошел к нему Дима, снял со своей шеи шарф.

Заупрямился парнишка.

— Надевай, надевай!

— Друг? — спрашивают у Димы.

— Нет,— отвечает Дима.

— Знакомый?

— Нет,— отвечает Дима.

— Земляк?

— Нет,— отвечает Дима.

А вот и еще один случай. Было это уже в самом Комсомольске. Заболел серьезно комсомолец Николай Хохлов. Три ночи просидел Дима рядом с ним у больничной койки.

— Друг? — спрашивают у Димы.

— Нет.

— Знакомый?

— Нет.

— Земляк?

— Нет,— отвечает Дима.

Все хорошо у Димы. И уважают его, и любят. Плохо одно — нет у Димы пока специальности.

Переживает Дима.

Подошел как-то к Диме Митрофан Сергеевич Пивоваров, известный строитель.

— Не переживай,— говорит Диме.— Научишься еще. Многому научишься. Зато главная специальность уже у тебя есть.

Поднял Дима глаза на Пивоварова. Мол, какая такая специальность?

— Человек настоящий,— сказал Пивоваров.

РАССКАЗЫ О СТАХАНОВЕ И СТАХАНОВЦАХ

Индустриальный рывок, совершенный нашей страной в 30-е годы, открывал новые возможности для ее развития. Возводились промышленные предприятия, гидроэлектростанции, железные дороги. С конвейеров заводов сходили советские самолеты, автомобили, тракторы, станки, другое сложное оборудование.

Люди работали с большим энтузиазмом. Между отдельными рабочими, заводами, колхозами возникло соревнование. Люди старались быстрее выполнить свою работу, сделать ее качественнее, чтобы их труд принес больше пользы общему народному делу. Тех, кто работал лучше других, называли ударниками, передовиками производства.

В те же годы в нашей стране возникло и еще одно массовое движение — стахановское. Оно связано с именем донецкого шахтера Алексея Стаханова.

РЕКОРД НА ШАХТЕ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ — ИРМИНО»

Если из Москвы через город Воронеж ехать к югу — пути приведут в Донбасс. Донбасс — один из богатейших районов Советского Союза. Здесь крупные металлургические заводы. Много других заводов. Много железных дорог. Много шоссейных дорог. Но прежде всего Донбасс — это уголь. Углем Донбасс и славен на всю страну.

Сотни угольных шахт покрыли донецкую землю. Одна из них называется «Центральная — Ирмино». Обычная шахта. Много таких на Донбассе. И вдруг прославилась «Центральная — Ирмино».

Один из участков шахты «Центральная — Ирмино» называется «Никонор — Восток». Обычный участок. Много таких на Донбассе. И вдруг прославился «Никонор — Восток».

Здесь, на шахте «Центральная — Ирмино», на ее участке «Никонор — Восток», в один из августовских дней 1935 года произошло знаменательное событие. Шахтер Алексей Стаханов отбойным молотком за одну рабочую смену вырубил 102 тонны угля. Это превзошло обычные нормы в 14 раз! Это был мировой рекорд.

Почему же стал возможным такой успех Алексея Стаханова?

В шахтерском деле разные есть специальности. В те, теперь уже далекие 30-е годы главной из них считалась профессия забойщика. Забойщик — это тот, кто отбойным молотком добывает уголь. В среднем за смену забойщик нарубал около семи тонн угля. Если удавалось нарубить восемь тонн,— это считалось хорошо. Если девять,— считалось отлично!

Хорошая норма — десять. Однако нельзя ли больше?

Стали Стаханов и другие шахтеры думать, как же повысить добычу угля, как улучшить, как усовершенствовать свою работу. Долгие годы труд на угольных шахтах строился так: один и тот же шахтер выполнял сразу две работы. Когда добывают уголь под землей, на том месте, где

залегал уголь, образуется пустота. Чтобы свод не обвалился, надо его закрепить: поставить стойки, сделать опоры. Добывал уголь и производил крепежные работы один и тот же человек. Приходилось ему от одной работы переходить к другой, прилаживаться, приспосабливаться, изменять ритм своего труда, тратить время на замену рабочего инструмента. Подумали шахтеры: а если работу построить другим образом? Пусть забойщик только рубит уголь, а крепежные работы пусть выполняют другие люди.

Попробовали. Стал и Стаханов работать по-новому: с двумя помощниками. И вот — мировой рекорд.

Спустился Алексей Стаханов в шахту простым рабочим, поднялся героем, известным на всю страну.

Успех Стаханова подхватили другие. Прошло всего несколько дней, и забойщик Мирон Дюканов добыл за смену 115 тонн угля. Прошло еще два дня, и забойщик комсомолец Концедалов довел рекорд до 125 тонн угля за смену.

Не остановился на своем достижении и сам Алексей Стаханов. В сентябре 1935 года он установил свой второй рекорд, добыв 175 тонн угля за смену. Вскоре — третий рекорд Стаханова — 227 тонн за смену! Еще прошло немного времени — четвертый рекорд Стаханова — 340 тонн угля за рабочий день!

Примеру Стаханова последовали не только шахтеры. Люди, старавшиеся улучшить, рационализировать свой труд, появились во всех областях производства: на заводах и фабриках, на транспорте, в строительстве, в сельском хозяйстве.

Ширятся, ширятся ряды передовиков. По имени Алексея Стаханова их всюду стали называть стахановцами.

РАВНЕНИЕ НА БУСЫГИНА!

В 1932 году в Советском Союзе на берегах Волги, в городе Горьком, был построен огромный автомобильный завод. Кузнец Александр Бусыгин стал гордостью Горьковского автомобильного завода.

Неожиданно он стал кузнецом. Был простым крестьянским парнем. Приехал на Горьковский автомобильный завод, когда тот еще строился. Начал работать плотником.

Вырос завод. Нужны заводу рабочие руки.

— Оставайтесь на заводе работать,— предлагают недавним строителям.

Появились плакаты: «Поступай на завод рабочим!»

Многие согласились.

В числе тех строителей, которые остались на заводе, был и Александр Бусыгин. Определили его в кузнечный цех. Работал Бусыгин вначале смазчиком. Начал учиться. Освоил новое дело. Стал кузнецом на паровом молоте.

Вот как пришла к Александру Бусыгину трудовая слава. Началось все необычно. Кузнечный цех отставал. Не поставлял он другим цехам вовремя нужных деталей. Особенно плохо обстояло со ступицами для автомобильных колес.

Бусыгин был в это время в отпуске. Пришел к нему мастер:

— Иди, выручай, Бусыгин.

Подумал Бусыгин: просит мастер — неудобно отказывать. Не дотя-

нул он целую неделю своего отпуска, вышел на работу.

Хорошо работал Бусыгин. Сам не заметил, как отковал в первый же день 440 ступиц.

— Ого! — поразился мастер.

Это было на 125 ступиц больше, чем подавалось по норме.

Прошла неделя, поправились дела на заводе со ступицами. Зато обнаружилась нехватка других деталей — коленчатых валов.

Мастер опять к Бусыгину:

— Приходи, выручай, Бусыгин.

Перешел Бусыгин на ковку коленчатых валов. В первый же день и здесь у него успех. Вместо 675 по норме отковал 966 деталей.

— Ого! — опять поразился мастер.— Ты у нас вроде как аварийная бригада.

Смеется Бусыгин, объясняет мастеру, мол, прочитал он в газетах про Стаханова. Решил работать по-стахановски.

А работать по-стахановски — это значит работать по-новому. Предложил Бусыгин в кузнечном деле, так же как Стаханов при добыче угля, разграничить обязанности рабочих. Разный труд стали выполнять члены его бригады: один стоит у печи нагревальщиком, у второго обязанности смазчика, третий — прессовщик.

Поползли вверх рекорды горьковского кузнеца Александра Бусыгина. Никто в мире не мог так быстро выполнять свою работу на паровом молоте, как Александр Бусыгин.

Прошла его слава по Горьковскому автомобильному заводу. Прошла по другим заводам, по всей стране. Гордятся кузнецы прославленным мастером:

— Равнение на Бусыгина!

ПАССАЖИРСКИЙ, ТОВАРНЫЙ, СКОРЫЙ

Любили мальчишки Ефим и Юхим стоять у железнодорожного полотна. По звуку приближающегося поезда определять, какого типа состав проходит.

Стоят. Самого поезда пока не видно. Он где-то еще за поворотом, укрыт придорожными посадками. Поезда не видно, а звук слышен.

Наловчились мальчишки различать поезда. Здорово это у них получалось.

— Товарный! — кричит Ефим.

Верно, проходит товарный поезд.

— Пассажирский! — кричит Юхим.

Верно, идет пассажирский.

— Скорый! — выкрикнут оба.

Так точно — несется скорый.

Как они определяли: то ли по стуку вагонных колес, то ли по пыхтению паровоза, то ли еще по каким-то приметам,— неизвестно. Только не было у них ошибок.

Живут мальчишки в Донбассе в рабочем поселке на перегоне между станциями Славянск и Лозовая.

Часто играли они в узнавание поездов. Вот и в тот день. Стоят приятели у насыпи, раздаются ребячьи голоса.

— Пассажирский!

— Товарный!

— Скорый!

Все верно. Все в точку.

— Скорый!

— Пассажирский!

— Товарный!

И эти — в точку.

И вдруг:

— Скорый,— сказал Ефим.

— Скорый,— сказал Юхим.

Вышли вагоны на открытое место, видят ребята: не скорый — товарный проходит поезд.

Выскочил состав из-за поворота, открылся просвет в лесопосадке, смотрят мальчишки, а это не скорый — товарный поезд.

Глянул Ефим на Юхима. Глянул Юхим на Ефима.

— Товарный,— как бы все еще сомневаясь, выдавил из себя Ефим.

— Товарный,— сокрушенно кивнул Юхим.

Не допустили в тот день они больше ошибки. До темноты у насыпи простояли. Раз пятнадцать искусство свое доказывали.

Прошло несколько дней. Снова на любимом месте стоят мальчишки. Снова, как капли, слова срываются:

— Пассажирский!

— Товарный!

— Скорый!

Вот вновь послышался стук состава. Прислушались мальчишки:

— Скорый! — кричит Ефим.

— Скорый! — кричит Юхим.

Вышли вагоны на открытое место, видят ребята: не скорый — товарный проходит поезд.

— Что такое?! — разводят друзья руками. Удивлены ребята. Огорчены ребята.

Где же ошибка?

В чем же просчет мальчишек?

В числе машинистов на станции Славянск работал молодой комсомолец Петр Кривонос. Отличный он машинист. Умело водил тяжелые товарные поезда.

Мало этого Кривоносу. Задумался он над тем, как бы повысить скорость товарных составов. Стал проводить разные эксперименты. От паровоза все зависит. Значит, начнем с паровоза,— решил Петр Кривонос.

Стал он и его помощники внимательно следить и ухаживать за своим локомотивом. После каждой поездки очищали паровозные котлы, продували дымогарные трубы, во время движения выбирали наиболее выгодный режим в работе паровозной топки. Как свои пять пальцев изучил Кривонос и весь участок железнодорожного пути между станциями Славянск и Лозовая. Закроет глаза и точно скажет, где какой спуск, где подъем, где крутой поворот. Знает он с точностью до метра, где надо притормозить, в каком месте можно развить максимальную скорость.

Не зря трудилась паровозная бригада Петра Кривоноса, не зря искали люди новых путей в работе. Скорости стали расти. Раньше ездили со скоростью двадцать четыре километра в час. Затем стали развивать тридцать, скоро — сорок, затем больше сорока. Повышаются, растут скорости. И вот уже товарный состав несется, как скорый поезд.

Не знали Ефим и Юхим в те дни еще про Петра Кривоноса, про то, что стал он водить товарные поезда с быстротой скорых. Не знали, что дважды во время своих игр-гаданий повстречали именно эти поезда. Не знали, поэтому так и поражались своим ошибкам.

А когда узнали, радовались вместе со всеми замечательным успехам прославленного железнодорожника. Решили: когда вырастут, обязательно машинистами станут. И непременно такими же, как Петр Кривонос.

ТКАЧИХИ ВИНОГРАДОВЫ

Вичугские ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы получили телеграмму из Москвы. «Приглашаем дорогих сестер,— указывалось в телеграмме,— по прибытии в Москву посетить экономический отдел «Правды».

Приятная телеграмма. Приятное приглашение. Радостно Дусе и Марусе.

Молодые они. Стройные. Красивые. Работают сменщицами на одних и тех же станках. А станков не один, не два, не пять, даже не десять. Сразу на семидесяти станках работают девушки.

Правда, началось все с немногого.

Вначале Дуся Виноградова работала на двух станках. Затем на четырех. Хорошо работала.

— Что для тебя четыре станка — ерунда,— говорят Дусе.

Перевели ее работать сразу на шестнадцати станках.

Боялась Дуся:

— Ой, не справлюсь.

Однако справилась.

Опять говорят Дусе:

— Что для тебя шестнадцать станков — ерунда! Переходи на двадцать шесть.

— Ой, не справлюсь.

Однако справилась. Работа и здесь заладилась.

Вскоре Дуся Виноградова освоила работу на тридцати пяти станках, затем на пятидесяти двух, и вот, наконец, на семидесяти.

И у Маруси Виноградовой при-

близительно так же сложилась трудовая жизнь. Вначале работала на одном станке, затем на двух, потом на двенадцати, на шестнадцати, на двадцати шести, на сорока. И вот, так же как и Дуся,— сразу на семидесяти.

Семьдесят станков — это целый огромный зал. Ходят текстильщицы от станка к станку, проверяют, чтобы нитка нигде не оборвалась, чтобы станки были налажены и четко работали, чтобы сырье поступало в машины доброкачественное. Подсчитали девушки: работая на семидесяти станках, по десять километров проходят они за смену.

Смеются Дуся и Маруся, называют себя стайерами. Стайеры — это бегуны на длинные дистанции.

Множатся, множатся ряды стахановцев. Вот и к ткачихам из города Вичуги пришла весть об Алексее Стаханове.

Отлично работали Дуся и Маруся. Однако теперь захотелось им работать еще лучше. Посоветовались. Убедились, если все лучше рассчитать, если удобнее все на рабочих местах расставить, можно и на большем количестве станков работать. Пришли к заведующему фабрикой, говорят:

— Берем сто станков. Будем работать на ста станках.

— На ста?! — вырвалось у заведующего.

— На ста! — отвечают Дуся и Маруся.— Хотим быть стахановцами.

— Да вы уже и так стахановцы,— ответил заведующий.

Разрешил он девушкам приступить к работе на ста станках. Начали они работу. Справились с работой. Бежит, бежит в машинах готовая ткань. Метр за метром, метр за метром, десятки, сотни, тысячи метров.

Освоили молодые ткачихи работу на ста станках, перешли на сто сорок четыре, затем на двести восемь, затем на двести шестнадцать. По двадцать пять километров приходилось теперь проходить им за смену, обходя все станки.

За свой стахановский труд Дуся и Маруся Виноградовы были приглашены в Москву. Тогда-то перед выездом к ним и пришла телеграмма из газеты «Правда».

Приятная телеграмма. Однако одно их смутило. Назвали Виноградовых в телеграмме сестрами. А дело в том, что они вовсе не сестры. Хотя и у Дуси маму зовут Прасковьей Ивановной. И у Маруси — Прасковьей Ивановной. Но это разные мамы. Просто Виноградовы — однофамилицы. Впрочем, многие тогда и считали их сестрами.

Стали Дуся и Маруся думать, как же им ответить в «Правду». Ответили так:

«Мы однофамилицы Приглашение принято Сестры по труду Дуся Маруся».

Стахановцы. Передовики. Тысячи и тысячи сестер и братьев по труду в Советском Союзе.

ТРИ ПОДВИГА МАКАРА МАЗАЯ

Сталевар. Огневая профессия. Сталевар — это тот, кто варит в мартенах сталь. Мартены — большие специальные печи. Тяжелая профессия у сталеваров. Тяжелая и ответственная. В городе Мариуполе (этот город стоит на берегу Азовского моря) на большом металлургическом заводе сталеваром работал Макар Мазай. Прожил Макар Мазай всего тридцать лет. Три подвига совершил он в жизни.

Родился Макар Мазай на Кубани. Рано остался сиротой. Стал пастушонком. Батрачил у богатеев. Затем полтора года был беспризорником.

Задумался однажды Макар Мазай. Кругом утвердилась советская власть, а он — в беспризорниках.

Решил поступить на работу. Нашлись добрые люди, приняли Макара Мазая на Мариупольский металлургический завод. Начал Макар Мазай осваивать нелегкий труд металлургов-сталелитейщиков, стал учиться, много читал, ходил на всякие лекции и занятия. Потом Макара Мазая послали учиться в Москву. Пришел он на завод — едва умел писать, едва умел читать. А теперь стал слушателем Промышленной академии. Это была первая победа, первый подвиг Макара Мазая.

На Мариупольском металлургическом заводе Макар Мазай вначале работал подручным, помощником сталевара. Пытливым он был, наблюдательным. Прошло совсем немного времени. И вот Макар Мазай и сам в сталеварах. Талантливым он оказался человеком. Прекрасным мастером. Поставил Макар Мазай перед собой задачу — доказать, что в мартеновских печах можно сварить стали намного больше, чем варили ее до этого.

Как везде, так и здесь, в сталелитейном деле, есть свои нормы. Стал Макар Мазай выдающимся сталеваром. Побил он все мировые рекорды. Стал лучшим сталеваром Советского Союза. Был признан лучшим сталеваром мира.

Это был второй подвиг Макара Мазая.

Пришел час — совершил и третий.

В 1941 году фашисты напали на Советский Союз. В начале войны они были сильнее и их армии продвигались вперед. Ворвались фашисты и в город Мариуполь, захватили Мариупольский металлургический завод. Макар Мазай ушел в подпольщики, начал вместе с другими борьбу с фашистами. Враги выследили знатного сталевара. Они схватили Макара Мазая.

Знают фашисты, чем прославлен Макар Мазай. Предлагают ему жизнь, деньги, почет и даже поездку в Германию. Условие одно — пусть Макар Мазай изменит своей Родине, пусть вернется к своему труду сталевара, пусть начнет работать на фашистскую Германию.

Не соглашается Макар Мазай.

Бросили тогда фашисты Макара Мазая в тюрьму.

— Согласен?

— Нет!

— Согласен?

— Нет!

Не изменил Макар Мазай своему народу, своей стране. Плюнул в лицо фашистам.

Расстреляли фашисты Макара Мазая.

СЛОВО И ДЕЛО МАРИИ ДЕМЧЕНКО

Небольшого роста. Светленькая. В веснушках. Глаза бойкие. Стрижка под мальчика. Это Мария Демченко.

Совсем юной вступила она в комсомол. Совсем юной работала бетонщицей на строительстве Магнитогорска. Затем вернулась к себе на Киевщину в родное село Староселье.

Прославила девушка Староселье.

Большие изменения происходили в те годы в Советском Союзе в области сельского хозяйства. От разрозненного, единоличного труда крестья-

не стали переходить к коллективному. Возникли колхозы, то есть коллективные хозяйства.

Создала Мария Демченко в родном колхозе комсомольское звено по выращиванию и уборке сахарной свеклы. С жаром, с энтузиазмом работали комсомольцы на своей сахарной плантации. В 1934 году Мария Демченко со своим звеном собрала по 469 центнеров свеклы с гектара. Это был выдающийся успех. Обычно в те годы сахарной свеклы с гектара земли собирали всего около ста центнеров. В том же 1934 году в Москве в Кремле происходил съезд колхозников-ударников. На съезд приехала и Мария Демченко. Ее избрали в президиум.

Знают уже многие про Марию Демченко. Перешептываются в зале:

— Где она? Где она?

— Да вот же — маленькая, светленькая.

— Вот та?

— Ну да!

— Та, что под мальчика стрижена?

— Под мальчика. Лицо с веснушками.

В Москве на съезде пообещала Ма́рия Демченко в будущем, 1935 году собрать по пятьсот центнеров сахарной свеклы с гектара.

Обещать легко. Выполнять трудно. Начались нелегкие дни у старосельских девушек. Собрала Мария Демченко членов своего звена. Обсудили они, как им лучше трудиться, в какие сроки лучше производить те или иные работы, как лучше ухаживать за почвой и растениями. Не заладилась в тот год погода. Немало хлопот доставила она свекловодам.

Вышли Мария Демченко и ее подруги в поле. Стали на поле носить солому.

В апреле вдруг накатились заморозки. Как же спасти посевы? Не заставишь же солнце спуститься с неба. Не притащишь же печи из хат крестьянских. И все же есть способ не дать погибнуть будущим побегам. Для этого надо окуривать свекловичную плантацию дымом.

Вышли Мария Демченко и ее подруги в поле. Стали на поле носить солому. Раскладывают ее, поджигают. Горит солома, несет тепло. Таскают комсомольцы солому. Горы нужны соломы. Не хватило соломы. Стали тогда девушки рвать сорняки. Таскают, таскают, таскают. Обчистили все до былинки. Не сыщешь нигде хворостинки. Жгли навоз, камыш, залежалое сено. Спасли от беды посевы.

Наступило лето. Тепло. Благодать. Только в рост пошла свекла. И тут. Нет дождей. Не хватает растениям влаги. Смотрят люди на небо. Облачка нет на небе. Сто шесть дней знойное солнце палило, терзало землю.

— Воды! Воды! — молила, кричала земля.

Дали воду земле комсомольцы. Ведра в руки. Бегом к колодцам. Таскали, таскали воду. Мозоли на руках набили. Поили, поили землю. Ожила свекла:

— Спасибо!

Набираются клубни веса. Будет Отчизне сахар.

Однако не все отошли невзгоды. Луговой мотылек — грозный вредитель — налетел на поля свекловодов.

И снова дни и часы труда. И снова за урожай борьба.

Выполнила Мария Демченко данное обещание. Почти по 524 центнера свеклы собрала она и ее подруги с каждого гектара земли.

Об этом успехе во всех газетах тогда писали. Одна из статей называлась «Слово и дело Марии Демченко».

РЕПЕТИЦИЯ ТАИСИИ ПРОКОПЬЕВОЙ

Репетиция — так звали корову. Ухаживала за ней доярка Таисия Прокопьева.

Жила Таисия Прокопьева на Севере, в Холмогорском районе. Недалеко от Белого моря. Рядом река Северная Двина. Луга здесь бескрайние. Травы высокие. Места отличные для коров.

Работала Тася в холмогорском племенном совхозе. Она комсомолка. Ей девятнадцать лет.

Нелегкий труд ухаживать за коровами. За каждой из них присмотри: вовремя подои, вовремя накорми, вовремя напои. Но не только этим занимались девушки-доярки. Воду возили для коров. Пилили и кололи дрова, сами отапливали скотные дворы. Дробили жмых, чистили коровники, вывозили навоз. Много разных дел на скотоводческих фермах.

У Таисии Прокопьевой, кроме Репетиции, были Золушка, Пегая, Радость и другие коровы. Не жалела Таисия ни труда, ни времени.

С утра до вечера ухаживала за своими коровами. Каждый день каждую из них мыла, чистила щеткой, протирала тряпкой. Знала вкусы и привычки любой из своих воспитанниц.

Знает Тася, что Репетиция любит пить воду чуть подогретой. Специально подогревает для нее воду.

Знает, что Золушка даже зимой любит выходить из коровника на прогулку. Специально ее выпускает.

Знает, что Пегая любит есть

жмых, чуть посыпанный сверху солью. Специально его присыпает.

Знает, что для Радости — радость, если за ухом ее погладить. Гладит ее за ухом.

Так и с другими коровами.

— Молодец. Индивидуальный подход,— говорил совхозный зоотехник.

— Вот если бы все так работали,— говорил директор совхоза.

Каждую из своих коров любила Таисия Прокопьева. Однако все же самой любимой была Репетиция.

Входит Тася в коровник:

— Здравствуй, Репетиция!

«Му-у»,— отвечает на приветствие Репетиция.

Если Тася придумывала что-нибудь новое в ухаживании за коровами, начинала пробовать обязательно с Репетиции.

Смеялись другие:

— Репетиция на Репетиции.

Докатилась весть о стахановском движении и сюда, в Архангельскую область, в Холмогорский район. Стали холмогорские доярки соревноваться в том, чтобы надоить от каждой коровы как можно больше молока. Первое место в этом соревновании заняла Тася Прокопьева.

Порадовали ее и Золушка, и Пегая, и Радость, и другие коровы. Особенно Репетиция.

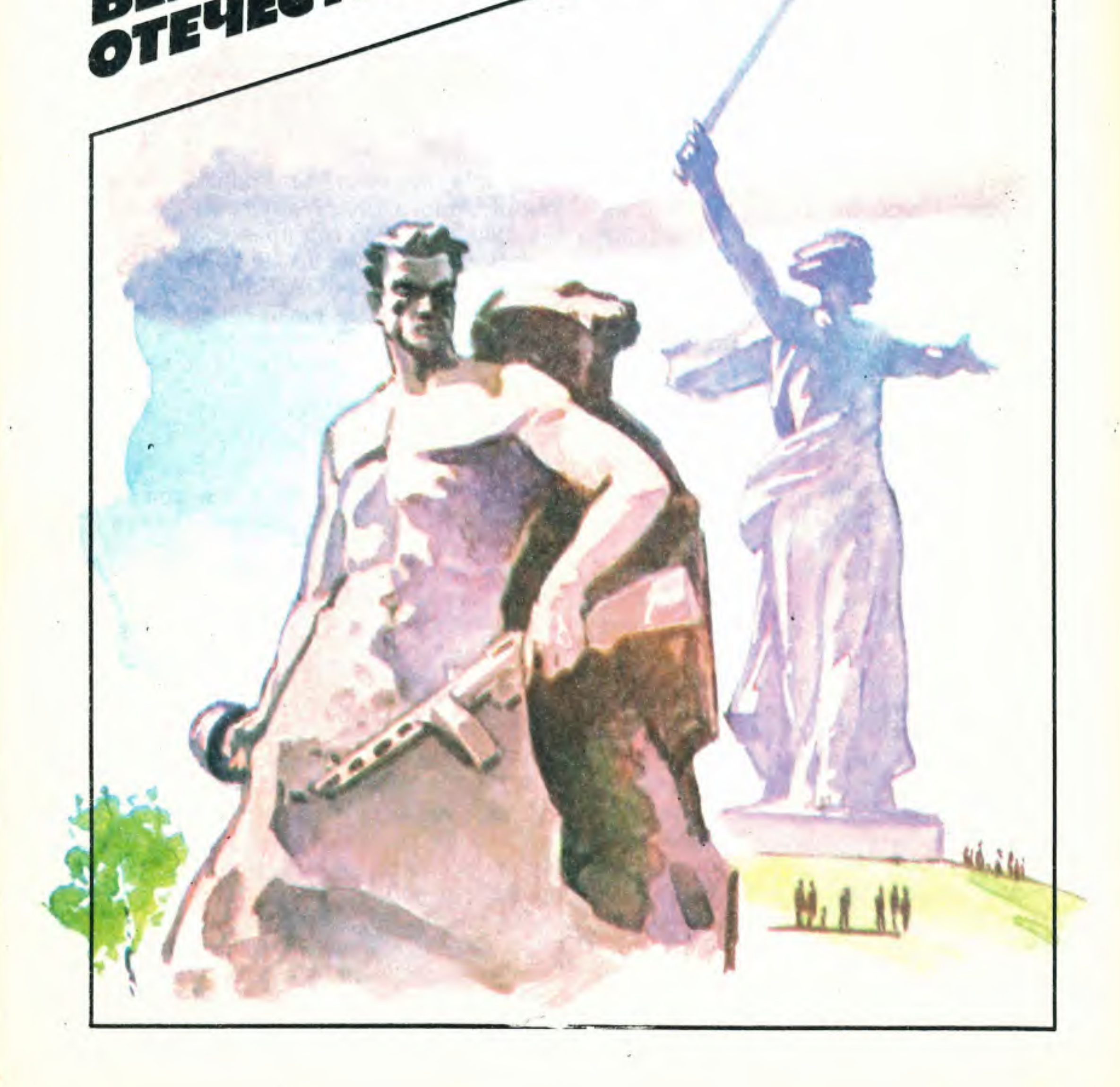
В 1935 году Репетиция дала 7791 литр молока. Это был для тех лет рекорд.

Улыбается Тася Прокопьева:

— Это только начало. Это только репетиция.

Так и получилось. Удалась репетиция. Много опять трудилась Тася. Следующий, 1936 год принес ей новые успехи. Теперь уже все ее коровы стали рекордистками. А сама Таисия Прокопьева была награждена орденом Ленина.

РАССКАЗЫ ИЗ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

30-е годы были героическими и в то же время очень тяжелыми в жизни нашего народа. Стремление органов власти как можно быстрее и любыми средствами создать коллективные хозяйства на нашей земле обернулось большим горем для крестьян. Людей насильственно записывали в колхозы, у них отбирали скот, птицу, инвентарь. Тысячи крестьян, не согласных с этой политикой, были согнаны с родных мест. Эта непродуманная политика привела к большим бедам. В 1932—1933 годах в южных районах страны, особенно на Украине, свирепствовал голод. Люди погибали мучительной смертью.

Еще одна трагическая глава нашей истории. И. В. Сталин начал борьбу против так называемых «врагов народа». Людей стали обвинять в измене Родине. Арестовывали видных партийных и советских деятелей, крупных ученых, военных, инженеров, писателей, простых рабочих, крестьян. Людей приговаривали к расстрелу, отправляли в дальние лагеря на изнурительные каторжные работы. Миллионы безвинных людей стали жертвами жестоких сталинских репрессий. Сегодня мы низко склоняем головы перед памятью всех погибших.

40-е годы принесли новые испытания советским людям. 22 июня 1941 года на нашу Родину напали немецкие фашисты. Началась Великая Отечественная война. Фашистская армия была в те годы очень сильной. Наша армия была ослаблена репрессиями. Враги рассчитывали расправиться с нами быстро, стремительным ударом. Но фашисты глубоко просчитались. Как один поднялись советские люди на защиту своей Родины. О подвигах народов нашей страны в борьбе с фашистами и написаны рассказы, составившие последний раздел этой книги.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Брестская крепость стоит на границе. Атаковали ее фашисты в первый же день войны.

Не смогли фашисты взять Брестскую крепость штурмом. Обошли ее слева, справа. Осталась она у врагов в тылу.

Наступают фашисты. Бои идут под Минском, под Ригой, под Львовом, под Луцком. А там, в тылу у фашистов, не сдается, сражается Брестская крепость.

Трудно героям. Плохо с боеприпасами, особенно плохо с водой у защитников крепости.

Кругом вода — река Буг, река Муховец, рукава, протоки. Кругом вода, но в крепости нет воды. Под обстрелом вода. Глоток воды здесь дороже жизни.

— Воды!

— Воды! — несется над крепостью.

Нашелся смельчак, помчался

к реке. Помчался и сразу рухнул. Сразили враги солдата. Прошло время, еще один отважный вперед ринулся. И он погиб. Третий сменил второго. Не стало в живых и третьего.

От этого места недалеко лежал пулеметчик. Строчил, строчил пулемет, и вдруг оборвалась очередь. Перегрелся в бою пулемет. И пулемету нужна вода.

Посмотрел пулеметчик — испарилась от жаркого боя вода, опустел пулеметный кожух. Глянул туда, где Буг, где протоки. Посмотрел налево, направо.

— Эх, была не была.

Пополз он к воде. Полз по-пластунски, змейкой к земле прижимался. Все ближе к воде он, ближе. Вот рядом совсем у берега. Схватил пулеметчик каску. Зачерпнул, словно ведром, воду. Снова змейкой назад ползет. Все ближе к своим, ближе. Вот рядом совсем. Подхватили его друзья.

— Водицу принес! Герой!

Смотрят солдаты на каску, на воду. От жажды в глазах мутится. Не знают они, что воду для пулемета принес пулеметчик. Ждут, а вдруг угостит их сейчас солдат — по глотку хотя бы.

Посмотрел на бойцов пулеметчик, на иссохшие губы, на жар в глазах.

— Подходи,— произнес пулеметчик.

Шагнули бойцы вперед, да вдруг...

— Братцы, ее бы не нам, а раненым,— раздался чей-то голос.

Остановились бойцы.

— Конечно, раненым!

— Верно, тащи в подвал!

Отрядили солдаты бойца в подвал. Принес он воду в подвал, где лежали раненые.

— Братцы,— сказал,— водица...

Повернулись на голос головы. Побежала по лицам радость. Взял боец кружку, осторожно налил на донышко, смотрит, кому бы дать. Видит, солдат в бинтах весь, в крови солдат.

— Получай,— протянул он солдату кружку.

Потянулся было солдат к воде. Взял уже кружку, да вдруг:

— Нет, не мне,— произнес солдат.— Не мне. Детям тащи, родимый.

— Детям! Детям! — послышались голоса.

Понес боец воду детям. А надо сказать, что в Брестской крепости вместе со взрослыми бойцами находились и женщины и дети — жены и дети военнослужащих.

Спустился солдат в подвал, где были дети.

— А ну, подходи,— обратился боец к ребятам.— Подходи, становись,— и, словно фокусник, из-за спины вынимает каску.

Смотрят ребята — в каске вода.

— Вода!

Бросились дети к воде, к солдату.

Взял боец кружку, осторожно налил на донышко. Смотрит, кому бы дать. Видит, рядом малыш с горошину.

— На,— протянул малышу.

Посмотрел малыш на бойца, на воду.

— Папке,— сказал малыш.— Он там, он стреляет.

— Да пей же, пей,— улыбается боец.

— Нет,— покачал головой мальчонка.— Папке.— Так и не выпил глотка воды.

И другие за ним отказались.

Вернулся боец к своим. Рассказал про детей, про раненых. Отдал он каску с водой пулеметчику.

Посмотрел пулеметчик на воду, затем на солдат, на бойцов, на друзей. Взял он каску, залил в металлический кожух воду. Ожил, заработал, застрочил пулемет.

Прикрыл пулеметчик бойцов огнем. Снова нашлись смельчаки.

Потянулся было солдат к воде. Взял уже кружку, да вдруг:
— Нет, не мне,— произнес солдат.— Не мне. Детям тащи, родимый.

К Бугу, смерти навстречу, поползли. Вернулись с водой герои. Напоили детей и раненых.

Отважно сражались защитники Брестской крепости. Но становилось их все меньше и меньше. Бомбили их с неба. Из пушек стреляли прямой наводкой. Из огнеметов.

Ждут фашисты — вот-вот и запросят пощады люди. Вот-вот и появится белый флаг.

Ждали, ждали — не виден флаг. Пощады никто не просит.

Тридцать два дня не умолкали бои за крепость.

«Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» — написал на стене штыком один из последних ее защитников.

Это были слова прощания. Но это была и клятва. Сдержали солдаты клятву. Не сдались они врагу.

СМОЛЕНСКИЙ ГРАДОБОЙ

В июле 1941 года началось грандиозное сражение у Смоленска. С запада, с севера, с юга идут враги. Полыхает огнем Смоленщина. То наступают фашисты, то наши идут в атаку, то давят опять фашисты, то мы отвечаем огнем и сталью.

Бои под Смоленском у села Градобой фашисты назвали ступенью ада. Нелегко здесь пришлось фашистам. На редкость упорным село оказалось. Клином вбилось фашистам в память.

Еще на дальних подходах к селу накрыл минометный огонь фашистов. Прошлись по фашистам градом железные мины. Осколки как гвозди к земле их пришили.

Посмотрели фашисты на место боя. Сосчитали своих убитых. Треть полегла на поле. Каждый третий простился с жизнью.

— Ад! — впервые сказали тогда фашисты.

Потом, рядом уже с селом, почти у самой его околицы, пулеметный огонь окатил фашистов. Хлынули пули железным ливнем. Преградили путь фашистам.

Посмотрели фашисты на место боя. Сосчитали своих убитых. Снова треть распрощалась с жизнью. Каждый третий остался в поле.

— Ад! — прокричали опять фашисты.— Это не бой, а ад!

Ворвались в село фашисты. Вот-вот осилят наших. Вот-вот в руках победа. Но тут наши в штыки поднялись, пошли в атаку. Блеснуло на солнце граненой сталью. Взлетели штыки, как пики. Кольнули фашистов железным жалом.

Опрокинули наши в бою фашистов. Лишь через несколько дней, когда подошли сюда танки, пушки, взяли фашисты село Градобой.

Узнают фашисты: что за село такое?

Отвечают фашистам:

— Село Градобой.

— Как, как?

— Градобой! — говорят фашистам.

— Градо-бой?! — удивленно твердят фашисты.

Два месяца не утихали бои на полях у Смоленска. Жмут, жмут, что есть силы рвутся вперед враги. Атакуют фашисты наших. Атакуют фашистов наши.

— Прорыв к Смоленску!

— Прорыв на Ельню!

Стоят наши насмерть у города Ярцево, стоят насмерть у Духовщины. Пламенеет, полыхает земля вокруг. Идут бои. Героически сражается Красная Армия. Изничтожает фашистскую грозную силу. Несладко фашистам под смоленским огненным градобоем.

ВЯЗЬМА

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист. 30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

Привольны поля под Вязьмой. К ним бегут холмы. Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение.

Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер,— рапортуют фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

Вот смелый один нашелся.

— Нет, осмелюсь доложить, мой фюрер...— Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлекся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов.

Срывается фашистское наступление. Застряли они под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер,— докладывают фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

— Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

— Осмелюсь доложить, мой фюрер,— пытается сказать тот, смелый.— Наш Фридрих Великий еще сказал...

Однако не слушал дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?!

— Нет,— за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток бранных слов.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих еще сказал...

Слушает Гитлер:

— Ну, ну, так что же сказал наш Фридрих?

— Фридрих Великий сказал,— повторил генерал,— русских нужно дважды застрелить. А потом еще и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь на полях, на холмах под Вязьмой в могилах сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

ГЕНЕРАЛ ЖУКОВ

Командующим Западным фронтом — фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги. Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут,— докладывают,— у Юхнова, западнее города...— и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут,— поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивленно на Жукова смотрят.

— Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь,— говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут,— находят на карте город Медынь,— на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы,— и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

— Так, так, правильно,— говорит Жуков.— Только силы не вот здесь, а вот тут,— уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивленно на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

— Слушаю дальше,— сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда,— говорят офицеры,— к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет,— возражает Жуков.— Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части,— и показывает новое место на карте.

Пожали плечами штабные офицеры. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Все именно так. Вы молодцы — обстановку знаете,— похвалил Жуков штабных офицеров.— Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб — поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в Великой Московской битве.

ТУЛЬСКИЕ ПРЯНИКИ

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе, фашисты решили прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула — город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренек, находчивый, веселый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошел к готовой мине. Наклейки на мины — шлеп, шлеп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

— Вот так фашистам «сладость»!

— Фрицам хорош «гостинец».

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят саперы на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах — «Тульский пряник».

Смеются солдаты:

— Ай да «сюрприз» фашистам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждем новую партию «тульских пряников».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Все, что из Тулы приходило теперь на фронт,— снаряды и патроны, минометы и мины,— стали называть они тульскими пряниками.

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да все напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле. Видимо, «тульские пряники» хороши!

ЗОЯ

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» — так называли в отряде Зою.

В селе Петрищево остановился большой фашистский отряд. Ночью, выполняя боевое задание, Зоя проникла в Петрищево. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии подполковник Рюдерер:

— Кто вы?

— Не скажу.

— Ваши цели?

— Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал ее на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет»,— отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, ее несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босую ходить по снегу. И снова:

— Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Допрашивал Зою сам командир дивизии подполковник Рюдерер.

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили ее в центре деревни на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников. Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился, нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

— Товарищи! Не бойтесь,— прозвучал голос Зои.— Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

— Мне не страшно умирать, товарищи,— это счастье — умереть за свой народ.— И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: — Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Все равно победа будет за нами!

Комендант дернулся. Подал рукой команду...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы...

ОТДЕЛЬНЫЙ ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН

Продолжается Московская битва. Тяжелые бои идут у поселка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут солдаты.

Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи. Все резервы давно в бою.

Все тяжелее дела под Крюковом. Снова звонят командиры начальникам.

— Хорошо,— говорят начальники.— Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие. Словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошел танкист к командиру полка, руку к шлему поднес, представился:

— Товарищ командир, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен — нет сил — командир полка. Мало того, что доволен,— счастлив. Обнял офицера:

— Спасибо тебе, браток.— И сразу конкретно к делу: — Сколько в батальоне танков?

Подошел к танкисту командир полка, крепко обнял героя:
— Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон!

— Одна машина,— отвечает танкист. И небесной лазурью на командира смотрит.

— Сколько-сколько? — не верит своим ушам командир полка.

— Одна машина,— повторяет танкист.— Одна осталась... Танк типа «Т-37».

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые... Вся радость с лица у командира полка секундой слетела. Танк «Т-37» — самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемет — вот и все вооружение. Броня толщиной с мизинец.

— Жду боевую задачу,— сказал танкист.

«Катись отсюда,— вот и вся боевая задача»,— хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя осилил.

— Направляйтесь в распоряжение первого батальона,— сказал командир полка.

Этот батальон больше всего и атаковали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте поддержит броней пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видят броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идет к солдату — прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперед фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой еще четыре. Теперь уж не только первому батальону — всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист — молодой, возбужденный, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью.

Подошел к танкисту командир полка, крепко обнял героя:

— Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон!

МАМАЕВ КУРГАН

Рухнули фашистские планы. Не смогли они взять Москву. Были разбиты в Великой Московской битве.

Летом 1942 года, собрав новые силы, фашисты начали наступление на юге нашей страны. Разгорелось огромное сражение на берегах Волги — Сталинградская битва.

Лейтенант Чернышов — красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черные, как смоль.

Идут тяжелые бои за Сталинград.

Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган — самая высокая точка Сталинграда. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черные, как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперед.

— Вперед! Вперед! — до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и опять:

— Вперед!

Лежат солдаты, не поднимаются.

— Вперед! — кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго.— Вперед!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика.

— Вперед! — кричит лейтенант Чернышов.

Лежат солдаты.

Вдруг объявился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

— Они же мертвые, товарищ лейтенант,— тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял — солдаты мертвые. Живы только они вдвоем — он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь внизу у кургана назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвертый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет — страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. Словно устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку — сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

— В атаку! — снова прошла команда.

Снова к вершине ведет Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит — раскатом грома гремит «Ура!». «Что бы такое?» Решает — причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги с левого берега пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

— Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой ударили.

В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

— Все же наша взяла,— произнес лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские черные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови все так же дугой, как месяц.

КРЕСТ НА ПЕРЕВАЛЕ

В те дни, когда кипела Сталинградская битва, тяжелые бои с фашистами развернулись и на Северном Кавказе. Один из боев шел в Суарском ущелье. Пытались фашисты через Суарское ущелье прорваться к Военно-Грузинской дороге. Эта дорога через горы, через Крестовый перевал ведет к Тбилиси.

Сражались здесь части, составленные из моряков-черноморцев и курсантов военно-морских училищ.

Был он в черкеске, в папахе, кинжал на ремне — у пояса. Ружье на плече висело.

Места для бойцов новые, незнакомые.

Сообщили воинам-морякам:

— Прибудут проводники. Местные жители. Партизаны.

И верно: вскоре прибыл один из проводников. Глянули воины на партизана: старик стариком, борода до пояса.

— Отец, сколько ж тебе годов?!

— Восемьдесят,— важно сказал старик.

Прибыл второй проводник. Глянули воины на партизана: а этот еще древнее.

— Отец, сколько ж тебе годов?!

— Девяносто,— важно сказал старик.

Третий посланец прибыл. Глянули воины на партизана: ну, право, столетний явился дед.

Так и есть.

— Отец, сколько ж тебе годов?!

— Сто,— важно ответил дед.

Звали старика Тасолтан Апаевич Базров.

— Ну куда же тебе в партизаны?!

— А как же, а как же,— начал сердиться старик.— Война. Разве могу я голову под шкуру баранью спрятать!

Был он в черкеске, в папахе, кинжал на ремне — у пояса. Ружье на плече висело.

Посмотрели бойцы на ружье. Старше деда ружье — кремневое.

Хотя и сто лет Тасолтану Базрову, однако оказался он на редкость подвижным, на редкость выносливым.

Знал Базров все тропы в Суарском ущелье, знал все скалы, уступы, завалы. Где лучше устроить засаду, как незаметно проникнуть в тылы к противнику, какими путями надежнее доставить своим боеприпасы — все точно расскажет, покажет дед. Незаменимым он стал в отряде.

Правда, посмеивались бойцы над кремневым его ружьем.

Вновь обижался Базров.

— Деды сражались,— твердил старик.— Лишь то хорошо ружье, которое бьет без промаха.

Подарили моряки деду тельняшку, затем бескозырку. Затем автомат вручили. Понравился старику огневой подарок.

Однако не расставался Базров и со старинным ружьем. Сидит в засаде. Держит в руках автомат. Рядом — ружье кремневое.

— Деды сражались, деды сражались,— твердил старик.

Удержали советские воины Суарское ущелье. Прогнали фашистов.

Стояли в строю победители. Тут же со всеми столетний партизан Тасолтан Базров. В тельняшке морской, в бескозырке, в горской своей черкеске. В руках — автомат и ружье кремневое.

Смотрели воины на старика. Вот он, орел кавказский.

Не пробились фашисты к Крестовому перевалу.

Довольны солдаты:

— Крест и здесь на фашистских мечтах поставили.

БОГАТЫРСКИЕ ФАМИЛИИ

Советские войска защищали героический Севастополь. Выпал короткий перерыв в боях. Отличившихся воинов представляли к наградам. Штаб. Два офицера. Младший по званию. Старший по званию. Младший зачитывает наградные листы, называет фамилию отличившегося, докладывает старшему, за что и к какой представлен боец награде.

Четко идет работа:

— Найда.

— Кахаров.

— Кули-заде.

Приятно офицерам читать о героях:

— Беспалов.

— Каралов.

— Омаров.

— Дзесов.

Читая одну из бумаг, чуть задержался младший.

— Ну что там? — поторопил его старший.

— Вот молодец. Вот молодец,— восхищается младший.

— Кто же?

— Герой! Орел!

— Кто же?!

— Богатырь,— откликается офицер.

— Фамилия как?

— Богатырь,— опять о своем офицер.

Поднял старший начальник глаза на младшего:

— Фамилия?

— Иван Богатырь,— улыбается офицер.

Посмотрел недоверчиво старший на младшего.

— Иван Богатырь,— повторяет младший и тянет бумагу старшему.

Действительно, под Севастополем сражался Иван Богатырь. Был он ефрейтором. Был пулеметчиком. Оставшись один в окопе, он принял неравный бой с фашистами. Герой

был ранен в голову, контужен, затем ранен в правую руку, но продолжал сражаться. Пять часов до прихода помощи удерживал Иван Богатырь свою позицию. Когда подсчитали число фашистов, которых уничтожил в этом бою Иван Богатырь, их оказалось более ста.

Прочитал старший офицер наградной лист о подвиге Ивана Богатыря.

— Герой! Орел! — согласился офицер.

Потом полистал другие бумаги. Прочитал про другие подвиги. Глазами прошел по фамилиям. Читает: Линник, Главацкий, Гахокидзе, Байда, Умеркин, Спирин...

— Молодцы, молодцы,— произносил офицер.

Пулеметчик Иван Иванович Богатырь, пехотинец ефрейтор Павел Дмитриевич Линник, политрук роты Георгий Константинович Главацкий, политрук другой роты Михаил Леванович Гахокидзе, старший сержант разведчица Мария Карповна Байда, артиллерист младший лейтенант Абдулхак Умеркин, пехотинец старший лейтенант Николай Иванович Спирин — все они были воистину богатырями. Все они, а вместе с ними и многие другие за свои подвиги, совершенные при защите Севастополя, стали Героями Советского Союза.

Вновь посмотрел офицер на фамилии:

— Нет здесь простых. Богатырские все фамилии.

НОЙ АДАМИЯ

Сражается Севастополь. Фашистское орудие бьет по нашим. Пятеро фашистов здесь при орудии: один заряжает, второй стреляет, двое подносят снаряды, пятый — командир орудия.

Стреляет пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова крикнул фашист:

— Огонь!

Однако не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчики, есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над правой бровью от пули след.

Недолго на войне замешательство. Заряжающий стал стреляющим. Один из подносчиков стал заряжающим.

Снова стреляет пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова крикнул фашист:

— Огонь!

Однако снова не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчик. Есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над левой бровью от пули след.

Коротко на войне замешательство. Заряжающий стал и стреляющим: сам заряжает и сам стреляет. Снова в работе пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова кричит офицер:

— Огонь!

Не отозвалась команде пушка. Посмотрел командир на орудие. В живых у пушки остался всего лишь один солдат. Прицелился этот один — последний, приготовился только к выстрелу, как тоже у пушки рухнул. А следом за ним и пятый — сам командир орудия.

Посмотрел из-за укрытия старшина Ной Адамия.

Почти триста фашистов уничтожил снайпер Ной Адамия под Сталинградом.

— Порядок! — сказал Адамия. Старшина Ной Адамия был снайпером. Это его работа.

Почти триста фашистов уничтожил снайпер Ной Адамия под Сталинградом. За свой ратный подвиг Ной Адамия награжден высшей наградой Родины. Он стал Героем Советского Союза.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАВЕЛИН

Северная часть Севастополя. Выход из бухты. Начало моря. Здесь у моря поднялась крепость. Это Константиновский равелин.

Любой корабль, входя в Севастополь, не обойдет, не минует Константиновский равелин. Не минуешь его и при выходе. Константиновский равелин как страж, как часовой у ворот Севастополя.

Фашисты штурмовали Константиновский равелин.

Вместе со всеми в бою комиссар равелина Иван Кулинич. Азартен в бою Кулинич. Вот он стоит на виду у моря. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Сражается равелин. Волком вцепились в него фашисты. Снаряды, как молот, дробят округу.

Не сдается Константиновский равелин.

Бомбят равелин самолеты. Танки в стены чуть ли не лбами бьют.

Все меньше и меньше в живых героев. И все же стоят герои. Прикрывают отход своих. В эти дни корабли Черноморского флота вывозили из города раненых. Сдать равелин фашистам — значит отрезать нашим судам путь из бухты в открытое море. Удержались герои до нужного срока. Не подпустили фашистов к берегу. Ушли без потерь корабли из бухты.

Ушли корабли. Опустела бухта. Долг до конца исполнен. Прибыл теперь приказ, чтобы и сами герои покинули равелин. Простились матросы с крепостью. Все ушли. Лишь один остался — комиссар равелина Иван Кулинич. Взорвать равелин, уничтожить запас снарядов — с этой целью и задержался теперь Кулинич. Отправил минеров:

— Я — сам! Я — сам!

Вот он стоит на виду у неба. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Вновь атакуют фашисты крепость. Не отвечает фашистам крепость. Осмелели фашисты:

— Форвертс! Вперед!

Ворвались фашисты в крепость. Видят — стоит комиссар. Китель моряцкий в дыму, в ожогах.

— Комиссар?!

— Комиссар!

Устремились к нему фашисты. Рты исказились в победном крике. Несутся фашисты. Предпоследний, последний шаг.

— Получайте,— тихо сказал Кулинич. Повернул механизм подрывной машины.

И в ту же секунду поднял землю страшенный взрыв. Взлетели фашисты к небу.

Погиб комиссар Кулинич.

Мстили фашисты потом равелину. Хотели сровнять с землей. Шипели мины. Рвались запалы. Но он стоял. Вскипало море. Гудели скалы. Но он стоял.

То кровь героев скрепила стены. То подвиг смелых жил в этих стенах.

Он и нынче стоит у моря — страницей славы, страницей боли — Константиновский равелин.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Стояли тяжелые дни Ленинградской блокады.

...Обед был праздничным, из трех блюд. О том, что обед будет из трех блюд, ребята детского дома знали заранее. Директор дома Мария Дмитриевна так и сказала:

— Сегодня, ребята, полный у нас обед: первое будет, второе и третье.

Что же будет ребятам на первое?

— Бульон куриный?

— Борщ украинский?

— Щи зеленые?

— Суп гороховый?

— Суп молочный?

Нет. Не знали в Ленинграде таких супов. Голод косит ленинградцев. Совсем другие супы в Ленинграде. Приготовляли их из дикорастущих трав. Нередко травы бывали горькими. Ошпаривали их кипятком, выпаривали и тоже использовали для еды.

Назывались такие супы из трав — супами-пюре. Вот и сегодня ребятам — такой суп.

Миша Кашкин, местный всезнайка, все точно про праздничный суп пронюхал.

— Из сурепки он будет, из сурепки,— шептал ребятам.

Из сурепки? Так это ж отличный суп. Рады ребята такому супу. Ждут не дождутся, когда позовут на обед.

Вслед за первым получат сегодня ребята второе. Что же им на второе будет?

— Макароны по-флотски?

— Жаркое?

— Рагу?

— Гуляш?

Нет. Не знали ленинградские дети подобных блюд.

Миша Кашкин и здесь пронюхал.

— Котлеты из хвои! Котлеты из хвои! — кричал мальчишка.

Вскоре к этому новую весть принес:

— К хвое — бараньи кишки добавят.

— Ух ты, кишки добавят! Так это ж отличные будут котлеты.

Рады ребята таким котлетам. Скорей бы несли обед.

Завершался праздничный обед, как и полагалось, третьим. Что же будет сегодня на третье?

— Компот из черешни?

— Запеканка из яблок?

— Апельсины?

— Желе?

Нет. Не знали ребята подобных третьих.

Кисель им сегодня будет. Кисель-размазня из морских водорослей.

— Повезло нам сегодня. Кисель из ламинарии,— шептал Кашкин.— Ламинарии — это сорт водорослей. Сахарину туда добавят,— уточнял Кашкин.

— Сахарину! Вот это да! Так это ж на объеденье кисель получится!

Обед был праздничный, полный — из трех блюд. Вкусный обед. На славу.

Не знали блокадные дети других обедов.

ТАНЯ САВИЧЕВА

Голод смертью идет по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде.

Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут ее Таня. Таня Савичева ведет дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж».

Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 ч. утра. 1941 г.»

Женя — это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. в 3 ч. дня 1942 г.»

Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем:

«Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.»

Лека — это брат Тани.

Еще одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 г.»

Еще одна страничка. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листа.

«Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942».

Вот страница с буквой «М». Читаем:

«Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942».

Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет:

«Савичевы умерли».

Открывает страницу на букву «у». Уточняет:

«Умерли все».

Посидела. Посмотрела на дневник.

Открыла страницу на букву «О». Написала:

«Осталась одна Таня».

Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда.

Но не долго прожила Таня.

От голода, стужи, потери близких подорвалось ее здоровье. Не стало и Тани Савичевой.

Скончалась Таня. Дневник остался.

«ДОРОГА ЖИЗНИ»

Фашисты окружили Ленинград со всех сторон. Лишь в одном месте можно было проехать в город. Этот путь шел по воде. По узкой полоске Ладожского озера.

Рано в 1941 году наступили морозы. Стало, замерзло Ладожское озеро. Остановилась водяная дорога. Прекратился подвоз продуктов, подвоз горючего, подвоз боеприпасов. Как воздух, как кислород нужна Ленинграду дорога.

Решили ленинградцы:

— Будет дорога!

Пройдет она по льду Ладожского озера.

Не каждый верил в такую дорогу. Неспокойна, капризна Ладога (так сокращенно называют Ладожское озеро). Забушуют метели, пронесется над озером пронзительный ветер — сиверик, появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И все же выхода другого нет. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Ждут люди, когда же замерзнет озеро. Как там на Ладоге лед?

— Растет.

— Нарастает.

— Силу берет.

— Быстрее, быстрее,— люди кричат Ладоге.— Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру ученые-гидрологи (это те, кто изучает воду и лед). Прибыли строители и армейские командиры.

Прошли по льду гидрологи — выдержал лед.

Прошли строители — выдержал лед.

Майор Можаев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал — выдержал лед.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта — на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лед, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по все еще полностью не окрепшему льду Ладожского озера прошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном берегу возвращения людей и автоколонны.

— Вернутся? Застрянут? Попадут под бомбежку немцев?

Нелегкой была дорога. Не всегда здесь удачи были.

Прошли сутки. И вот:

— Едут!

Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лед. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лед окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжелые грузы.

Нелегкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лед под напором ветра. Тонули порой машины.

Фашистские самолеты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери.

Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шоферы. И все же в любую погоду, и днем и ночью трудилась дорога.

Стояли самые тяжелые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы ее назвали.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ленинградская публичная библиотека — одна из самых больших в мире. Публичная означает народная, то есть библиотека для всех, для многих.

Тысячи и тысячи различных книг хранятся в Ленинградской публичной библиотеке.

Много всегда здесь читателей. Даже в самые тяжелые дни ленинградской обороны, когда наступили страшные холода, когда прекратилась подача воды, когда погас электрический свет в Ленинграде, не закрылась, продолжала работать Публичная библиотека. При фонарях, при свечах, при керосиновых лампах работала Ленинградская публичная библиотека.

Появились новые читатели у библиотеки. Библиотекарша старушка Гликерия Сергеевна, как и всегда, стояла на выдаче книг. И вот как раз входит один из таких новых читателей. Молодой. Рослый. В военной форме.

Говорит:

— Здравствуйте!

Спрашивает:

— Можно у вас получить книгу Николая Островского «Как закалялась сталь»?

— Можно,— отвечает Гликерия Сергеевна.

— А можно — повесть «Дубровский» и стихи Александра Сергеевича Пушкина?

— Можно,— отвечает Гликерия Сергеевна.

— А можно — романы Александра Дюма «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя»?

— Можно и «Три мушкетера». Можно и «Двадцать лет спустя».

— А можно ли...— более десяти разных книг назвал военный.

Продолжает:

— А есть ли у вас книги на украинском языке?

— Есть.

— А есть ли у вас книги на татарском языке?

— Есть.

Потом спросил книги на литовском языке, потом на туркменском. Назвал книги Тараса Шевченко, назвал книги Ованеса Туманяна, назвал книги Яниса Райниса, назвал и другие книги.

Смотрит удивленно Гликерия Сергеевна на военного.

— Это все вам?!

— Мне,— отвечает военный. И уточняет: оказывается, лечится он в одном из ленинградских госпиталей, пришел в библиотеку с просьбами от раненых товарищей.

— Ах, вот как,— сказала Гликерия Сергеевна.

Засуетилась она, заторопилась. В стопки собрала книги. Перевязала, дает военному.

— Приходите,— говорит,— приходите. Рады всегда вас видеть.

Из многих ленинградских госпиталей приходили в те дни за книгами в Публичную библиотеку. Просили книги на русском и украинском языках, на белорусском, грузинском, эстонском, киргизском, узбекском, азербайджанском, башкирском, таджикском, якутском и многих других языках.

Поражалась Гликерия Сергеевна. Сколько разных бойцов, сколько разных национальностей защищает ее родной Ленинград!

И это верно. Вся страна помогала Ленинграду. Вся страна Ленинград защищала.

Мужеству нет предела. Подвигу — вечная слава. Не пал Ленинград на колени. Устоял он в боях с врагами. Город-герой Ленинград.

СРАЖЕНИЕ ПОД КУРСКОМ

Гудит, грохочет металлом битва. Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной. Смешались в схватке огонь и люди. Зловещей гарью покрылось небо.

12 июля 1943 года под селением Прохоровка, южнее Курска, произошло величайшее во всей истории Великой Отечественной войны танковое сражение. Почти 1200 боевых машин и самоходных орудий приняло участие в этом небывалом сражении.

Механик-водитель старший сержант Александр Николаев в Прохоровском сражении ввел в бой танк капитана Скрипкина.

Плацдарм, на котором идет сражение, совсем невелик. Река Псёл с одной стороны. С другой — железнодорожная насыпь. С трудом разместилось здесь столько танков. Тесно махинам на поле. Чуть ли не трутся они бортами.

Сидит за рычагами танка старший сержант Николаев. Точно выполняет команды капитана Скрипкина.

— Правее! — кричит капитан.

Повернул Николаев правее танк. И тут же перед глазами вырос борт фашистского «тигра». Ударил из пушки стрелок по «тигру». Задымил, запылал вражеский танк.

— Левее! Бери левее! — командует Скрипкин.

Повернул Николаев влево. И снова рядом фашистский танк. Ударил стрелок и по этому «тигру».

— Есть! — закричал стрелок.

Неплохое совсем начало. Продолжают танкисты бой.

Шагает танк Скрипкина, ищет врага прицелом. Нашел.

— Выстрел!

— Выстрел!

Да мимо оба. Ушел, увернулся фашистский танк.

Продолжают танкисты бой.

Ползет танк Скрипкина. Ищет врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут.

Опередили фашисты наших:

— Выстрел!

— Выстрел!

Да мимо оба. Сманеврировал, ушел от удара советский танк.

Снова в бою танкисты. Ищут врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут. Окружили танк Скрипкина сразу четыре фашистских танка. Подожгли советский танк. Ранили осколком капитана Скрипкина.

Вынесли старший сержант Николаев и радист командира из танка, укрылись рядом в большой воронке.

Не утихает кругом сражение. В самом разгаре битва.

Вдруг видит Николаев, что один из «тигров» движется к воронке. Ясно Николаеву: заметили их фашисты, минута — всему конец. Раздавят советских солдат фашисты.

Рванулись мысли:

«Быстрей гранату!»

Нет у бойца гранаты.

«Бутылку с горючей смесью!»

Нет у бойца бутылки.

Глянул сержант Николаев на «тигра», потом на свой, на горящий танк. Секунда. Рванулся к танку. Вскочил на башню. Скользнул сквозь пламя. Метнулся в люк. Проверил: мотор исправен, ход не нарушен. Фыркнул, дрогнул и ожил танк. Рванулся с места. Развил он скорость и в лоб на «тигра», как молот в кузне. Удар был мощным. Удар — разящий. На месте «тигра» — металл горящий.

...Клонилось солнце к траве, к закату. Устали люди, земля и небо. А бой все шел, все не кончался. И оставалось пока неясным, кому быть в первых, за кем здесь сила. Но

Развил он скорость и в лоб на «тигра», как молот в кузне. Удар был мощным. Удар — разящий.

вот над полем пронеслось: отходят «тигры». И вслед за этим как гром:

— Победа!

Проиграли фашисты танковое сражение под Прохоровкой. А затем и всю Курскую битву.

Говорили тогда солдаты:

— Сломали хребет фашистам.

ТРУБКА

Старший лейтенант Алихан Гагкаев командовал артиллерийской батареей. Четыре орудия в батарее.

Любили батарейцы своего командира: молодой, всегда веселый. Осетин он. Родом с Кавказа.

Была у Гагкаева трубка — память о доме. Не расставался Гагкаев с трубкой. Сам не курил. Просто носил в кармане.

— В Берлине раскурим,— шутил Гагкаев.

Во время Курской битвы батарея Гагкаева обороняла шоссе, ведущее из города Белгорода на Курск. Не она одна прикрывала шоссе. Левее,

правее стояли другие. Но сложилось так, что один из главных ударов фашистов пришелся как раз на батарею Гагкаева.

Держит Гагкаев по рации связь с командиром полка майором Котенко.

— Вижу танки.

— Сколько?

— Десять.

Через минуту:

— Тридцать.

Еще через минуту:

— Семьдесят.

Вступили солдаты в бой. Обрушили артиллерийский огонь на фашистские танки. Удачно они стреляли. Выходят из боя фашистские машины. Но бой есть бой. Тут потери всегда взаимны. Подбили фашисты одну из советских пушек.

Продолжается жаркий бой. Снова выходят из строя фашистские танки. Но и снова потеря на батарее. Гибнет вторая пушка. Было четыре, осталось две. Но и две — это тоже сила.

— Как дела? — спрашивает по рации майор Котенко.

— Нормально,— отвечает ему Гагкаев.

Все сильнее, все упорнее бой. Бой есть бой. Снова потеря на батарее. Было четыре пушки. Одна осталась. Но и одна — это тоже сила.

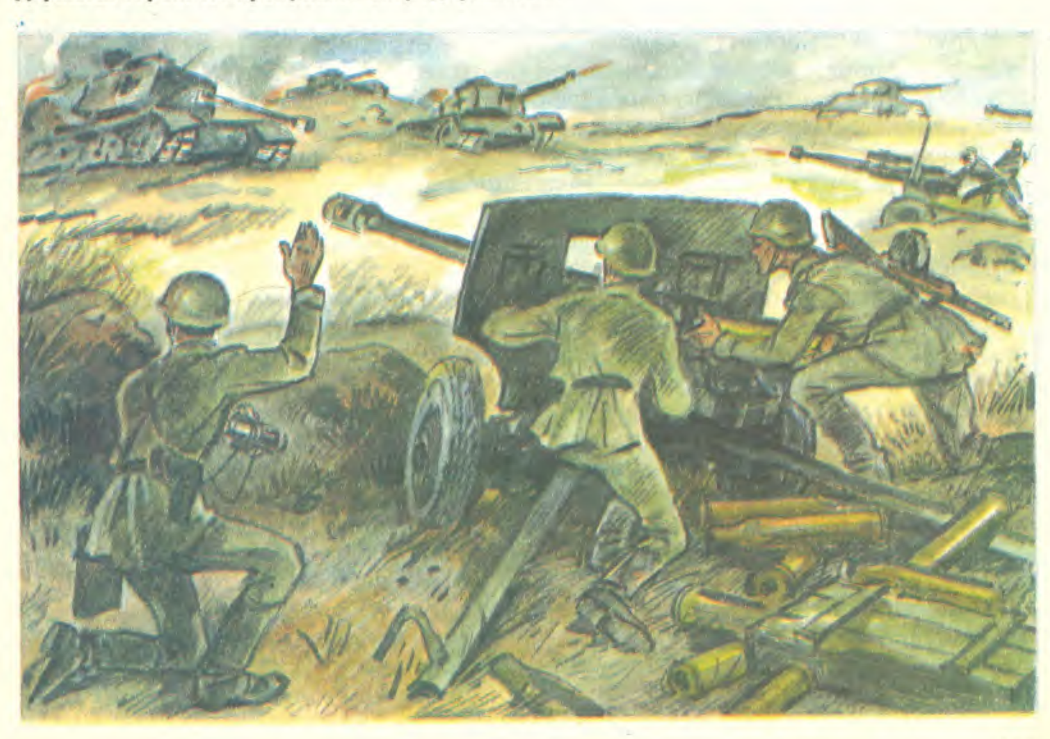
— Как дела? — опять запрос от майора Котенко.

— Держимся,— отвечает ему Гагкаев.

Держатся герои. Не пропускают вперед фашистов. Погибла последняя пушка. Взяли батарейцы гранаты в руки. Перешли к рукопашному бою.

— Как дела? — снова слышится голос майора Котенко.

Держатся герои. Не пропускают вперед фашистов.

— Нормально,— кричит Гагкаев.— Держимся. Перешли к рукопашному бою.

— Понял. Идем на помощь.

Прибыла помощь: танки, отряд пехоты. А с ними и сам Котенко. Повернулся к командиру полка Гагкаев. Руку поднес к фуражке.

— Товарищ майор, держит рубеж батарея.

— Орлы! Молодцы! — похвалил Котенко.

Улыбнулся Гагкаев. Продолжает стоять, все руки не отводит от фуражки. И вдруг побледнел, качнулся и рухнул на землю. И только тут увидел майор Котенко — весь правый бок залит у артиллериста кровью. Бросились к нему батарейцы, наклонился майор Котенко.

— Держит рубеж бата...— вновь произнес герой. И больше ни слова. Мертвым лежал Гагкаев.

Погиб Алихан Гагкаев. А трубка осталась. Сохранили ее солдаты. Раскурили ее батарейцы в Берлине. В день нашей Победы. Как и мечтал Гагкаев.

МОСКВА — ИРКУТСК

Было это в те дни, когда наши войска готовились к Курской битве. Рыли солдаты траншеи, окопы, укрепляли подходы к Курску.

Бросают солдаты землю.

Вдруг — автомашина «виллис». Из штаба фронта. Остановился «виллис». Вышли двое. Один из приехавших — капитан. Признали его солдаты: военный инженер из штаба Центрального фронта.

Интересно солдатам: сколько ж отрыли они окопов? Обратились к штабисту:

— Инженер-капитан, сколь же мы отрыли?

Достал капитан блокнот. Раскрыл. На пометку какую-то глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Рязани,— сказал капитан. Оказался как раз капитан из тех, кто для наглядности любил прибегать к сравнениям.

— До Рязани?! — сорвалось солдатское удивление.

— До Рязани,— сказал капитан. Осмотрел капитан окопы. Какие-то записи сделал. Уехал проворный «виллис».

Снова солдаты лопаты в руки. Дальше ползут окопы.

Через какое-то время снова приехал сюда капитан. И снова солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли отрыли?

Достал капитан блокнот. На пометку какую-то снова глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Казани,— сказал капитан.

— До Казани?! — удивляются опять солдаты.

— До Казани,— подтвердил капитан.

Осмотрел капитан окопы. Осмотрел, обошел округу. Какие-то записи снова сделал. Умчался «виллис».

Снова солдаты за работу. Снова умылись пóтом. Дальше ползут окопы.

И в третий раз приезжал капитан, и в четвертый. Затем и в пятый. И каждый раз солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли прорыли?

— От Москвы до Свердловска,— сказал капитан в третий раз.

Довольны солдаты.

— Значит, Урал пошел!

— Урал,— соглашается капитан.

— От Москвы до Тюмени,— сказал в четвертый.

Смеются солдаты:

— Значит, Сибирь пошла!

— Сибирь! — соглашается капитан.

— От Москвы до Иркутска,— сказал капитан, когда завершили солдаты свою работу.

Довольны солдаты:

— До Байкала, никак, прорыли.

Пять тысяч километров траншей и окопов прорыли солдаты, готовясь к битве под Курском.

И это только на одном, на Центральном фронте. А ведь рядом, на юг, на север от Курска, другие фронты стояли: Воронежский, Брянский, Степной, Юго-Западный, Западный...

Да и не только одни окопы солдаты рыли. Наводили минные поля, строили доты и дзоты, устанавливали проволочные заграждения, возводили различные инженерные сооружения, создавали целые оборонительные районы. Много труда, много усилий.

Знают солдаты: война есть не только подвиг на поле брани. Подвиг труда и подвиг в труде здесь в той же великой мере.

Смеются солдаты:

— Мы этих окопов за всю войну, считай, до небес, до самой Луны и назад прорыли.

— До Марса, считай!

— До Юпитера!

Окопы, окопы. Мозоли солдатские. Еще одна дань войне.

ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ

После Курской победы Советская Армия быстро пошла вперед. Под ударами наших войск фашисты поспешно отходили на запад. Началось освобождение Украины и Белоруссии.

Широк и могуч, и славен Днепр. Кручи седые стоят, как скалы. Словно ветер, быстра вода.

Здесь, на Днепре, на правом высоком его берегу, и укрепились теперь фашисты. Создали мощную оборону. Несокрушимой стеной подымается правый берег.

Свою оборону на Днепре фашисты назвали «Восточным валом».

Заявили фашисты:

— Неприступен «Восточный вал»!

Даже Гитлер сказал:

— Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские здесь прорвутся.

Подошли наши части к Днепру. И тут же с ходу, без остановки стали переправляться на правый берег. Устремились войска вперед.

Заметались фашисты по правому берегу. И здесь переправа, и там переправа. Гадают, где ожидать удара. Куда посылать резервы?

Доносит фашистским генералам разведка:

— У села Теремцы захвачена противником переправа.

Вступают фашисты в бой. Посылают под Теремцы подкрепление.

Новые вести несет разведка:

— У села Домантово захвачена противником переправа.

Посылают фашисты сюда подкрепление.

Все новые, новые вести идут с Днепра:

— Переправа у Припяти!

— Переправа южнее Припяти!

Много уже переправ.

— Переправы на север от Киева.

— Переправы южнее Киева.

— Переправы возле города Кременчуга!

Наступают фронты под руководством генералов

Рокоссовского,

Ватутина,

Конева.

Наступают армии

Пухова,

Чибисова,

Черняховского,

Шарохина,

Москаленко,

Монагарова.

И других генералов.

Наступают артиллеристы, танкисты, авиационные соединения и много других частей.

Колоссальная битва идет за Днепр. Сотрясаются левый и правый берега.

Не ожидали фашисты такого штурма. Затрещал их «Восточный вал».

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования координировал, то есть руководил, согласовывал, действия советских войск на Днепре Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Смотрит маршал на переправы. Несокрушимо, как волны, идут войска. Все больше и больше огня и силы.

Смотрит Жуков на эту силу:

— Вот он — Восточный вал!

ВЛАСТЬ

Великими подвигами в борьбе за Родину прославили себя партизаны. Летом 1944 года только в одной Белоруссии сражалось 150 партизанских бригад, 49 отдельных партизанских отрядов.

Белорусские партизаны совершали смелые налеты на фашистские гарнизоны, взрывали фашистские поезда, освобождали от фашистов села и даже целые районы. В одном из таких освобожденных районов под городом Лепелем, в Лепельской партизанской зоне, насчитывалось более тысячи населенных пунктов.

Лепель — страна отважных.

Боятся фашисты этих суровых мест. Косо смотрят на край, на Лепель. И Лепель, и всю округу стороной, как огонь, обходят.

Стоят здесь колхозы.

Сельсоветы везде работают.

Больницы открыты.

Открыты школы.

Отмечают здесь люди советские праздники.

Короче — Советская власть здесь кругом под Лепелем.

1944 год. Докатилось и сюда советское наступление. Подходят наши войска под Лепель.

— Встречайте! Вернулись! — кричат солдаты. — Конец фашистам. Несем вам, родные, Советскую власть!

Улыбаются им партизаны:

— Так тут не кончалась Советская власть!

Приглашают солдат в сельсоветы, в колхозы, в больницы, в школы.

Стоят здесь колхозы.

Сельсоветы везде работают.

Больницы открыты.

Открыты школы.

Удивляются солдаты:

— Вот это да! Не кончалась и вправду, выходит, Советская власть.

Был среди наших бойцов один. Не броский, не видный. Обычный, как сотни других, солдат.

— А что? Не кончалась, конечно.

— Встречайте! Вернулись! — кричат солдаты.— Конец фашистам. Несем вам, родные, Советскую власть!

Нигде не кончалась! — сказал солдат.

Повернулись другие к солдату этому.

— Как, нигде не кончалась?! Вон сколько фашисты советской земли подмяли. Сколько лежало ее в плену.

Посмотрел на солдат боец.

— Землю — подмяли. Согласен, верно. А что до власти, так это нет. Не подмяли, не в силах. Нет власти над этой властью! — Двинул рукой, положил на сердце.— Не подмяли. Тут она, наша власть.

ХАТЫНЬ

Солдат Желобкович шагал со всеми. По белорусской земле, по отчему краю идет солдат. Все ближе и ближе к родному дому. Деревня его — Хатынь.

Шагает солдат. Обращается к боевым друзьям по роте:

— Не знаешь Хатыни? Хатынь, брат,— лесное чудо!

И начинает солдат рассказ. Деревня стоит на поляне, на взгорке. Лес расступился здесь. Дал солнцу волю. Мол, тридцать домов в Хатыни. Разбежались дома по поляне. Колодцы скользнули в землю. Дорога метнулась в ели. И там, где дорога прижалась к лесу, где ели уперлись стволами в небо, на самом бугре, на

самом краю Хатыни он и живет — Иван Желобкович.

И напротив живет Желобкович. И слева живет Желобкович. И справа живет Желобкович. Их, Желобковичей, в этой Хатыни, как скажут, хоть пруд пруди.

Шел воин к своей Хатыни.

Дом вспоминал. Тех, кто остался в доме. Жену он оставил, старуху мать, трехлетнюю дочь Маришку. Шагает солдат. Маришке несет подарок — ленту в ее косичку, ленту красную, как огонь.

Быстро идут войска. Вскоре увидит воин старуху мать. Обнимет ее. Скажет солдат:

— Пришел!

Вскоре увидит солдат жену. Расцелует. Скажет солдат:

— Пришел!

На руки возьмет Маришку. Подбросит. Скажет и ей:

— Пришел!

Вынет солдат гостинец:

— На, получай, Маришка!

Шел воин к своей Хатыни. О друзьях, о соседях думал. Вскоре увидит всех Желобковичей. Увидит Яцкевичей, Рудаков, Мироновичей. Улыбнется солдат Хатыни. Скажет солдат:

— Пришел!

Вышли они к Хатыни. Рядом совсем, в километре от этих мест.

Солдат к командиру. Мол, рядом деревня. Вот тут овражек, за оврагом лесочек. Прошел лесочек, и вот Хатынь. Выслушал ротный.

— Ну что же,— сказал,— ступай.

Шагает солдат к Хатыни. Вот и овражек. Вот и лесочек. Вот-вот

Прошел он лесочек. Вышел к поляне. Вышел — и замер. Смотрит, не верит — нет на месте своем Хатыни. На пепелище трубы одни торчат.

и избы сейчас покажутся. Сейчас он увидит мать. Сейчас жену обнимет. Маришке вручит гостинец. Подбросит Маришку к солнцу.

Прошел он лесочек. Вышел к поляне. Вышел — и замер.

Смотрит, не верит — нет на месте своем Хатыни. На пепелище трубы одни торчат.

Остановился солдат, закричал:

— Где люди?! Где люди?!

Погибли в Хатыни люди. Взрослые, дети, старухи — все.

Явились сюда фашисты.

— Партизаны! — кричат.— Лесные разбойники!

В сарай согнали фашисты жителей. Сожгли всех людей в сарае.

Подбежал солдат к отчему дому. Рухнул на землю, на пепел. Зарыдал, застонал солдат. Отлетел, выпал из рук гостинец. Затрепетала, забилась от ветра лента. Взвилась красным пламенем над землей.

Хатынь не одна. Злой оставили след на белорусской земле фашисты. Много сожгли они деревень. Много было таких Хатыней.

МИШКА

Солдатам одной из сибирских дивизий в те дни, когда дивизия отправлялась на фронт, земляки подарили маленького медвежонка. Освоился Мишка в солдатской теплушке. Важно поехал на фронт.

Приехал на фронт Топтыгин. Оказался медвежонок на редкость смышленым. А главное, от рождения характер имел геройский. Не боялся бомбежек. Не забивался в углы при артиллерийских обстрелах. Лишь недовольно урчал, если разрывались снаряды уж очень близко.

Побывал Мишка на разных фронтах. Какое-то время был с войсками на отдыхе — в тылу, во фронтовом резерве. Потом снова попал на фронт. Подрос медвежонок за это время. В плечах раздался. Бас прорезался. Стала боярской шуба.

Когда наши войска освобождали Украину, в боях под Харьковом медведь отличился. На переходах шагал он с обозом в хозяйственной колонне. Шли тяжелые, кровопролитные бои. Однажды хозяйственная колонна попала под сильный удар фашистов. Окружили фашисты колонну. Силы неравные, туго нашим. Заняли бойцы оборону. Только слаба оборона. Не устоять бы советским воинам.

Да только вдруг слышат фашисты страшный какой-то рык. «Что бы такое?» — гадают фашисты. Прислушались, присмотрелись.

— Бер! Бер! Медведь! — закричал кто-то.

Верно — поднялся Мишка на задние лапы, зарычал и пошел на фашистов. Не ожидали фашисты, метнулись в сторону. А наши в этот момент ударили. Вырвались из окружения.

Мишка шагал в героях.

Шло наступление на город Киев. Вырос Мишка. Совсем великан. Где же солдатам во время войны возиться с такой громадой? Решили солдаты: в Киев придем — в зоосаде его поселим. На клетке напишем: медведь — заслуженный ветеран и участник великой битвы.

Однако дивизия прошла мимо Киева. Не остался медведь в зверинце. Даже рады теперь солдаты.

С Украины Мишка попал в Белоруссию. Принимал участие в боях под городом Минском, затем оказался в армии, которая шла к Беловежской пуще.

Беловежская пуща — рай для зверей и птиц. Решили солдаты: вот где оставим Мишку.

Поднялся Мишка на задние лапы, зарычал и пошел на фашистов. Не ожидали фашисты, метнулись в сторону.

— Верно: под сосны его. Под ели.

— Вот где ему раздолье.

Освободили наши войска район Беловежской пущи. И вот наступил час разлуки. Стоят бойцы и медведь на лесной поляне.

— Прощай, Топтыгин!

— Гуляй на воле!

— Живи, заводи семейство!

Постоял на поляне Мишка. На задние лапы поднялся. Носом запах лесной втянул.

Пошел он валкой походкой в лес. С лапы на лапу. С лапы на лапу.

Смотрят солдаты вслед:

— Будь счастлив, Михаил Михалыч!

И вдруг... Страшный взрыв прогремел на поляне. Побежали солдаты на взрыв — мертв, недвижим Топтыгин.

Наступил медведь на фашистскую мину. Проверили — много их в Беловежской пуще.

Ушла война дальше на запад. Но долго еще подрывались здесь, в Беловежской пуще, на минах и кабаны, и красавцы лоси, и великаны зубры.

Шагает война без жалости. Нет у войны усталости.

СТАРШИНА ЯН РОЗЕ

Ян Розе — латыш. Боец 43-й гвардейской латышской дивизии.

Советские войска продвигались в Прибалтику. Три года находились Советская Латвия, Литва и Эстония под игом фашистов. Летом 1944 года началось освобождение Прибалтийских республик. Особенно упорные бои развернулись на территории Латвии при форсировании реки Айвиексте.

Течет неторопливо река Айвиексте. Петляет, петляет. Болотами, топями путь преграждает. Нелегко здесь сражаться. И все же продвигаются вперед советские войска, освобождают родную землю вместе с другими солдатами и воины-латыши.

Один из важных боев разгорелся у селения Виэталва. Шла артиллерийская перестрелка. Советские пушки били точно. Удивлялись гитлеровцы. Снаряды взрывались прямо в фашистских окопах, громили фашистские батареи, накрывали фашистские танки.

Передвинули фашисты свои танки и пушки в другие места, сменили позиции. Прошло немного времени. И снова здесь рвутся советские снаряды, снова точно ложатся в цель.

Ясно фашистам: кто-то корректирует, то есть направляет, огонь советских артиллеристов. Видимо, где-то укрылся наблюдатель. Он и наводит огонь на цели.

В селении Виэталва стояла церковь. Высоко в небо поднялась ее колокольня. Церковь находилась на «ничейной» территории, как раз посередине между нашими и фашистскими окопами. К ней-то и пробрался незаметно старшина Ян Розе. Поднялся на колокольню. Хорошо с высоты, с колокольни видно. Отсюда Розе по рации и подавал сигналы нашим артиллеристам.

Заподозрили фашисты, что на колокольне находится советский корректировщик, открыли огонь по церкви.

Сидят наши бойцы в окопах, следят за огнем фашистов.

— Выкурят они его,— сказал кто-то из бойцов.

— Ну, это еще посмотрим,— ответили ему.— Тут кто кого — это еще вопрос. Нужно знать нашего Яна...

И верно. Хитро поступал Розе. Начнут фашисты артиллерийский обстрел колокольни — спускается вниз с высоты на землю. Закончат враги обстрел — вновь поднимается на колокольню. Пять дней длился бой под селением Виэталва. Пять дней и ночей не покидал свой пост на опасной нейтральной полосе отважный старшина.

Отступили фашисты на пятый день.

— Ну, кто кого выкурил? — пошли голоса.

— Ян! Ян! — усмехаются бойцы.— Ян Розе. Стрелки латышские.

Многие бойцы 43-й гвардейской латышской дивизии были награждены орденами за бои у реки Айвиексте. Награжден был и Ян Розе. Орденом Славы. Не первый раз отличился в бою Ян Розе. Это был третий его орден Славы. Три ордена Славы — предел. Больше у одного человека их не бывает. Орден Славы имеет три степени — третью, вторую и высшую, первую. Ян Розе был награжден орденами всех трех степеней. Он стал одним из первых в Советской Армии полным кавалером этого почетного солдатского ордена.

НА БЕРЛИН ИДУТ МАШИНЫ

Он стоял на перекрестке — русский труженик, солдат. На Берлин идут машины. У бойца в руках флажок. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины, танки справа, пушки слева, пушки справа, танки слева. Час идут, второй и третий. Не предвидится конца.

Он стоял на перекрестке. Он смотрел на эту силу. И былое шло на память. Год за годом. Шаг за шагом.

Вот он первый — сорок первый. Год-страдалец. Год-герой. Сколько отдано земель! Сколько отдано друзей! Сколько слез страной пролито! Но и в этот первый год не терял боец надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом. А сейчас стоит и смотрит: неужели под Берлином?!

Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Мощь идет. Гудят машины. Сотрясается земля.

Год за годом. Шаг за шагом. Сколько горя позади! Гнули, гнули нас фашисты. Всё, казалось, шаг — и всё. Но в минуты те крутые у Москвы, у Сталинграда не терял солдат надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом.

А сейчас стоит и смотрит. Неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином?! Под Берлином! Шаг один, и ты в Берлине!

Год за годом. Шаг за шагом.

Он стоял на перекрестке — русский труженик, солдат. На Берлин идут машины.

Устояли наши в битвах. Вся страна ковала силу. Фронтом был и фронт и тыл. Вся страна ковала силу, и настал момент счастливый — дрогнул враг. И перед силой затрещала, сникла сила.

Отшагнуло время сроки, отсчитало рубежи. И Перфильев под Берлином.

Вот стоит на перекрестке русский труженик, солдат. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины. Пушки слева, танки справа. Слева танки, пушки справа. День и ночь шагает сила. Мощь идет. Под весом этим содрогается планета. Мощь идет. Под весом этим прогибается земля.

«ДАНКЕ ШЁН»

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что откипели кругом бои. Еще не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят с аппетитом солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко — повар, хозяин кухни. Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

— Кому добавки? Кому добавки?

— Ну что ж,— подбрось,— отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится. Вдруг чудится Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся — и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с ноготок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчонку:

— Ну-ка, ступай сюда.

Подошел тот к солдатской кухне.

— Ишь ты, неробкий,— бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Дает малышу.

— Данке шён,— произнес малыш. Схватил миску, умчался в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

— Миску не слопай, смотри верни!

— Э-эх, наголодался, видать,— заметил Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней и свою тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

— Что же тебе, добавки?

— Битте, фюр швестер,— сказал мальчишка.

— Для сестренки просит,— объяснил кто-то.

— Ну что же, тащи и сестренке,— ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

— Данке шён,— произнес мальчишка. И снова исчез в подворотне.

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Подошел он к походной кухне. Тянет тарелку:

— Битте, фюр муттер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

— Ишь ты какой проворный!

Получил и для матери мальчик каши.

Мальчонка был первым. Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей, каша в солдатские рты не лезет. Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

— А ну, подходи! — крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне:

— Не толпись, не толпись,— наводит порядок Зюзин. Выдал ребятам

миски. Построил в затылок один другому.

Получают ребята кашу:

— Данке шён!

— Данке шён!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки ребята.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолет. Глянули вверх солдаты. Не наш самолет — фашистский.

— А ну по домам! А ну по домам! — погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

— Марш! — закричал ефрейтор.

Пикирует самолет. Отделилась бомба. Летит. Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин один замешкался. Ударила бомба — ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползет по камням.

БРОНЗОЙ ПОДНЯЛСЯ В НЕБО

Солдат не мечтал, не гадал, не думал. А вышла слава ему в века. На пьедестале к небу солдат поднялся.

Было это в последние дни войны. Уже не километры, а метры оставались до центра Берлина. Солдаты готовились к последним боям. В числе их и солдат Николай Масалов. Был он знаменщиком 220-го гвардейского стрелкового полка. Приготовил к атаке знамя.

Ждут солдаты сигнала к бою. Перед ними один из каналов, отходящих от Шпрее. Рядом площадь. За площадью мост. Называется он Горбатым. Мост заминирован, под огнем у противника. Атаку на мост, на тот берег скоро начнут солдаты.

Притихли солдаты. Так всегда перед штурмом. Где-то гремят орудия, где-то идет стрельба. Но это не здесь. Это в других местах. Здесь тишина. Временная. Но тишина. И вдруг тишину — солдаты вздрогнули: было так неожиданно — плачем прорезал детский голос.

Было неясно, откуда он шел. С набережной? Со стороны площади? От моста? Из развалин неподалеку стоящего дома?

— Мутти! Мутти! Мамочка! — повторял голос.

— Девочка,— кто-то сказал из солдат.

Ищут солдаты глазами девочку. Где же она?

— Мутти! Мутти! — несется голос.

Определили теперь солдаты. Детский плач шел от моста. Не видно ребенка. Камнями от наших, видать, прикрыт.

Вышел вперед сержант Масалов, подошел к командиру:

— Разрешите спасти ребенка?

Подождал командир минуту. О чем-то подумал:

— Разрешаю, солдат Масалов.

Пополз Масалов через площадь к мосту. И сразу же затрещали фашистские пулеметы, забили мины по площади. Прижался солдат к асфальту, ползет от воронки к воронке, от камня к камню.

— Мутти! Мутти! — не утихает голос.

Вот полпути прополз Масалов. Вот две трети. Осталась треть. Поднялся он в полный рост, метнулся к мосту, укрылся от пуль под гранитной стенкой.

Потеряли солдаты его из вида. И голос ребенка утих. И солдата не видно.

Прошла минута, вторая... пять. Волноваться солдаты стали. Неужели смельчак погиб? Неужели погибла девочка?

И вот увидели они Масалова. Шел от моста солдат. Нес на руках немецкую девочку.

Ждут солдаты. С тревогой в сторону моста смотрят.

И вот увидели они Масалова. Шел от моста солдат. Нес на руках немецкую девочку.

— Жив! — закричали солдаты.— Жив!

Раздалась команда:

— Прикрыть Масалова огнем!

Открыли огонь солдаты. Гремят автоматы, строчат пулеметы. Ударили пушки — словно салют солдату.

Пришел Масалов к своим. Принес немецкую девочку.

Оказалось, убили фашисты у девочки мать. Наверное, женщина перебегала вместе с девочкой площадь. Вот и попала под взрыв, под пули.

Держит девочку Масалов. Прижалась она к солдату. Года ей три. Не больше. Прижалась, всхлипывает.

Обступили бойцы Масалова. На девочку смотрят. Пытаются чем-то от слез отвлечь. На пальцах козу показывают:

— Идет, идет рогатая...

Посмотрела девочка на солдат. Казалось, хотела было сильней за-

плакать. Да вдруг взяла и улыбнулась солдатам девочка.

Отгремела война. В Берлине в одном из красивых старинных парков советским солдатам, всем тем, кто спасал и наш и немецкий народ от фашистов, был установлен памятник.

Холм. На холме пьедестал гранитный. На граните фигура солдата. Стоит он со спасенной девочкой на руках.

Не думал солдат, не ведал. А вышло — бронзой поднялся в небо.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Рядовой Михаил Панкратов только-только был призван в армию. Провожали его родители.

— Не опозорь наш солдатский род, — сказал отец Павел Филиппович.

— Пусть храбрость в бою не покинет тебя — сказала мать Прасковья Никитична.

Излишни родительские наставления. Горд за судьбу молодой солдат. Рвется скорее сразиться с фашистами.

Бежит эшелон на запад. Гудит паровоз на подъемах. Колеса стучат на стыках.

Лежит солдат на вагонных нарах, о делах боевых мечтает. Вот гонит, вот бьет он врага, разит огневым автоматом. Вот смело идет в разведку, тащит назад «языка». Вот первым бросается в наступление, врывается первым в неприятельский город-крепость, гвардейское знамя вздымает к небу. Мечтает солдат о подвигах. Скосит глаза на грудь — грудь в боевых наградах.

Торопит судьбу солдат.

— Быстрее, быстрее!..— кричит паровозу.

Несутся один за одним километры. Пробегают мимо поля, леса, города и села.

Вот бы попасть под Берлин, на Центральное направление,— лелеет мечту солдат. Улыбнулась судьба солдату — попал на Центральное направление, в армию, шедшую на Берлин.

Рад безумно Панкратов такой удаче. Срочно пишет письмо родителям.

Пишет не прямо, время военное — прямо писать нельзя,— пишет намеком, однако понять нетрудно, что на Центральном солдат направлении. «Ждите вестей из Берлина»,— кончает письмо Панкратов.

Отправил письмо. Опять о делах боевых мечтает. Вот вступает солдат в Берлин. Вот с победой дома его встречают.

Дождался Панкратов великого дня. Рванулись войска в наступление.

Но что такое?! Ушли войска. Однако задержалась рота Панкратова.

Панкратов и другие бойцы к старшине:

— Что же такое, Кузьма Васильевич?

— Тихо, тихо,— сказал старшина. Голос понизил, ладошку поднес к губам: — Особое будет для нас задание.

И верно. Прошел день, посадили бойцов на машины. Глотнули бензин моторы, покатились вперед машины.

Сидят солдаты в кузовах. Довольны судьбой солдаты. Честь им оказана — особое им задание.

Намотали колеса версты, подкатили машины к огромному полю. Сиротливо, безлюдно поле, изрыто воронками, истерзано ранами.

— Слезай! — прозвучала команда.

Спустились с машин солдаты. Построил бойцов командир.

— Товарищи...— кинул рукой на поле.

«Что бы такое? — гадают солдаты.— Может, секретный объект на поле? Может, завод или штаб подземный? Может, Гитлер здесь сам укрылся?»

— Товарищи бойцы,— повторил командир,— мы получили почетное задание — вспахать и засеять поле.

Все так и ахнули.

— Вот так почетное! Вот так задание!

Однако приказ есть приказ. За работу взялись солдаты. Но не утихает солдатский гул.

И Панкратов со всеми ропщет:

— Вот так попал на Центральное направление! Что же домой я теперь напишу? Что же сообщу родителям?

В эту минуту и оказался рядом с Панкратовым старшина. Посмотрел старшина на молодого солдата. Сказал не сдержавшись, грубо:

— Молод, оттого и дурак. Не там,— показал на запад, туда, где догорали бои за Берлин,— а тут,— указал на поле,— и есть Центральное направление. Не для смерти и боя родились люди. Жизнью и миром велик человек.

Притих, умолк Панкратов. Притихли другие солдаты.

Вонзились плуги в весеннюю землю.

Радость жизни навстречу брызнула.

ПОБЕДА

— Сержант Егоров!

— Я сержант Егоров!

— Младший сержант Кантария!

— Я младший сержант Кантария!

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почетное задание. Им вручали боевое знамя.

Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Бойцы взяли под козырек и ушли. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идет бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом.

Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам пришлось залечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку, и Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание.

Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

— Ох, выше бы! — вырывается вздох у наблюдавших бойцов.

И, как бы услышав просьбу товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идет на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две... десять. Тревога все больше и больше охватывает солдат. Проходит еще тридцать минут, но ни Егорова, ни Кантария, ни знамени больше не видно.

А вечером был салют. Ликовали земля и люди.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Знамя цело. Друзья живы. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания — по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам.

Потом вдруг бросаются к застекленному куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться еще выше.

— Правильно, туда его — к самому небу! — кричат солдаты.

— Выше, братишки, выше!

На площади и в здании еще шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побежденным Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь метель и непогоду войны принесли его сюда, в самое фашистское логово.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побежденными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся грандиозный Парад Победы.

Сводные полки, приехавшие с фронтов, проходили мимо ленинского

Мавзолея. Чеканят солдаты шаг. И в каждом шаге звучит как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

Идут солдаты. А вот и особая вышла рота. Зашевелилась, задвигалась площадь:

— Что там несут солдаты?

Солдаты несли знамена поверженной фашистской Германии. Вот поравнялись бойцы с Мавзолеем. Вот повернулись резко. Шагнули вперед. Замерло все на площади. Полетели на землю знамена. К подножию Мавзолея.

И снова идут полки.

И снова в солдатском шаге, как крик, как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

А вечером был салют.

Ликовали земля и люди. Гремели, гремели, гремели залпы. То радость огнями взлетала в небо.

Победа!

Победа!

Победа!

СОДЕРЖАНИЕ

Учебное издание

Алексеев Сергей Петрович

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ НАШЕЙ РОДИНЫ
(с 1670 по 1945 год)

Зав. редакцией *А. И. Самсонов*
Редактор *Т. В. Естеферова*
Младшие редакторы *Е. В. Грибенко, Ю. В. Скугорова*
Художники *В. П. Рассохин, Б. Л. Рытман,*
В. А. Чернецов, Л. П. Анисимов
Художественный редактор *Ю. В. Булдаков*
Технический редактор *Н. Н. Матвеева*
Корректоры *О. Н. Леонова, Е. Е. Никулина*

ИБ № 12433

Сдано в набор 28.05.90. Подписано к печати 22.05.91. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнит. Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,21+0,29 форз. Усл. кр.-отт. 62,38. Уч.-изд. л. 14,97+ +0,48 форз. Тираж 500 000 экз. Заказ 2515. Цена 2 р. 10 к. без пленки, 2 р. 30 к. с пленкой.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Издательством «Просвещение» планируется выпуск следующих книг для учащихся:

Беловинский Л. В. С русским воином через века.

Бокова В. М. Декабрист Сергей Григорьевич Волконский.

Борисов Н. С. Русские полководцы XIII—XVI веков.

Зверев Б. И. По страницам военно-морской летописи России.

Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров.

Матюшин Г. Н. У истоков цивилизации.

Немировский А. И. Мифы Древней Эллады.

Скрынников Р. Г. Ермак.

1917
1918—1920
1921

1932
1935
1941—1945
БЕРЛИН

2 руб. 10 к.

